

Дэженни КОЛГАН

Головокружительная, забавная
и трогательная история, написанная очень
наблюдательным автором.

Daily Mail

Книжный магазинчик счастья

Эта книга — очень, очень милая!

Express

Дженни КОЛГАН

Головокружительная, забавная
и трогательная история, написанная очень
наблюдательным автором.

Daily Mail

Книжный магазинчик счастья

Эта книга — очень, очень милая!

Express

Дженни Колган

Книжный магазинчик счастья

Jenny Colgan

THE BOOKSHOP ON THE CORNER

Copyright © 2016 by Jenny Colgan

This edition is published by arrangement with Conville & Walsh UK and
Synopsis Literary Agency

All rights reserved

Перевод с английского Татьяны Голубевой

Оформление обложки Виктории Манацковой

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Т. В. Голубева, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
«Азбу-ка-Аттикус», 2020

Издательство Иностранка®

* * *

*Давайте читать и давайте танцевать, эти
два развлечения никогда не причинят миру зла.*

Вольтер

Обращение к читателю

В этой книге нет посвящений, потому что вся она посвящена вам – читателю. Всем читателям.

Речь идет о чтении и книгах и о том, как они могут изменить вашу жизнь, причем я уверена – к лучшему. Еще моя книга о том, что мы чувствуем, когда движемся вперед, начиная что-то новое (я сама проделывала это не раз в своей жизни), о том, как выбранное место жизни воздействует на наши чувства, о том, как влюбленность в реальной жизни может оказаться похожей на книжную любовь. А еще тут есть кое-что о сыре, потому что недавно я перебралась в такое место, где делают много сыра, и я его постоянно ем, просто остановиться не могу! И о собаке по кличке Парсли (то есть Петрушка).

Но главное, здесь много говорится о книгах, потому что Нина Редмонд, моя героиня, мечтает открыть книжный магазин.

А также вы найдете здесь кое-какие полезные советы о том, где лучше всего читать, потому что я хочу, чтобы вам было как можно удобнее. Если я пропустила что-нибудь очевидное или вы поступаете совершенно иначе, пожалуйста, напишите мне через «Фейсбук» или @jennycolgan в «Твиттере», потому что я имею старомодное убеждение в том, что чтение – это удовольствие, которое следует тщательно оберегать. Я искренне надеюсь, что вам будет так же приятно читать эту книгу, как мне было приятно ее писать.

Ванна

9:45 – мое любимое время для ванны, и это доводит до безумия моего мужа, потому что ему приходится настраивать термостат на правильную температуру (чуть прохладнее поверхности Солнца) и постоянно ее поддерживать. Но такая температура воды – это истинное наслаждение. Хотя я не люблю масла для ванн. По-моему, они отвратительны: обволакивают все вокруг, оставляя пленку. Ну, как бы то ни было, суть не в этом. Итак, книга в ванне. Идеальны издания в мягкой обложке, это очевидно, – потому что даже если случится наихудшее, вам придется лишь просушить книгу на радиаторе (у моих детей искорежена вся серия о Гарри Поттере). Но я частенько читаю электронную книгу и готова поделиться с вами одним секретом: страницы я переключаю носом. У вас, конечно,

может и не оказаться такого великолепного шотландско-итальянского носа, как у меня, но после некоторой тренировки вы увидите, что такое вполне возможно: держать книгу в руке над водой и переключать страницы так же, как я. А если у вас дома есть некто, обладающий привычкой врывать в ванную комнату, то позаботьтесь о том, чтобы запереть дверь, потому что я по собственному опыту знаю: такое зрелище может показаться другим ужасно смешным.

Другой вариант. Моя подруга Сез держит электронную книгу обеими руками, но прежде заворачивает ее в пластиковый пакет. Разумно.

Кровать

Единственная проблема чтения в постели – краткость. Две или три страницы – и вы начинаете дремать. А если день был трудным, вы можете то куда-то проваливаться, то снова выплывать, прежде чем окончательно заснете. Когда же на следующий вечер берете книгу, думая, в самом ли деле в ней розовый единорог бежал через экзаменационный зал, а вы гнались за ним в пижаме, – вынуждена сказать: нет, ничего похожего там не было. Вы просто задремали и, боюсь, пропустили парочку страниц. Однако я с надеждой дала своим героям очень разные имена, чтобы вы их не перепутали. Нет ничего хуже, чем поздно вечером читать о Кэти и Кейти, а мне не хочется создавать вам ненужные трудности.

Время загара

Во время отпуска лежак для загара кажется идеальным местом для чтения, и мне не раз приходилось оценивать качество текста по тому, насколько я обгорела. Вот только возникает вопрос: как лучше держать книгу? Если держать ее над собой, руки быстро устанут, к тому же на вашей коже останется светлое пятно в форме книги. Если вы будете читать так, чтобы на книгу падали солнечные лучи, вам придется щуриться. Сидеть, скрестив ноги на полотенце, – не самая изящная поза (для меня – не такая уж я стройная). Если лечь на живот, на страницы начнут падать капли пота. Наилучший вариант (если удастся его найти) – один из жутких лежаков для старых леди с маленьким полотняным тентом, под который можно спрятать голову. Да, выглядит глупо. Но – ура! – вы можете спокойно читать, и никто вам теперь не помешает, так что победа за вами.

Прогулка по улице

Вполне приемлемо идти по улице, держа книгу перед носом. Люди будут снисходительно улыбаться и уступать вам дорогу, потому что они

понимают, что это такое: страстно желать дочитать до конца (я как-то раз видела девушку, которая вывихнула запястье из-за того, что сунула руку в висячую петлю в лондонском метро, но забыла ее вынуть, когда пришло время пересадки, – она дочитывала «Подходящего жениха»).

Увы, в наши дни все подряд держат перед собой глупые смартфоны в надежде, что кому-то понравятся фотографии их собак в «Фейсбуке», и потому, шагая по улице, становятся серьезным препятствием, даже если у них нет в руках книги в мягкой обложке. Будьте осторожны.

Клуб читателей

Если вы читаете это ради книжного клуба, я могу лишь извиниться и предположить, что сейчас третий час ночи накануне вечера встречи. Я нахожу, что если вы просто вынуждены читать какую-то книгу, это заставляет вас почувствовать себя школьником, но если вам хочется делать домашние задания, – а почему нет? – можно ходить на такие вечерние занятия, обещая, что выучите все к сроку. Вот только если вы читаете впопыхах, может случиться, кто-то вас спросит: «И что ты думаешь о таком финале?», а вы будете кивать, отчаянно надеясь, что в конце все не перевернулось с ног на голову (уверяю, со мной такое случалось). Поэтому позвольте вас успокоить: в моей книге нет финала-перевертыша. Вот разве что мне придется сказать, что финал тут вряд ли есть вообще.

Гамак

Давным-давно, когда я была совсем молодой, у меня был один симпатичный приятель, который принес мне гамак и повесил его на моей крошечной и весьма опасной террасе на крыше. Там я провела много счастливых часов: просто качалась и читала, пожевывая при этом снеки «Куаверс» и вспоминая моего друга-красавчика.

Потом я вышла за него замуж, у нас появилась куча детишек и собака, и мы переехали туда, где постоянно шли дожди, но, думаю, тот гамак до сих пор лежит где-то в кладовке. И это, друзья мои, и есть то, что называют «долго и счастливо»...

Чтение урывками

О, это наилучшее время! Я частенько урываю десяток минут, прежде чем забрать детей из бассейна, или ухватываю четверть часа, а то и час после того, как сделала покупки в супермаркете и сижу в машине, наплевав на мир вокруг меня. Мы такого заслуживаем, и это прекраснее всего.

Поездки в метро

Чтение в метро великолепно, если вам приходится это делать. Ведь метро так жестко организовано! Вы только понаблюдайте за стеклянными взглядами людей, которые ежедневно мчатся в бесконечно сложном, прекрасном танце через его станции, – и ваш мозг тут же подчинится приказу увести вас от всего этого, воспользовавшись свободным временем. Уберите подальше телефон, вся эта шумная ерунда может подождать, пока вы не доберетесь до места. И это вознаградит вас за необходимость поездок.

Путешествия

Путешествия – это вовсе не то же самое, что общественный транспорт. Я, как вы можете догадаться, категорически против того, чтобы в машине или самолете пользоваться Интернетом. Но даже и в таком случае закажите заранее место у окна, чтобы устроиться поудобнее. Наденьте наушники, найдите спокойную, приятную музыку и отключитесь на несколько часов. Исключением будут те минуты, когда начинают разносить напитки и вам кажется, что вас могут пропустить, – тут вы слегка суетитесь и не можете сосредоточиться. В такой момент отложите книгу, уставьтесь в какой-нибудь журнал, делая вид, что вам совершенно все равно, обслуживат вас или нет. Я даже пробовала в экономклассе одновременно есть, пить, слушать музыку и читать. Не делайте этого, если у вас в кармане нет пачки наличных, чтобы оплатить соседу химчистку его одежды.

Поезда просто созданы для чтения. Я обнаружила, что пара хороших наушников весьма полезна, когда сидишь в вагоне и не можешь позвать полицию, чтобы уgomонить шумных идиотов. Нет, я не считаю, что их следует сажать в тюрьму. Но не считаю и обратного.

Перед камином

Если у вас нет камина, сойдет и свеча. Но чего я действительно страстно жду, так это вечера перед большим уютным камином с хорошей книгой в руках, – и чем длиннее книга, тем лучше. Я люблю длинные, по-настоящему длинные романы и большую чашку чая или бокал вина – в зависимости от того, как далеко еще до конца недели (или насколько я склонна растянуть понятие уик-энда). Люблю эти моменты покоя и тишины. Собака тоже помогает. Собаки вообще с потрясающим умением показывают вам, что для счастливой жизни совершенно ни к чему каждые две секунды заглядывать в телефон.

Больница

В больницах я провела уйму времени, по разным причинам: в одной я работала, в другой рожала толпу детишек, а эти детишки, соответственно, то и дело падали с деревьев и ломали себе руки-ноги, ну и так далее.

В больницах время течет совсем не так, как в других местах. Прежде всего, оно там чертовски медленное, даже ночью. И там постоянно присутствует легкое ощущение изумления перед тем, что вокруг происходит, ведь все те настоящие драмы, которые известны каждому из нас, – потеря и новая жизнь, радость и глубочайшее горе – царят вокруг, на каждом этаже стерильного, жаркого здания. Здесь и ужас, и боль, и радость в каждом невыразительном шаге медперсонала по тщательно вымытому линолеуму.

Мне трудно читать в больницах, это все равно что находиться на огромном корабле, который пробивается сквозь бурные волны, а снаружи – люди на суше, они куда-то идут, чем-то занимаются, у них обычная жизнь, но они просто не замечают корабля, идущего совсем рядом с ними.

Но вот что я обнаружила: в больнице хороша поэзия. Короткие стихи, от которых вы можете оторваться и почувствовать себя не таким уж хрупким, не таким уж оторванным от всего, потому что все мы бывали на этом корабле или еще на нем окажемся.

А еще больница – очень доброе место, где вы можете сидеть и негромко читать для кого-то другого.

Поэтому я не поддерживаю возмущение, когда люди жалуются на больничные магазины, где продают только пирожные и мороженое. Ведь самое меньшее, что всегда должно быть в больницах, это пирожные.

Под деревом в солнечном парке

Конечно же! И мягкое мороженое мистера Уиппи, пожалуйста, а не твердое.

Разное

Одно из моих достижений, которым я особенно горжусь, – это чтение во время кормления грудью (подложите подушку под голову ребенка!). Еще я читаю во время сушки волос (у меня ужасные волосы), во время чистки зубов (у меня отличные зубы, возможно потому, что я чищу их намного дольше положенного). А также в то время, пока я ожидаю смены сигнала светофора с красного на зеленый. Как-то я запиралась в ванной во время ужасно скучной свадьбы (не моей!). Удастся погрузиться в чтение, когда дети на занятиях (однажды я одолела целый роман, пока они в дождливый день играли в бассейне в мяч – думаю, тот день всем нам

понравился). Я читаю во время педикюра (маникюр я никогда не делаю, потому что в это время невозможно читать) или когда стою в какой-то очереди. Даже в церкви (грех, конечно, и за него меня вполне справедливо накажут). Читаю в деловых поездках, когда мне приходится в одиночестве обедать в ресторанах (а с книгой вы никогда не будете одиноки). И если вернуться туда, где все это начиналось, я миллион часов читала на заднем сиденье старого отцовского «Сааба 99», а голова спящего младшего брата лежала у меня на коленях. В общем, расскажите мне, где читаете вы. Потому что любой день с книгой немножко лучше дня без нее, а я желаю вам только самых счастливых дней.

Ну а теперь познакомьтесь с Ниной...

Ваша Дженни

Глава 1

Проблема с хорошими вещами состоит в том, что они очень часто маскируются под вещи ужасные. И разве не было бы чудесно, если бы в тот момент, когда вы одолеваете какие-то трудности, кто-то просто хлопнул бы вас по плечу и сказал:

– Не беспокойся, оно того стоит! Сейчас это выглядит просто жуткой дрянью, но я обещаю: в конце все будет хорошо!

А вы бы воскликнули:

– Спасибо, добрая фея!

И вам бы ответили:

– Да не за что, детка!

Да, это было бы полезно, но такого не случается, и поэтому мы иногда слишком долго пробираемся через то, что не приносит нам счастья, или чересчур быстро отступаем к чему-то более реальному, и нередко невозможно точно определить, что лучше, а что хуже.

Жизнь, что ждет впереди, может казаться весьма унылой. По крайней мере, так думала Нина.

Нина Редмонд, двадцати девяти лет, приказывала себе не плакать на людях. Если вы когда-нибудь пытались сделать себе выговор, то знаете, что это не слишком помогает. Но она ведь была на работе! А на работе плакать не полагается.

Нина гадала, позволял ли себе такое кто-нибудь другой. Потом подумала, что, может быть, такое случалось со всеми, вплоть до Кэти Нисон, с ее жесткими, слишком светлыми волосами и тонкими губами, и ее таблицами. Как раз в этот момент Кэти стояла в углу, скрестив руки и мрачно наблюдая за комнатой после того, как произнесла перед маленькой командой, частью которой была Нина, полную странных выражений речь, в ней она сообщала о сокращении и о том, что Бирмингем не может позволить себе содержать все библиотеки даже при режиме строгой экономии, к которому они уже привыкли.

Нина решила, что, пожалуй, Кэти никогда не плакала. У некоторых людей просто нет слез.

Чего Нина не знала, так это того, как Кэти Нисон плакала по дороге на работу и по дороге с работы домой, – обычно после восьми вечера, –

каждый раз, когда ее заставляли кого-то уволить по сокращению штатов или просили на несколько процентов сократить и без того тощий бюджет, когда ей приказывали проводить проверку документов по новым правилам или ее начальник в четыре часа в пятницу сваливал на нее новую грудку административной работы, а сам отправлялся кататься на лыжах, что случалось с ним весьма часто.

В конце концов Кэти все разгребала и шла работать в магазин сувениров Национального фонда, организации по охране исторических памятников, за пятую часть жалованья – и никаких слез! Но эта история не о Кэти Нисон.

Все это просто потому, думала Нина, пытаюсь проглотить ком в горле, потому что они были очень маленькой библиотекой.

По вторникам и четвергам утром они читали разные истории детям. По средам закрывались пораньше. Их библиотека располагалась в жалком старомодном здании с полами, покрытыми истертым линолеумом. Ну да, верно, здесь пахло затхлостью. Большим протекающим радиаторам по утрам требовалось некоторое время, чтобы очнуться, зато потом они моментально делались чересчур горячими, и становилось душно, в особенности для старого Чарли Эванса – он приходил к ним погреться и прочитать «Морнинг стар», от корки до корки, очень медленно. Нина гадала, куда же теперь придется ходить всем Чарли Эвансам этого мира.

Кэти Нисон объяснила, что библиотечная служба перебирается в центр города и там библиотеки превратятся в некие «центры» с «мультимедийными зонами», кофейнями и «интерсенсорными кабинетами» – и что бы это было такое? Но хотя в городе и имелось по крайней мере два подходящих автобусных маршрута, все равно для большинства их пожилых или не слишком здоровых посетителей это слишком далеко.

Но их чудесный старый, потрепанный домик с островерхой крышей уже был продан, чтобы превратиться в дом с дорогими квартирами, какие уж точно не по карману библиотекарям.

И теперь Нина Редмонд, двадцати девяти лет, книжный червь с длинными, спутанными каштановыми волосами и светлой веснушчатой кожей, страдающая застенчивостью, из-за которой она то и дело краснела или готова была расплакаться, в самый неподходящий момент должна была оказаться на улице, на холодном ветру мира, переполненного безработными библиотекарями.

– Итак, – закончила Кэти Нисон, – можете прямо сейчас начинать упаковывать книги.

Последнее слово она произнесла так, словно оно казалось ей отвратительным на фоне сияющей картины нового мультимедийного центра. Ну да, кому они нужны, все эти старые, неудобные книги?

Нина с тяжелым сердцем и слегка покрасневшими глазами потащила в заднюю комнату. К счастью, и все остальные выглядели примерно так же. Старая Рита О'Лири – ей, наверное, следовало уйти на пенсию еще лет десять назад, но она была так добра с посетителями, что никто как бы и не замечал того, что Рита не может рассмотреть наклейки классификации на корешках и ставит книги на полки более или менее наугад, – разрыдалась, и Нина скрыла собственную печаль, успокаивая ее.

– А знаете, кто еще такое вытворял? – прошипел сквозь всклокоченную бороду ее коллега Гриффин, когда Нина проходила мимо него.

Гриффин бросил осторожный взгляд на Кэти Нисон, все еще стоявшую в маленьком главном зале.

– Нацисты! Они собирали все книги подряд и швыряли их в костер!

– Но эти книги в костер не бросят! – возразила Нина. – Не нацисты же они на самом деле.

– Это все так думают. А потом не успеешь опомниться, и сама станешь нацисткой.

С ошеломляющей быстротой состоялась своего рода распродажа, и большинство их постоянных читателей рылись в старых знакомых любимцах, по десять пенсов за коробку, оставляя в стороне стопки новых блестящих томов.

Теперь, по прошествии дней, когда библиотекарям предстояло упаковать оставшиеся книги и переслать их в центральную библиотеку, и всегда-то мрачное лицо Гриффина стало мрачнее обычного. Он отличался длинной, неприятно тощей бородой и презрительным отношением к людям, не читавшим тех книг, которые нравились ему самому. А ему нравились только запутанные древние истории пятидесятих годов – истории о разочарованных молодых людях, что слишком много пили в районе Фитцровия, – и это лишь усиливало его дурное отношение к миру. И Гриффин продолжал говорить о сжигателях книг.

– Но их не сожгут! Их отвезут в большой центр в городе!

Нина не могла даже заставить себя произнести слово «мультимедийный».

– А ты видела их планы? – фыркнул Гриффин. – Кофе, компьютеры, DVD, цветы, конторы и служащие, которые рассчитывают рентабельность

и изводят безработных... прошу прощения, проявляют заботу. Во всем этом проклятом месте просто нет места для книг! – Он показал на десятки коробок: – Все они окажутся в мусоре! Их используют при строительстве дорог!

– Неправда!

– Правда! Ведь именно так поступают с негодными книгами, ты разве не знаешь? Кладут их в основание мостовых. Чтобы огромные машины могли катить по столетиям высоких мыслей, идей и рассуждений великих ученых, метафорически вбивая в грязь любовь к знаниям глупыми здоровенными колесами, горланя моторами и убивая планету!

– Ты сегодня не в лучшем настроении, Гриффин?

– Не могли бы вы двое побыстрее делать дело? – хлопотливо произнесла Кэти Нисон, в ее голосе слышалось беспокойство.

Денег хватило лишь на то, чтобы нанять грузовики на один день. Если они не сумеют уложить все вовремя, ей грозят серьезные неприятности.

– Слушаюсь, господин унтер-офицер, – пробормотал себе под нос Гриффин.

Кэти Нисон снова захлопотала вокруг, ее короткие светлые волосы стояли торчком.

– Боже, эта женщина такая озлобленная, поверить невозможно! – проворчал Гриффин.

Но Нина его не слушала. Она в отчаянии смотрела на тысячи томов вокруг: они обещали так много, поблескивая прекрасными переплетами и оптимистичными названиями... Обречь любой из них на бессмысленное пребывание в каком-то хранилище? От этого болело сердце: это же книги! Для Нины все это было равнозначно разгрому собачьего приюта. К тому же, что бы ни думала Кэти Нисон, упаковать все за один день просто невозможно.

Именно поэтому шесть часов спустя, когда крошечная малолитражка Нины «мини-метро» остановилась перед дверью ее крошечного дома, который она делила с соседкой, машина была битком набита книгами.

– Ох нет! – воскликнула Суриндер, выходя к двери и складывая руки на весьма впечатляющей груди.

Выглядела она сурово. Нине приходилось встречаться с ее матерью, полицейским суперинтендантом. Суриндер унаследовала материнское выражение лица. И она весьма часто обрушивала свою суровость на Нину.

– Ты не занесешь все это сюда! И не думай!

– Но это просто... Я хочу сказать, они в прекрасном состоянии!

– Не в этом дело, – ответила Суриндер. – И не смотри на меня так, словно я выгоняю из дома сирот!

– Ну, в каком-то роде... – пробормотала Нина, стараясь не смотреть слишком жалобно.

– Перекрытия дома такого не выдержат, Нина! Я уже говорила тебе об этом раньше.

Нина и Суриндер уже четыре года, с тех пор как Нина приехала в Эджбастон, вполне счастливо делили крохотный домик с террасой. Прежде они не были знакомы, так что это пошло им на пользу, они благополучно смогли стать соседками – не то что друзья, которые переезжают вместе, а потом ссорятся.

Конечно, Нину слегка беспокоил непрерывный поиск Суриндер, желавшей найти серьезного друга, но, несмотря на множество кавалеров, появлявшихся и исчезающих, никого она пока не нашла, и это было кстати. Суриндер, правда, то и дело подчеркивала, что нет никаких причин думать, будто только у нее может появиться надежный друг. Однако болезненная застенчивость Нины и привычка постоянно читать в уединении означали, что обе соседки могут не сомневаться: Суриндер повезет первой. Нина всегда была тихоней, она держалась в стороне от жизни, наблюдая за ней сквозь призму любимых романов.

К тому же, думала Нина после очередного неловкого вечера, когда ей приходилось разговаривать с каким-нибудь новым примитивным приятелем Суриндер, она пока что не встретила никого, кто мог бы сравниться с героями ее любимых книг. Например, мистером Дарси, или Хитклифом из «Грозового перевала», или хотя бы Кристианом Греем... с ними и рядом было не поставить всех этих нервных парней с влажными ладонями. Они не стали бы бродить по пустошам Йоркшира, смуглые и разгневанные. Не стали бы отказываться танцевать с вами, втайне испытывая к вам глубочайшую страсть. Они просто пили на Рождество, как Гриффин, и блеяли часами о том, что в их взаимоотношениях с нынешней подружкой на самом деле нет ничего серьезного. И так далее.

Суриндер сейчас выглядела взбешенной, и хуже всего было то, что она права. В доме для книг уже просто не оставалось места. Книги лежали везде: на лестничной площадке, на ступенях, они полностью забили комнату Нины, они были аккуратно сложены в гостиной и даже в туалете, просто на всякий случай. Нине всегда нравилось чувствовать, что «Маленькие женщины» в трудную минуту окажутся рядом.

– Но я не могу оставить их на холоде! – умоляла она.

– Нина, это же просто груда древесины! И от некоторых из них дурно

пахнет!

– Но...

Выражение лица Суриндер не изменилось, она сурово посмотрела на соседку:

– Нина, я это прекращаю! Все просто вышло из-под контроля. Ты целую неделю их привозишь. И дело обстоит все хуже и хуже! – Она шагнула вперед и схватила с верха кучи огромный, обожаемый Ниной роман. – Посмотри на это! Он ведь уже у тебя есть!

– Да, я знаю, но это первое издание в твердом переплете. Глянь на него – он же прекрасен! И его ни разу не открывали.

– И не откроют, потому что у тебя уже есть груда для чтения ростом выше меня.

Девушки теперь стояли на улице, Суриндер так рассердилась, что вышла за дверь.

– Нет! – повторила она, повышая голос. – На этот раз я категорически против!

Нина почувствовала, что начинает дрожать. Она видела, что им грозит серьезная ссора, а она совершенно не выносила споров и столкновений в любой форме. И Суриндер прекрасно это знала.

– Пожалуйста! – снова сказала Нина.

– Боже мой, я как будто щенка пинаю! – всплеснула руками Суриндер. – Ты не можешь пережить смену работы? Да ты вообще ни с чем не можешь справиться! Просто падаешь навзничь и притворяешьсядохлой.

– И еще... – прошептала Нина, уставившись в землю, когда дверь позади них качнулась и захлопнулась, – я утром забыла ключи. Думаю, мы тут и останемся.

Суриндер одарила ее бешеным взглядом, потом, изобразив особенную полицейскую гримасу, внезапно расхохоталась.

Им пришлось пойти на угол улицы, в симпатичную маленькую закусочную, обычно переполненную, но этим вечером не слишком набитую людьми, и устроиться в уютном уголке.

Суриндер заказала бутылку вина, на которую Нина посмотрела с подозрением. Это было дурным знаком, началом разговора «что же не так с Ниной», обычно он начинался после второго бокала.

Но ведь, в конце концов, все с ней в порядке, разве не так? Что плохого в том, чтобы любить книги и свою работу и такую вот жизнь? Все мило, приятно. Однообразно. Или было так.

– Нет, – заявила Суриндер, со вздохом поставив на стол второй бокал.

Нина изобразила на лице страдальческое долготерпение. Суриндер работала в конторе по импорту драгоценностей, имея дело и со счетами, и с торговцами алмазами. Она была великолепна в своем деле. И все боялись Суриндер. Ее административные способности и ее прогулы стали легендой.

– И это ведь еще не все, да, Нинок?

Нина сосредоточилась на своем бокале, желая, чтобы внимание соседки переключилось на что-нибудь другое.

– Что тебе сказал тот чиновник, который командовал переселением библиотеки?

– Он сказал... что после сокращений в библиотеках не слишком много свободных мест. И они намерены привлечь к делу волонтеров.

Суриндер громко фыркнула:

– Позовут милых старых леди?

Нина кивнула.

– Но они не сумеют подобрать людям нужные книги. Они просто не знают, что захотят прочесть девятилетки после «Гарри Поттера», – заявила Суриндер.

– «Поступь хаоса» Патрика Несса, – машинально произнесла Нина.

– Вот и я об этом! Здесь нужен опыт. А они знакомы с системой подачи заказов? С регистрацией, документацией?

– Вообще-то, нет, – покачала головой Нина.

– Ну и куда ты намерена направиться?

Нина пожала плечами:

– Может найтись какая-нибудь вспомогательная должность в новом медиаклубе. Но мне тогда придется пройти курсы переподготовки для работы в команде.

– Подготовка для работы в команде?

– Да.

– Ты – в команде?! – засмеялась Суриндер. – И ты на это подписалась?

Нина качнула головой:

– Гриффин подписался.

– Ну и тебе придется.

– Наверное, да... – Нина подавила вздох.

– Ты теряешь работу, Нина! Ты ее теряешь! Если ты будешь бродить целыми днями как во сне, читая Джорджетт Хейер, это ничего не изменит.

Нина опять покачала головой.

– Так встряхнись!

– А тогда я смогу занести в дом книги?

– Нет!

Глава 2

Нина пришла на курсы в сильном волнении. Она совершенно не представляла, чего ожидать. К тому же ее машина была по-прежнему набита книгами.

Гриффин уже был там, он небрежно закинул ногу на ногу, как будто стараясь произвести впечатление самого спокойного человека на свете. Но у него плохо получалось. Его связанные в хвост волосы падали на тощую спину в выгоревшей футболке, очки запотели.

– Дрессировка лошадей, – шепнул он Нине, чтобы ей стало полегче.

Но это не помогло, ей стало еще хуже, она принялась теревить блузку в цветочек. Снаружи весна резвилась, как маленькая лодка, то погружаясь в воду, то купаясь в солнечных лучах.

Суриндер оказалась права: Нине действительно пора было встряхнуться.

Но иногда Нине казалось, что мир не создан для людей вроде нее. И уверенные, обладающие яркой индивидуальностью люди вроде Суриндер этого не понимали. Если ты не экстраверт, если ты не выставляешься напоказ, постоянно требуя к себе внимания, люди просто смотрят сквозь тебя. Тебя не замечают. Но обычно Нина ничего не имела против этого.

Однако теперь она стала понимать, что ей грозит опасность не заметить саму себя. Сколько бы книг она ни старалась спасти, что бы ни пыталась сделать, их библиотека все равно закрывалась. Нина лишалась работы, и дело было не просто в том, чтобы найти новую. Безработных библиотекарей вокруг множество. По тридцать человек на одно место. Теперь она как те люди, которые чинили пишущие машинки, или те, кто изготавливал аппараты факса. И в двадцать девять лет оказалась никому не нужна.

На небольшое возвышение в конце задней комнаты библиотеки вспрыгнул молодой человек. Здесь собрались все, вместе с еще двумя группами служащих других библиотек, которые также закрывались в их округе. Встретившись, они принялись жаловаться на чертово правительство и на все остальное, разве эти чиновники не знали, разве они не понимали, как важны библиотеки для местных жителей?

Нина думала, что всё они знали, просто им было наплевать.

– Привет! – сказал молодой человек.

Он был в джинсах и розовой рубашке с открытым воротом.

– Интересно, сколько ему за это платят? – прошептал Гриффин. – Могу поспорить, больше, чем нам.

Нина моргнула. Она никогда не работала просто ради денег.

– Привет всем! – снова произнес молодой человек. Он говорил так, что всё у него звучало как вопрос. – Итак, я понимаю, ситуация далека от идеала?

– Понимаете? – фыркнул Гриффин.

– Но я уверен, что к концу дня мы отлично со всем справимся... создадим маленькое умение строить связи, приобретем немножко уверенности в себе.

Гриффин снова фыркнул. Но Нина слегка наклонилась вперед. Уверенность в себе? Ну, это не повредит.

Это продолжалось все утро. Они играли в «доверие», чтобы восстановить веру в нечто или в другого, вопреки тому факту, что им предстояло конкурировать друг с другом за немногие оставшиеся рабочие места. Нина бродила по комнате с завязанными глазами, ориентируясь только на голоса других участников. А потом ей еще предстояло забраться на стол и с закрытыми глазами упасть назад. Нина одновременно и нервничала, и испытывала раздражение. Все это было совершенно не для нее – все эти крики, рисовка, позерство.

Однако Мунго, молодой человек, подбадривал ее.

– Даже не думайте, будто это нечто такое, чего вы не можете сделать! – кричал он. – Ну?

Гриффин вздохнул. Нина посмотрела на него. Будет ли хоть какой-то прок от всего этого?

– Нет ничего такого, что вы не смогли бы сделать, если попытаетесь!

– Отлично, я, пожалуй, запишусь в олимпийскую команду ныряльщиков, – согласился Гриффин.

Улыбка на мгновение соскользнула с лица Мунго. А потом он вдруг задрал одну штанину, и все в комнате охнуло. Нога под джинсами была сделана из гладкого пластика.

– Я научил ее ходить, – сообщил Мунго. – Ну, вперед. Чего вы действительно хотите?

– Управлять департаментом медиацентров, – быстро ответил Гриффин.

Нина знала, что Гриффин убежден: Мунго – шпион корпорации.

Но Мунго просто кивнул.

– Давайте все по очереди. И будьте честны. Здесь нет шпионов.

Нина съежилась на своем стуле. Она терпеть не могла высказываться на публике.

Грубоватый мужчина, незнакомый Нине, заговорил из глубины комнаты:

– Я всегда хотел работать с животными. Где-нибудь в глуши. Отыскивать их, подсчитывать количество, ну, вы понимаете, о чем я?

– Звучит потрясающе! – кивнул Мунго, и как будто вполне искренне. – Великолепно! Идите сюда.

Нина внутренне содрогнулась, когда все они собрались у стола, а тот мужчина влез на него и упал спиной вперед, предоставив толпе поймать его.

– А я всегда хотела быть гримером в кино, – сообщила девушка из центральной службы, работавшая на приемке. – Накладывать грим великим звездам, ну и все такое.

Мунго кивнул, и девушка тоже влезла на стол и упала. Нина просто поверить не могла в то, с какой легкостью они все такое проделывали.

– А я всегда хотела работать только с книгами, – сказала Рита. – И теперь хочу.

В комнате звучали все новые идеи, и все кивали в поддержку, а время от времени даже аплодировали. Но Риту не заставили падать со стола, с ее-то бедрами. Даже Гриффин изменил свой первоначальный ответ, пробормотав, что на самом-то деле ему хотелось стать художником комиксов.

Нина молчала. Она лихорадочно думала. Но наконец заметила, что Мунго уставился на нее.

– А?

– Вперед! Вы последняя. Вы должны сказать, чем хотите заниматься. И честно.

Нина весьма неохотно направилась к столу:

– Я, вообще-то, об этом еще не думала.

– Конечно думали! – возразил Мунго. – Все думают.

– Ну... это выглядит глупо. Особенно в эти дни.

– Здесь ничто не покажется глупым, – заверил ее Мунго. – Мы же все падаем со стола задом наперед!

Нина вскарабкалась на стол. Вся группа выжидающе смотрела на нее. У Нины пересохло в горле, в голове стало пусто.

– Ну... – проямлила она, чувствуя, что самым нелепым образом краснеет. – Я хочу сказать... Ладно: я всегда... всегда мечтала о том, что у меня, может быть, появится собственный книжный магазинчик. Совсем

маленький.

Наступило молчание. А потом по комнате пронеслось:

– Я тоже!

– Ох да!

– Это так чудесно!

– Закройте глаза, – мягко сказал Мунго.

И вот Нина отклонилась назад, крепко зажмурившись, и упала в ожидавшие ее руки, подхватившие ее, а потом осторожно поставившие на пол.

А к тому времени, когда она открыла глаза, Нина напряженно думала...

– Магазин? – конечно же, облил ее презрением Гриффин. – Книжный магазин? Ты что, свихнулась?

– Не знаю, – пожала плечами Нина. – Но я могла бы продавать там твои комиксы.

Она все еще ощущала странное воодушевление. Во время перерыва Мунго отвел ее в сторонку, и они поговорили об этом. Нина призналась в своей полной неспособности управляться с накладными расходами, хранением, служащими или вообще с чем-либо из огромного, парализующего мысль количества дел по руководству магазином. Вряд ли она когда-нибудь научится все это делать.

Мунго задумчиво кивал.

Наконец Нина призналась, что у нее в машине сейчас книг на целый магазин, и он, вскинув руки, рассмеялся:

– А знаете, для такого есть ведь и мобильные версии.

Он показал ей на своем ноутбуке веб-сайт с картинкой: женщина устроила книжный магазин на барже. Нина уже видела это фото и завистливо повздыхала.

– Но это не обязательно должна быть баржа, – сказал Мунго. Он открыл по очереди еще несколько сайтов. – Я знаю одну женщину в Корнуолле, у нее пекарня в фургоне.

– Настоящая пекарня?

– Настоящая пекарня. Люди за много миль к ней приезжают.

– Фургон? – моргнула Нина.

– А почему нет? Вы же водите машину?

– Да.

– Вы же можете в ней все устроить как следует?

Нина не стала ему говорить, что ей понадобилась целая вечность для того, чтобы научиться поворачивать за угол. Бодрый энтузиазм Мунго был таким захватывающим, что казалось легче соглашаться с ним, чем спорить.

Нина показала Гриффину объявления в газете, которые она нашла во время перерыва с помощью восторженного Мунго.

– Посмотри на это.

– Что это такое?

– Фургон.

– Старый вонючий фургон?

– Старый вонючий фургон, – неохотно согласилась Нина. – Ладно, возможно, именно этот не годится. Но погляди на вот этот.

– Тебе кажется, что фургоны – ответ на все вопросы, – проворчал Гриффин. – Да в них насекомых полно!

– Я же не говорю, что это для продуктов.

Легкое раздражение в голосе Нины заставило Гриффина удивленно поднять голову от кружки с пивом – как будто на него вдруг зарычала мышка.

– Прояви здравый смысл. Посмотри на него.

– Ну, это фургон, – с подчеркнутым сарказмом ответил Гриффин. – Не понимаю, чего ты от меня ждешь? Что я должен сказать о нем?

– Я жду, когда ты скажешь: вау, Нина, он великолепен, представить трудно, что можно было найти нечто подобное!

– Ты, похоже, втрескалась в этого Мунго?

– Нет, Гриффин, он ребенок. Но мне нравится его отношение к жизни.

– Все равно не уловил, – качнул головой Гриффин. – Фургон. Мне показалось, ты говорила о желании иметь книжный магазин?

– Именно! – воскликнула Нина. – Но я же не могу позволить себе иметь дом с участком.

– Конечно. Тебе пришлось бы иметь дело с банками, добиваться ссуды. И ты совершенно ничего не знаешь об управлении магазином.

– Не знаю. Но я много знаю о книгах, ты согласен?

Гриффин уставился на нее.

– Да, – ворчливо признал он. – В книгах ты отлично разбираешься.

– У меня есть немного денег, – продолжила Нина. – А еще я могла бы продать свой «мини-метро». То есть я могла бы... Могла бы позволить себе иметь фургон... И у меня целая куча книг из библиотеки. И вся моя жизнь. Я ведь могу жить где угодно, вот я о чем. Я могла бы с этого начать, а потом будет видно, как все пойдет.

– У тебя даже слишком много книг, – признал Гриффин. – Никогда не сказал бы такое о ком-то еще.

– Ну вот, – обрадовалась Нина. – Если у меня есть запас... и будет

фургон...

– То что?

– Поэтому я не вижу причин, которые помешали бы мне просто путешествовать и продавать книги.

Теперь Нина испытывала искреннее волнение, что-то жужжало у нее в груди. Почему не она? Почему кто-то другой должен осуществлять свои мечты, а не она?

– Куда, в Эджбастон?

– Нет, – ответила Нина. – В какие-нибудь места, где нет ограничений в парковке.

– Полагаю, таких мест просто нет.

– Ну, туда, где не станут возражать... В такие места, где мне позволят просто продавать книги.

– Вряд ли что-то получится.

– Почему? Есть фермерские рынки, они проводятся раз в неделю, там продают что угодно.

– Значит, ты станешь работать один день в неделю, а остальное время будешь лелеять свои книжные залежи?

– Хватит лить на все подряд холодную воду!

– Я и не лью, я рассуждаю реалистично. Каким я был бы другом, если бы просто сидел и поддакивал тебе? Ты ведь хочешь бросить все, даже не выяснив, есть у тебя работа или нет, просто все отшвырнуть ради несбыточной мечты, когда тебе уже почти тридцать.

– Мм... – промычала Нина, чувствуя, как выдыхается.

– Я имел в виду, – снова заговорил Гриффин, – что это ведь совсем не в твоей натуре – очертя голову бросаться в рискованное предприятие. За те шесть лет, что я тебя знаю, ты ни разу не опаздывала с обеденного перерыва, ты никогда ни на что не жаловалась и вела себя по правилам во время пожарной тревоги... и так далее. Маленькая мисс Идеальный Служащий. Маленькая мисс Настоящий Библиотекарь... а теперь ты вознамерилась купить фургон и продавать книги где-то в глуши? И так зарабатывать на жизнь?

– Что, звучит безумно? – грустно спросила Нина.

– Да, – подтвердил Гриффин.

– Мм... – снова промычала Нина. – А ты что собираешься делать? Обратись в магазины комиксов, в иллюстрированные журналы и так далее?

Гриффин на мгновение смутился.

– Ох... Боже, нет, конечно... Нет. Наверное, просто постараюсь найти

новую службу. Ну, понимаешь... Для надежности. Возможно, как знающий посредник.

– Да, и я тоже... – невесело кивнула Нина.

– Я никогда не буду конкурировать с тобой.

– Не сходи с ума! Конечно будешь, – усмехнулась Нина, снова глядя на газету.

И опять ощутила странное, неловкое возбуждение. Она сосредоточилась на объявлении.

– Да этот фургон, наверное, вообще за сто миль отсюда.

Гриффин наклонился над объявлением, а потом расхохотался.

– Нина, тебе его не заполучить!

– Почему это? Я его хочу! – Но тут же спохватилась и перестроила фразу: – Именно этот мне хотелось бы иметь.

Фургон был белым, приземистым, старомодным, с большими фарами. Сбоку, ближе к задней части, у него имелась дверца с маленькими складными металлическими ступеньками. Он выглядел мило, в ретростиле, а лучше всего было то, что внутри в нем крепилось множество полок, подходящих для книг, – они остались с тех пор, как из фургона продавали хлеб. В общем, сплошное великолепие.

– Ладно, желаю удачи, – сказал Гриффин, показывая на мелкий шрифт внизу. – Но ты посмотри сюда. Он же в Шотландии!

Глава 3

Кэти Нисон поговорила с каждым, выясняя «уровень новых знаний». Это не было собеседованием. Конечно не было. На самом деле это была хладнокровная пытка, но, разумеется, никто ничего такого не сказал. Нина нервно тряслась к тому времени, когда подошла ее очередь войти в комнату.

Кэти словно не узнала Нину, что не прибавило той уверенности. На самом деле Кэти до трех часов ночи успокаивала своего малыша, поэтому взгляд у нее был туманный. Она мельком посмотрела в свои заметки.

– А, Нина, – произнесла она. – Рада вас видеть. – Она снова уставилась в бумаги и слегка нахмурилась. – Значит, вам очень нравится работать в библиотеке?

– Да, очень, – кивнула Нина.

– Но вас, должно быть, беспокоит новое направление или нет?

– Мне очень помог курс занятий по работе в команде, – ответила Нина.

Честно говоря, с тех пор она об этих занятиях почти не думала. Зато думала о другом. О том, как может выглядеть тот фургон, стоя на парковке, – манящий, блестящий, и о том, что она могла уложить в него, насколько большое собрание ей может понадобится, чтобы иметь под рукой все, что понравится людям, и где ей найти источник подержанных книг после того, как библиотеки окончательно разорят, и...

Наконец Нина сообразила, что унеслась в мыслях слишком далеко и что Кэти Нисон пристально смотрит на нее.

Кэти Нисон ненавидела эту часть своей работы, ей все время хотелось выкинуть что-нибудь эдакое... Идея ее дела состояла в том, чтобы мягко убедить неподходящих кандидатов отказаться от места и сократить время собеседований. Но, по правде говоря, Кэти совсем не была уверена в том, что говорливые детки-подмастерья, захватившие в нынешнее время все места, действительно кому-то нужны. Приятные манеры и спокойная рассудительность могли бы принести куда больше пользы. Но это не могло растопить лед в важных головах, которым нравились показные высказывания и громкие, уверенные замечания.

– Значит, вы рассчитываете подать заявление на место?

– Разве? – Лицо Нины отразило внутреннюю панику. – А я должна?

Кэти Нисон вздохнула.

– Просто подумайте о том, какгодились бы ваши знания, – невыразительно произнесла она. – Ну и... удачи!

«Какого черта все это значит?» – думала Нина, с трудом вставая, чтобы уйти.

Нина как одержимая продолжала изучать объявления о фургонах в то время, когда ей следовало готовиться к окончательному собеседованию, – но она не нашла ничего и отдаленно похожего на тот фургон. Он ощущался как самый правильный, с его забавным маленьким носом и выгнутой крышей. И ей ничего другого не оставалось. Она просто должна была поехать в Шотландию.

К ней подошел Гриффин и прищурился:

– Ты же это не всерьез?

– Да я просто хочу посмотреть, – возразила Нина. – Это лишь мысль.

– Время бежит слишком быстро для таких мыслей, – заявил он. – Э-э-э... могу я тебя кое о чем попросить?

– О чем? – мгновенно настораживаясь, спросила Нина.

– Не могла бы ты просмотреть мою заявку? – Вид у Гриффина был пристыженный.

– Гриффин, разве мы претендуем не на одну и ту же работу?

– Ну, возможно... Но ты в этом куда лучше меня.

– Ладно, но что мне мешает просто сказать, что ты все написал неправильно, и подсунуть тебе по-настоящему ужасную заявку?

– Ты на такое не способна.

– Может, я просто внушаю тебе ложное чувство безопасности?

– Четыре года подряд?

– Именно!

– Нет, – заявил Гриффин с таким самодовольным видом, что Нине захотелось выплеснуть на него свой кофе. – Ты такая милая. Слишком милая, чтобы отказать мне в помощи, и слишком милая, чтобы водить грузовик.

– Ты уверен?

– Ага. – Он придвинул к ней бланки. – Но ты ведь можешь просто взглянуть? И сказать мне? Давай, они в любом случае будут снова допрашивать нас обоих. Можешь в дополнение помочь своему безграмотному приятелю.

Нина посмотрела на него. Она знала, что ее разговор с Кэти прошел не слишком удачно. Она как будто нарочно выставила себя в дурном свете, чтобы помочь Гриффину. Но, с другой стороны, он ведь нуждался в

помощи...

Нина со вздохом взяла бланки и сосредоточилась на абсолютно непонятных пунктах о мультимедиа, движении вперед, выборе и оценке поставщиков, источниках снабжения... Чем дальше она читала, тем более подавленной себя чувствовала. Неужели миру теперь нужно именно это? Ведь если так, она не была уверена, что хочет жить в таком мире. Нина пыталась помочь Гриффину разобраться в наиболее мутных словесных конструкциях, но невольно сравнивала всю эту чушь с собственной заявкой, где коротко и четко говорилось о том, что библиотеки должны быть центрами общин, и как именно чтение помогает детям раскрыть свой потенциал... Но в этих бланках речь шла о куда более грандиозных амбициях.

Нина вздохнула и снова посмотрела на объявления.

Этот фургон был длинным, но не таким, как фургон мороженщика. Фотография показывала, что внутри он совершенно пуст и места в нем достаточно, – достаточно для высоких полок по обе стороны, и еще можно было устроить уютный уголок с диванчиком и, может быть, с детскими книгами... Нина вдруг заметила, что мечтательно смотрит в открытое окно на шумный вечер в Бирмингеме.

Снаружи двое мужчин громко рассуждали о том, как кто-то надул их с автомобилем, группа подростков визгливо хохотала, направляясь куда-то, четыре автобуса сигналили на перекрестке непонятно почему, и непрерывно гудели машины на ближайшей эстакаде. Но Нина ничего этого не слышала.

Она видела все как наяву. Она смогла бы. Она воображала все во всех подробностях. Немного бензина, ее книжные запасы – многие из собранных ею книг были абсолютно новыми, в идеальном состоянии. А когда закроются все библиотеки... возможно, она извлечет нечто хорошее из чего-то ужасного.

Нина снова посмотрела на адрес. Кирринфиф. Она поискала дорогу туда. Скоростные дороги были недешевы, а дешевые...

У Нины накопилось несколько недель неиспользованного отпуска. И если она не получит новую работу, она ведь все равно их потеряет. А так она могла заодно воспользоваться последними свободными днями, за которые ей заплатят.

Еще до того, как Нина осознала все это, она заполнила грандиозную заявку Гриффина... и купила билет на междугородный автобус.

Глава 4

Нина опустила книгу на колени, заметив, что начинает дремать.

Наступил вечер, а она просидела в автобусе весь день. Автобус сделал только одну короткую остановку, позволив размять ноги и чуть-чуть побродить по станции обслуживания – не слишком просторной для настоящего расслабления. День уже почти закончился, но солнце все еще стояло высоко в небе – здесь оно садилось намного позже, чем в Бирмингеме, – и ярко светило в окно по левой стороне автобуса, к которому прислонилась Нина, когда они проезжали по мосту Форт-Роуд. Его лучи окрашивали в розовый цвет воды залива, и на мгновение у Нины возникло ощущение, что автобус плывет сквозь белые кружева.

Прежде Нина никогда не бывала в Шотландии. И вообще-то, когда она купила билет, обошедшийся дешевле, чем стоимость проведенного в пабе вечера, она вдруг осознала, что в свои двадцать девять лет не бывала во множестве мест. Конечно, она ездила в Нарнию, в Маленький домик в прериях, в Страну чудес, но теперь все было иначе. Когда они подъезжали к Эдинбургу, Нина ощущала густой, роскошный, будоражащий запах древних серых улиц, видела старинные булыжные мостовые, на которые хотелось тут же спрыгнуть. А еще здесь было металлическое небо, отражавшееся в окнах высоченных домов, самых древних небоскребов на земле. Все это заставляло ее выпрямиться и зачарованно смотреть на беспорядочные маленькие улочки, тянувшиеся кто куда, перемежавшиеся с широкими, и на суровый замок на утесе, что вдруг возник перед ней, – он словно парил прямо в центре шумного города...

А они все ехали: на север, все время на север, и небо становилось все огромнее, когда они пересекали большой мост. Справа от Нины показался железнодорожный мост, движение стало не таким плотным, когда они выбрались в край ферм, строгих каменистых ландшафтов и длинных вересковых пустошей под огромным облачным небом.

В автобусе осталось уже меньше пассажиров. В Ньюкасле и Бервике многие вышли, и кто-то сел в Эдинбурге, и теперь внутри остались только Нина и несколько пожилых людей, похожих на рабочих с какой-нибудь нефтяной скважины, – они терпеливо сидели на своих местах, вид у них был невозмутимый, они тихо переговаривались, спокойно глядя на собеседника.

Нина вернулась к книге, но в какой-то момент подняла голову и увидела большую равнину, где на вереске играл золотистый свет. Потом она посмотрела в окно – как раз вовремя, чтобы увидеть скопу, метнувшуюся через дорогу к озеру, и даже вздрогнула от неожиданности. А когда они переваливали через очередную гору, в небо вырвались солнечные лучи, – и Нина окончательно оставила книгу.

Наверное, если бы в этот весенний уик-энд пошел дождь, все сложилось бы совсем по-другому.

Нина спокойно читала бы всю дорогу, потом перекинулась бы несколькими словами с владельцами фургона, вежливо поблагодарила их и вернулась домой, чтобы снова углубиться в свои мысли.

Если бы ветер дул с моря, если бы мост закрыли из-за его сильных порывов... если бы случился миллион других мелких событий...

Ведь жизнь именно такова, не правда ли? Если бы вы подумали обо всех тех мелочах, что заставляют вас повернуть в ту сторону или в другую, то к добру, то к худу, вы бы вообще ничего не делали.

Некоторые люди так и поступают. Они шагают по жизни, не задумывая ничего особенного и не желая этого, они слишком боятся последствий, чтобы испытать нечто новое. В некотором роде это тоже выбор. Вы все равно придете куда-то, прилагали вы к этому усилия или нет. Но начинать что-то новое так трудно! И особой помощи при этом ждать не приходится.

Однако тот вечер, когда Нина впервые в жизни приехала в Шотландию, выдался ни ветреным, ни сырым и пасмурным, когда тучи повисают так низко, что кажется – они задевают деревья. Вместо того вся страна словно светилась ради Нины. Вечер был золотым, северный свет выглядел странным и прекрасным. И казалось, что всюду, куда бы ни посмотрела Нина, стоят серые каменные замки, тянутся длинные аллеи, на полях бродят овцы, в далекие леса удирают с дороги олени, когда мимо них проезжает автобус. Двое пожилых мужчин, севшие в автобус в Эдинбурге, тихо заговорили друг с другом на гэльском языке, и Нина стала прислушиваться. Ей казалось, что это не столько разговор, сколько пение, и ее взволновала и изумила мысль о том, что, хотя формально она все еще находится в Соединенном Королевстве, где прожила всю свою жизнь, все вокруг стало таким незнакомым, таким иностранным...

Дорога поднималась выше, но при этом как будто не тянулась по нетронутому ландшафту, а парила над вересковыми пустошами, и Нина заметила, что ей хочется подгонять автобус все дальше и дальше, туда, где и вовсе нет машин, и городов почти нет, и людей.

Ее даже слегка кольнуло стыдом при мысли, что она как будто предает

свой любимый Бирмингем, с его грохочущими дорогами, многоквартирными домами и полицейскими сиренами, с набитыми людьми пабами и шумными вечеринками. Обычно ей все это нравилось. Ну да, нравилось. Ну... она терпела все это.

Но здесь совсем нетрудно было понять, почему шотландцы считают себя особенными и независимыми. Да, Нина немножко путешествовала по Англии – ездила в Лондон, конечно, в Манчестер на выходные, в Дорсет и Девон. Но все это... было совсем другое. Огромная нетронутая земля открывалась перед ней, настолько просторная, что трудно охватить ее мыслью, куда больше того, о чем Нина вообще могла когда-либо подумать, если вообще думала. Городки и деревни лениво проплывали мимо, их названия звучали непривычно – Охтердаб, Бэлвери, Донибрисл, – их трудно даже произнести. Это ошеломяло.

Шел уже десятый час, но небо оставалось светлым, как в апреле, и вот наконец автобус прибыл в Кирринфиф.

Вышла здесь одна только Нина, чувствуя себя потерянной в такой дали от дома. Она огляделась. Вниз с холмов, окружавших городок, извивались две узкие улочки, маленький паб, ресторанчик с серыми стенами, с исцарапанными деревянными столами, маленькая бакалейная лавка, булочная, крохотная почта и магазинчик с рыболовными принадлежностями. И ни души вокруг, никого на дороге.

Нина занервничала. В романах такое обычно означало, что тот, кого ты сейчас встретишь, попытается тебя убить, а остальные жители будут его прикрывать или все разом вдруг окажутся оборотнями... Нина приказала себе не выдумывать глупостей. Гриффин и Суриндер знали, куда она отправилась. Она должна посмотреть фургон, что служило страховкой на случай, если начнутся некие страшные события. Все просто. Она приехала по делу. Многие люди постоянно этим занимаются. Но все равно Нина достала свой телефон и проверила его. Сигнала не было. Нина закусила губы и велела себе не стоять на месте.

Паб назывался «Роб Рой», на его стенах висели симпатичные корзины с цветами. Но снаружи за столиками никто не сидел – уже становилось холоднее, хотя слабый солнечный свет продолжал мерцать над горизонтом. Нина глубоко вздохнула и толкнула дверь.

Деревянные столы внутри были идеально отполированы, а возле огромного каменного камина – конские медные поилки, наполненные сухими цветами. Большая комната была почти пуста, лишь два старика сидели у бара, они оглянулись и внимательно посмотрели на Нину поверх пивных кружек.

Нине пришлось собрать всю свою храбрость, чтобы вежливо улыбнуться и шагнуть вперед. В конце концов, автобус уже ушел, а другого не будет до утра, так что вряд ли ей было из чего выбирать.

– Э-э-э... привет, – произнесла Нина, вдруг сообразив, что выглядит уж слишком англичанкой. – Мм... а хозяин здесь?

– Nesjustawainnit.

Нина не помнила, чтобы хоть когда-то в жизни она смущалась сильнее. К лицу взлетела жаркая волна, Нина совершенно не поняла слова, произнесенного мужчиной. Она прижала ладонь к горлу.

– Э-э-э... простите? – выдавила она.

Казалось, что чем больше Нина старалась говорить просто и внятно, тем больше походила на королеву. Ей вдруг захотелось оказаться очень-очень далеко отсюда, вообще-то, где угодно.

Оба мужчины хихикнули, но тут, слава небесам, дверь распахнулась, вошел краснолицый мужчина, несший бочонок с пивом так, словно тот ничего не весил.

– Эй, девица! – бодро воскликнул он. – Привет! А я как раз думал, не прошел ли уже автобус.

– Прошел, – кивнула Нина.

Ее охватило неопишуемое облегчение. Если она сосредоточится, то сможет его понимать.

– Я Аласдер. И что же вас привело сюда в такое время года? Снег на вершинах еще не начал таять.

– Да, я знаю, – улыбнулась Нина. – Это прекрасно.

Лицо здоровяка смягчилось при этих словах.

– Ай, верно. Могу я предложить вам выпить?

Нине не были знакомы названия сортов пива на бочонках. Она попросила минеральной воды, потом заметила, как мужчины грустно покачали головами, и изменила заказ на полпинты местного пива, на вкус оно оказалось похожим на газированную патоку.

– Пей до дна, девица!

– А у вас есть что-нибудь съестное? – спросила Нина.

Все засмеялись.

– Нет, не в такое позднее время, – ответил Аласдер.

Он поднял голову, глаза под песочными волосами оказались ярко-синими.

– Но я, пожалуй, могу соорудить для вас сэндвич, если хотите.

Нина просто умирала от голода, закуски на станции обслуживания выглядели не слишком аппетитно, а стоили при этом целого состояния, и

Нина понимала, что вскоре может совершенно лишиться сил. Она надеялась на что-то вроде тушеного мяса или пирога, на что-то горячее и сытное, – а если честно, она даже воображала некую милую фермерскую женушку и домашний яблочный пирог с кремом, но потом сообразила, что просто думает о романе Энид Блайтон, а не о реальном месте, где очутилась.

– Ох, да, пожалуйста! – ответила она.

Мужчина исчез в заднем помещении, выглядевшем как крохотное кухонное пространство.

А Нина строго посмотрела на свой телефон, как будто это могло заставить его работать, и гадала, можно ли ей сейчас снова достать книгу.

Один из мужчин задал ей вопрос, которого Нина не поняла, но предположила, что ее спрашивают, зачем она здесь. Она сказала, что приехала посмотреть фургон.

В ответ на это мужчины расхохотались и тут же потащили ее на улицу.

Через маленькую городскую площадь, где угасающий свет вырисовывал имена на военном мемориале – Макайндра, Макгхай, Макинглисс, – Нину повели по булыжникам к боковой улочке, полностью перегородженной фургоном из объявления.

Нина уставилась на него во все глаза. Он был довольно грязным, и на переднем бампере виднелось немного ржавчины, – но Нина сразу отметила и чудесно выгнутую крышу, и добродушный нос, так привлекавший ее на фото в объявлении. Но в первую очередь Нину поразили размеры – фургон оказался намного больше, чем она ожидала, то есть, вообще-то, он был пугающе большим. Сумеет ли она справиться с таким?

И то, что она увидела фургон во плоти, а не в фантазиях и не как просто идею, вдруг заставило Нину занервничать. Ее представления о будущем до сих пор не включали в себя мыслей о том, что она не будет защищена жалованием и оплатой больничных листов, окажется без отпускных, и никто не будет все за нее планировать и организовывать... И если все это вообще должно где-то начаться, то начнется оно вот на этой маленькой серой каменной площади, при последних слабых лучах вечернего солнца, льющихся через холмы, при остром аромате сосен и утесника, под холодным ветерком, летевшим через долину, в воздухе настолько чистом, что Нина видела все за много миль...

– Наконец-то избавимся от этой занозы! – со смехом сказал один из мужчин.

А второй оценивающе посмотрел на Нину.

Уши Нины уже начали привыкать к их манере говорить.

– Вы действительно хотите купить фургон Финдхорна? – с недоверием произнес второй мужчина. – Эта штука ржавеет здесь уж который год!

– А вы уверены, что управитесь с ним, такая малышка? – спросил первый, в точности отразив то, что думала и сама Нина.

Фургон выглядел нормальным на фотографии, но здесь он казался просто гигантом, старомодным и пугающим.

– А что вы собираетесь с ним делать? – с любопытством спросил тот, что был постарше.

– Э-э-э... я не уверена... – пробормотала Нина.

Ей не хотелось отступать слишком быстро. Теперь, когда она наконец добралась сюда, все выглядело до ужаса реальным.

Мужчины переглянулись.

– Ну что ж, Уилли скоро вернется.

Они возвратились в паб, а Нина по дороге беспокойно оглядывалась. Фургон был по-настоящему большим, до ужаса большим... Нину терзали сомнения. В конце концов, все это совершенно не в ее натуре. Теперь она это понимала. Это ей не подходило. Она должна отправиться назад и подать заявку вроде той, что сочинил Гриффин, и пообещать Кэти Нисон, что готова заниматься чем угодно, пожертвовать всем, если только ее не оставят без работы. Да, вот что ей следует сделать. И ей лучше снова работать целыми днями и читать целыми вечерами, время от времени отправляясь выпить с Суриндер, потому что ее жизнь ведь совсем неплоха, разве не так? Она же просто замечательная! Все шло как надо. А вот заняться чем-то эдаким... да никто и не поверит! Это было бы чудовищной ошибкой, Нине нужно тихонько уползти домой и никогда больше об этом не упоминать, и тогда никто ничего и не заметит.

Хозяин встретил ее широкой улыбкой, когда она снова вошла в паб.

– А, вот и вы! – воскликнул он, придвигая к Нине полную тарелку.

На ней лежал огромный сэндвич на свежем белом хлебе с хрустящей корочкой, между ломтями виднелись толстые слои масла и какой-то местный зрелый сыр, какого Нина никогда не пробовала, к нему добавлялись домашние маринованные овощи и лук. Нина улыбнулась: она невероятно хотела есть, а лицо Аласдера выглядело таким добрым...

Еда вместе с пивом привели Нину в чувство, она принялась жевать, сидя у бара и положив перед собой книгу.

Аласдер одобрительно просиял.

– Мне нравятся девушки с хорошим аппетитом, – сказал он. – Это наш сыр, знаете ли. Из молока тех коз, что пасутся на пустошах.

– На вкус просто замечательный, – согласилась Нина.

Дверь за ее спиной со скрипом отворилась, и она повернула голову. В бар вошел еще один старик, плотного сложения, с глубокими морщинами вокруг голубых глаз и в древней шляпе. Выглядел он грубоватым.

– Автобус уже прошел? – спросил он.

– Эй, Уилли! – откликнулся один из посетителей. – Вот твой очередной покупатель фургона!

Уилли посмотрел на Нину и помрачнел.

– Это что, шутка? – спросил он веселящихся стариков.

– Э-э-э... привет, – нервно произнесла Нина. – Вы мистер Финдхорн?

– Мм... – промычал Уилли. – Ну да.

– Я по вашему объявлению.

– Вижу. Только я не представлял, чтобы какая-то молодая девчонка...

Нина сердито прикусила губу:

– Ну да, я молодая девчонка, но водительские права у меня есть.

– А... не сомневаюсь. – Уилли нахмурил лоб. – Я не... Я хочу сказать, что ожидал увидеть кого-нибудь постарше. Может, кого-то из компании по грузовым перевозкам.

– Откуда вам знать, что я не из такой компании?

В пабе все на мгновение затихли. С задней стороны раздалось что-то вроде рычания, и Нина поняла, что где-то там находится собака.

Уилли немного подумал.

– А вы из компании по перевозкам? – спросил он наконец.

– Нет, – ответила Нина. – Я библиотекарь.

Двое стариков закудахтали, как Стэтлер и Уолдорф из популярного «Маппет-шоу», и Нина одарила их специальным взглядом «тишина в библиотеке!». Она уже начинала терять терпение. Десять минут назад она была готова бросить свою затею и умчаться домой. Теперь ей хотелось показать этим глупым людям, что она вполне способна на то, чего они от нее не ожидают.

– Этот фургон продается или нет? – громко поинтересовалась она.

Уилли снял шляпу и кивнул Аласдеру, который тут же налил ему пинту чего-то, называвшегося «80 шиллингов».

– Ага, – неохотно ответил Уилли. – Я вам завтра утром дам на нем прокатиться.

Сразу, как только Аласдер проводил ее наверх, в маленькую, простую, но очень чистую комнатку с голым дощатым полом, Нина вдруг ощутила невероятную усталость. Окно комнаты выходило на заднюю сторону паба, из него виднелись прекрасные склоны холмов и солнце, как раз

скрывавшееся за горизонтом.

Под окном щебетали целые стаи птиц, но никакого другого шума сюда не доносилось; возможно, где-то вдали и проезжали машины, но не было гула сплошного движения, сирен, грохота мусоровозов или людских голосов на улице и в соседних кафе, где кто-то что-то праздновал.

Нина принялась к воздуху. Он был таким свежим и чистым, что у нее закружилась голова. Она выпила стакан воды из-под крана, вода была ледяной и освежающей.

Нине казалось, что она долго будет лежать в уютной постели с белыми простынями и мысленно составлять список всех за и против, искать то, что поможет ей принять окончательное решение. Но вместо того под чириканье за окном она заснула в тот самый момент, как только опустила голову на подушку.

– Какую именно колбасу вы хотите?

Нина пожала плечами. Она ведь не знала, сколько у них здесь сортов колбасы и сосисок.

– Что-нибудь получше.

– Ладно, – улыбнулся хозяин паба. – Мы вам приготовим сосиски лорне, из свиной Уилли. В самый раз будет.

Нина проспала как убитая до тех пор, пока что-то не подняло ее, как звонок будильника, в семь часов. Сонно выглянув в маленькое окно, она сообразила, что это был петух. Нина оделась и спустилась вниз, готовая испытать фургон ради сохранения самолюбия, а потом снова сесть в автобус и начисто забыть о своем маленьком шотландском приключении. Должны же найтись какие-то книжные магазины, в которых нужны служащие? Может, именно там она и начнет. Конечно, денег будет меньше, чем прежде, но Нине еще не приходилось встречать книготорговца, который бы ей не понравился, и, если она сможет по-прежнему находиться среди книг, наверняка этого будет вполне достаточно.

Завтрак, когда его принесли, оказался серьезным испытанием, к нему следовало отнестись с уважением. Нина села за полированный стол у окна, откуда ей видны были школьники, беспечно бежавшие по улице в ярких красных джемперах, тракторы, тащившие трейлеры, набитые загадочными механизмами, лошади на утренней пробежке и множество «лендроверов», разъезжавших по своим делам.

Аласдер поставил перед Ниной огромную миску овсяной каши с медом и густыми свежими сливками. За ней последовала тарелка сосисок лорне,

которые оказались квадратными, хрустящими и невероятно вкусными, потом на столе появились яйца с золотыми желтками, они были вкуснее всего, что Нина пробовала прежде, – она предположила, что их любезно снесли куры, жившие за домом. После того – поджаристый бекон, черный пудинг и нечто треугольное, что Нина приняла за тост, но оказавшееся чем-то вроде тонкой картофельной лепешки. После ужина единственным сэндвичем Нине отчаянно хотелось есть, и она смела все подряд. Тем более что все было невероятно вкусным.

– Можете не спешить, – весело сказал хозяин паба, наливая Нине вторую чашку кофе. – Уилли до одиннадцати будет занят на ферме, так что время есть.

– Все это просто изумительно! – со счастливым видом сообщила Нина.

– Вид у вас такой, словно не мешало бы вас слегка подкормить, – сказал Аласдер. – Подкормить и поддержать на свежем воздухе.

Нине с самого детства постоянно твердили, что она нуждается в свежем воздухе, и она брала с собой книгу и забиралась на яблоню в конце их невзрачного садика, подальше от машины, которую постоянно мыл и чистил отец. Насколько она помнила, он ни разу на ней не ездил, хотя Нина не раз пыталась понять, что же с этой машиной случилось. Нина пряталась в листве, прислонившись к стволу, и, болтая ногами в воздухе, погружалась в миры Энид Блайтон или Роальда Даля, пока ей не позволяли наконец вернуться в дом. Место на яблоне было отличным, потому что, как выяснила Нина, даже если люди тебя ищут, они никогда не смотрят вверх. А это значило, что два ее брата не могли ее выследить и втянуть в одну из своих глупых военных игр, а когда сестра отказывалась, ее начинали дразнить за любовь к чтению и даже выхватывали книгу из рук и не отдавали, пока она не начинала плакать.

Поэтому Нина просто вежливо улыбнулась Аласдеру.

Нине по-настоящему нравились сырые и холодные зимние дни, ей нравилось сидеть, прислонившись спиной к радиатору, прислушиваться к тому, как капли дождя стучат в оконное стекло, как будто пытаясь его разбить. Ей нравилось знать, что в этот день ей ничего не нужно делать, что у нее есть хлеб для тостов и мягкий сыр для них. Нина включала тихую музыку и могла затеряться в викторианском Лондоне, или в захваченном зомби будущем, или еще где-то – на свой выбор. Потому что мир за дверями всю ее жизнь был чем-то таким, от чего следует спрятаться, пока она читает.

Теперь же она стояла на пороге паба. Воздух на улице бодрил, солнце сияло, дул прохладный свежий ветер. Нина глубоко вздохнула. А потом

сделала нечто совершенно необычное для себя.

– Могу я оставить это здесь? – спросила она хозяина.

И когда тот кивнул, положила большую книгу в твердом переплете на стол.

– Я скоро вернусь, – сказала Нина.

Хозяин помахал ей рукой, и она вышла наружу, впервые за очень долгое время – без книги.

Глава 5

Стоял прекрасный день, чего Нина совершенно не ожидала. Похоже было на то, что небо только что как следует отстирали: оно было яркого голубого цвета, как на экране телевизора, и по нему плыли пушистые облака. Нина подумала, что она до глупого мало времени проводит за городом, учитывая то, как много в Британии прекрасных мест. Под ее ногами всегда был асфальт, она почти никогда не сходила с тротуаров, – а небо над ней окаймляли уличные фонари и высоченные здания, которые выскакивали в центре Бирмингема по штуке в неделю, как ей казалось.

Нина огляделась. Солнечные лучи пробивались сквозь листву деревьев, заливали борозды полей. За дорогой поблескивали золотом большие озера. Какой-то трактор радостно катился по полю, а перед ним тучами взлетали птицы, прямо как в какой-нибудь старой книге о фермерах, изданной в «Ледибёрд букс». Маленькая компания ягнят, похожих на отражения облаков, резвилась неподалеку, они прыгали в траве, щипали друг друга за хвостики и жевали траву настолько зеленую, что ее словно выкрасили «Техноколором». Нина наблюдала за ними, не в состоянии сдержать улыбку.

И что уж вовсе не было похоже на Нину, так это то, что она сделала селфи с барашками на заднем плане и отправила снимок Гриффину и Суриндер. Ее соседка по дому тут же откликнулась, поинтересовавшись, не похитили ли Нину пришельцы и не нуждается ли она в помощи? Еще через две секунды пришел текст от Гриффина, он спрашивал, знает ли Нина, что такое «методология согласования в межбиблиотечных связях», но Нина проигнорировала вопрос, попытавшись подавить тревогу, вспыхнувшую в ней.

Осмотрев деревню, Нина отметила, что библиотеки в ней нет. Она прошла по дороге вверх по холму, туда, откуда виднелось море, – оно оказалось куда ближе, чем ожидала Нина, – и нашла маленькую каменистую пещеру, в которую вполне можно было забраться. Нина покачала головой. Это место – настоящий рай! И куда только все смотрят? Почему все толпятся в одном и том же конце Англии, сигнали друг другу в городских пробках, вдыхая испарения чужих тел и запахи пищи, втискиваясь в одни и те же пабы и клубы?

Нина увидела огромную черную дождевую тучу, набухавшую вдали.

Нет, неужели она настоящая?

Нина не слышала ничего, кроме отдаленного ворчания трактора. Ей вдруг показалось, что она не дышала – не дышала по-настоящему – очень-очень давно. И как будто все ее тело выдохлось. Стоя на холме, Нина рассматривала окружающий пейзаж. Она могла видеть все за много миль. Видела несколько других деревушек, очень похожих друг на друга, – древние мягкие серые камни и сланец, а перед ее деревней раскинулась долина, зеленая, желтая и коричневая, спускавшаяся вниз, к морю, по которому бежали белые барашки пенных волн.

Это было такое необычное ощущение. Нина вдруг резко вздохнула, чувствуя, как разворачиваются ее плечи, словно до сих пор они были прижаты к ушам.

А может, так оно и было, подумала Нина. В конце концов, слухи насчет закрытия библиотеки донеслись до них уже год назад. Семь месяцев назад они узнали, что проводятся совещания... И уже два месяца Нина знала, что это действительно происходит, а три недели назад пришла уверенность, что она останется без работы, если не пройдет собеседование. Но она так и жила в этой неопределенности, не в состоянии обдумать планы дальнейшей жизни.

Глядя вдаль, Нина попыталась обдумать – честно и как следует – свою жизнь: здесь, на чистом воздухе, она могла дышать свободно. Сейчас ее не окружал миллион человек, вечно куда-то несущихся, горланящих, покупая то, что они нашли в «Фейсбуке» и «Инстаграме», – в этой среде Нина всегда ощущала себя неполноценной.

Некоторые люди, как было известно Нине, заедали свои страхи, другие заливали выпивкой, а кто-то задумывал грандиозные обручения и свадьбы, и прочие жизненные события, занимавшие все их свободное время, – только чтобы не допускать в голову разные неприятные мысли. Но Нина, когда ей грозило вторжение реальности, а уж тем более жестокой и неприятной, удирала в книги. Книги утешали ее, когда ей было грустно, скрадывали одиночество, они были ее друзьями. Они исцеляли ей сердце, когда оно разбивалось, вселяли надежду, когда она падала духом.

Но чем дольше Нина думала об этом, тем яснее ей становилось, что пора признать: книги не были настоящей жизнью. Большую часть своих почти тридцати лет Нина умудрялась держаться в стороне от реальности, однако теперь она неотвратимо приближалась, и с этим необходимо было что-то делать. Как раз это и имела в виду Суриндер, когда Нина спросила ее, что, если честно, она думает о затее с фургоном.

– Просто делай что-нибудь. Ты можешь ошибиться, но потом

исправишь ошибку. Но если ты ничего не будешь делать, то нечего будет и исправлять. И жизнь твоя превратится в сплошное сожаление.

Нине вдруг показалось, что в этом есть смысл. И сразу все, что она думала до сих пор: «Я не могу этого сделать, я недостаточно уверена в себе, я не способна вести собственное дело, у меня не получится, я не смогу водить фургон, ни к чему все это, я должна сохранить надежную работу...» – показалось глупым и жалким.

Здесь, глядя вниз на долину, на маленькие деревни, населенные людьми, живущими собственной жизнью на собственный лад, не думающими о модных течениях и фасонах, о темпе существования в городах и о прочих странностях, Нина чувствовала то, чего не чувствовала прежде никогда. Она выросла в городе, училась в городе, работала и жила в том мире. Но теперь где-то в глубине души ей показалось, что она вернулась домой.

Туча закрыла солнце, и Нина вздрогнула. Здесь очень быстро холодало, и она пошла вниз по склону, к пабу, погрузившись в свои мысли. Два старика, сидевшие вчера у бара, снова там появились. Один из них держал ее книгу и как будто уже погрузился в чтение.

– Вам нравится? – с улыбкой спросила Нина.

Это был некий «арктический» триллер, действие происходило на Крайнем Севере, одинокий человек сражался там со стихиями, белыми медведями и таинственными существами, скрытыми во льдах.

– Ох, извини, девица. – Старик виновато глянул на Нину. – Я просто взял ее, чтобы посмотреть, и... Ну, не знаю... Она как будто меня затянула.

– Это замечательно, – кивнув, ответила Нина. – Если хотите, я оставлю вам книгу, когда дочитаю.

– Ох, нет-нет, не говори глупостей, оставить такую большую дорогую книгу... – Водянистые глаза старика вдруг погрустнели. – У нас раньше были библиотека и книжная лавка...

Его друг кивнул:

– Да, теперь нужно хорошенькое путешествие совершить, если хочешь добраться до библиотеки. Дождаться автобуса. Потом выбрать книгу. Выпить чашечку чая...

Старики переглянулись.

– Все постоянно меняется, Хьюго, сам знаешь.

– Верно, Эдвин. Меняется.

Двустворчатая дверь старого паба со скрипом открылась, появился

Уилли и, щурясь, всмотрелся в полутемную комнату. Он посмотрел туда, где стояла Нина, потом в другую сторону – на случай, если там есть кто-то еще, кого он не заметил сразу, оттягивая момент, когда ему придется заговорить с девушкой. Наконец его взгляд вернулся к Нине, а на лице отразилось разочарование.

– Привет, Уилли, – сказал Аласдер, уже поставивший на прилавок кружку пенного темного эля. – Как дела этим утром?

Уилли с удрученным видом подошел к бару и сел на табурет.

– Ну, в общем... – начал он.

– Молодая леди готова к испытаниям! – бодро сообщил хозяин паба. – Она, конечно, всего лишь малышка, но...

– Ну, в общем... – повторил Уилли. В комнате стало тихо. – Ну... – наконец выдавил Уилли, снимая с головы сильно поношенную шляпу, – на этот раз я думал, что наконец-то его продам, клянусь богом!

– Эй, привет, – произнесла Нина, шагая к нему. – Я Нина, не забыли? И я хочу посмотреть ваш фургон.

– Ну... – опять промычал Уилли. – Но это ведь большой фургон, вы заметили? – Он сделал большой глоток пива. – Я вправду думал, что на этот раз его продам, – повторил он и покачал головой. – Не понимаю, почему он никому не нужен?

– Может, он понадобится мне? – нетерпеливо сказала Нина.

– Вот уж не для мелких девчушек такой фургон, – заявил Уилли.

– Ну, я совсем не мелкая девчушка, что бы это ни значило, – возразила Нина. – Я вполне способна водить такой фургон, и я проделала долгий путь, чтобы проверить его.

Эдвин и Хьюго уже тихо ржали. Нина подумала, что вряд ли за последние годы они видели в своей деревне подобное представление.

– Это большой фургон, – в очередной раз сообщил Уилли.

Нина раздраженно вздохнула:

– Можно мне взять ключи? Я же присылала вам электронное письмо на этот счет.

– Да, но я и не догадывался, что вы просто девчонка.

– Меня зовут Нина.

– Да, только это имя иностранное? Я хочу сказать, возможно...

– Уилли! – вмешался Аласдер, и его обычно улыбчивое лицо стало строгим. – Эта девушка приехала издалека, чтобы посмотреть твой фургон. Ты выставил его на продажу. И я не понимаю, в чем проблема?

– Я не хочу, чтобы она разбилась, вот в чем дело, – ответил Уилли. – Она помрет, а у меня проблем будет больше, чем нынче, а мне их и без

того хватает.

– Я не собираюсь разбиваться! – рассердилась Нина.

– Сколько фургонов вы водили раньше?

– Ну, не то чтобы много, но...

– А сейчас вы что водите?

– «Мини-метро»...

Уилли громко фыркнул.

– Уилли, если не перестанешь грубить, больше не получишь пива, – предупредил хозяин паба.

– Да ладно, парень! Это я-то?

Аласдер угрожающе протянул руку к кружке. Уилли нахмурился и принялся шарить в карманах – их было много, и они были глубокими. Наконец он выудил большую связку ключей и бросил их на ближайший стол.

– Мне нужны гарантии, – проворчал он.

– Могу я оставить вам это? – Нина достала свой паспорт.

Уилли нахмурился еще сильнее.

– Это вам на самом деле не нужно, чтобы приехать в Шотландию. Пока не нужно.

Мужчины у бара одобрительно захихикали.

Нина от отчаяния уже готова была отступить – она ненавидела конфликты в любой форме, – но она не могла, не должна была забывать то, что почувствовала утром. Ей следовало скандалить, как Китнисс Эвердин из «Голодных игр», быть непреклонной, как Элизабет Беннет из «Гордости и предубеждения», храброй, как настоящий герой. Она сказала себе, что ей только и нужно, что проехать по площади, а потом она сможет уехать. Повернуть назад. Отправиться домой. Надеяться на лучшее. Всю ее бравату сотряс вот этот человек, но Нина не была еще окончательно устрашена.

Она взяла ключи:

– Я скоро вернусь.

Нина вышла из паба на площадь. Внутренне она дрожала. Ей приходилось, конечно, сталкиваться иногда с шумными детьми или с людьми, которые ужасно расстраивались и бранились из-за того, что она им выговаривала из-за задержки книг... но это не задевало ее лично. Но здесь было иначе, здесь некто отчетливо дал ей понять, что она его раздражает.

Старики вышли из паба следом за ней, она ощущала на себе их взгляды.

Да где же все женщины этого местечка, гадала Нина, пересекая булыжную площадь и направляясь к боковой улочке, где стоял белый «бегемот». Она остановилась на мгновение и посмотрела на его старомодные фары.

– Послушай, Фургон, – заговорила она, – я и сама не знаю, что я тут делаю. Но ведь и ты тоже не знаешь? Тебя бросили на этой улице на долгие годы. Ты одинок. Так помоги мне, а я помогу тебе, ладно?

Она отперла дверцу – это уже было каким-то началом.

Теперь нужно забраться в кабину. К ней вели две ступеньки, но даже они оказались слишком высокими. Нина задрала юбку выше колен и полезла наверх. Это выглядело не слишком грациозно, однако результат принесло. Нина влезла внутрь, на секунду ей показалось, что вот сейчас она свалится обратно, – но не свалилась, и через мгновение уже взгромоздилась на большое, потрескавшееся кожаное сиденье, залатанное клейкой лентой.

В кабине сильно пахло – но не то чтобы неприятно, это был запах старой соломы и какой-то травы. Нина повертелась на месте. Кабина показалась огромной, но Нина еще раз напомнила себе, что это не грузовик. Ей не нужны были специальные права для тяжелого транспорта, этот фургон мог водить кто угодно. Люди постоянно это делают.

И все равно он немножко походил на автобус. Фургон стоял на такой узкой улочке, что небольшие каменные дома по обе ее стороны почти касались его стенок.

Нина тяжело сглотнула, потом снова повернулась и уставилась на приборную панель. Она выглядела как у нормальной машины, если не считать того, что все располагалось намного дальше от Нины. Она поерзала на сиденье, чтобы немного расслабиться, и придвинулась ближе к огромному рулевому колесу. Рычаг сцепления тоже был громадным и неуклюжим. Зеркало заднего вида отсутствовало, а боковые зеркала до смерти ее напугали.

Нина какое-то время просто сидела молча. Потом бросила взгляд в сторону паба, перед которым стояли мужчины и таращились на нее, и тут в сердце ее забил новый источник железной силы. Наклонившись вперед, Нина поправила зеркала, не меньше пяти раз проверила, стоит ли рычаг в нейтральном положении, и лишь после этого вставила ключ в замок зажигания и повернула его.

Фургон пугающе взревел, намного громче, чем жужжал «мини-метро». Пугающе громче чего бы то ни было. Нина увидела, как над домами взлетела птичья стайка и закружила в воздухе. Сдерживая дыхание и мысленно молясь, Нина перевела рычаг на первую скорость, аккуратно

поставила ногу на акселератор и потянула вниз тяжелый рычаг.

Фургон прыгнул вперед, но сразу же заглох и встал. Нина прищурилась, ей показалось, что она слышит смех мужчин перед пабом. Потом повернула ключ в обратную сторону и повторила попытку. На этот раз фургон послушался, и Нина выехала на площадь, подпрыгивая на булыжниках.

Не представляя, куда направляется, она повернула налево, в первую же улицу пошире, и через несколько мгновений обнаружила, что едет вверх по склону, к вересковым пустошам. Фургон был намного проворнее, чем могло показаться сначала. Нина переключилась на вторую скорость и поехала дальше. Она никогда прежде не забиралась на машине так высоко. Ей уже видно было море за холмом, там подходили к берегу гигантские танкеры – из Нидерландов, Скандинавии и Китая, решила Нина, они везли игрушки, мебель, бумагу, а потом загружали растительное масло и виски.

Мимо Нины проехал здоровенный красный грузовик и громко просигналил. Нина подпрыгнула от неожиданности и лишь потом осознала, что это просто дружеское приветствие между большими машинами. Когда Нина проезжала непривычно крутой поворот, перед ней выскочила маленькая шустрая спортивная машина и умчалась вдаль, также немало испугав Нину. Дрожа с головы до ног, она остановилась на первой же придорожной площадке, намертво вцепившись в руль. И заметила, что руки у нее трясутся.

Она опустила окно и, несколько раз вдохнув бодрящий свежий воздух, наконец почувствовала себя лучше. Потом выбралась из кабины, сползла на землю и как следует огляделась по сторонам.

Проблема была в том, думала Нина, пиная шину, что она не так уж много знала о фургонах, чтобы понять, насколько хорош или плох именно этот. Она даже не была уверена в том, что ей следует пинать шины, разве что ради небольшого удовлетворения, в особенности если колеса такие огромные, как эти. Но лысыми они не выглядели. Потом Нина открыла капот, совершенно не представляя, что ей там нужно. Однако увидела, что ржавчины внутри нет.

В кузове фургона следовало бы слегка прибраться, в основном выбросить солому, но внутренность выглядела приятно. Сразу было понятно, как лучше установить книжные полки, как устроить местечко для сидения в задней части, и боковая дверца открывалась легко, а складные ступеньки перед ней разворачивались без труда.

Вообще-то, пока Нина занималась осмотром, она снова начала

волноваться. Она как-то вдруг окинула все мысленным взглядом. Как она останавливается в каком-то месте, похожем на вот эту прекрасную придорожную площадку. Ну, может, не на придорожной площадке. Где-нибудь в городке, чтобы людям было проще до нее добраться. Внутри все выкрасить в яркие цвета, заполнить полки самыми лучшими из известных ей книг. Помогать людям выбрать то, что может изменить их жизнь, или влюбиться, или преодолеть трудности личных отношений...

Что до детей, то она могла бы показать им, как храбрецы ныряют в реки, полные крокодилов, или улетают к звездам, или открывают дверцу шкафа, а там...

Нина сидела, погрузившись в фантазии, представляя шумную и хлопотливую жизнь с людьми, они приходят к ней и говорят: «Ох, Нина, как хорошо, что ты здесь! Мне нужна книга, которая спасет всю мою жизнь!»

Нина взволнованно захлопнула дверцу.

Да! Она должна это сделать! Нина вспомнила, что чувствовала этим утром. Она еще покажет этим старым шутникам из паба! Купит этот проклятый фургон и преуспее с его помощью, и все будет просто прекрасно! Нина так разгорячилась, что четыре раза останавливалась на обратном пути к деревне, один раз повернула не туда и напугала какую-то лошадь, а сидевшая на ней шикарного вида женщина осыпала Нину весьма не шикарными выражениями, которые продолжали звучать у нее в ушах остаток пути до Кирринфифа и которые, была уверена Нина, потрясли лошадь куда сильнее, чем фургон.

– Я передумал, – заявил Уилли, когда Нина аккуратно припарковалась перед пабом. – Он не продается.

Нина в ошеломлении уставилась на него:

– Но я же прекрасно с ним справилась!

Это не было полной правдой, но она подумала, что и в самом деле способна на это, пока на нее не налетают какие-нибудь лошади.

– Я не хочу его продавать.

– Это уже настоящий сексизм!

– Фургон мой, и мне плевать.

Уилли повернулся и пошел вон из паба.

– Прошу вас! – воскликнула Нина. – У меня кое-какие планы на него, а фургонов продается не так уж много, а этот – как раз то, что мне нужно, и мне пришлось так далеко ехать...

Уилли повернулся к ней, и сердце Нины на мгновение остановилось.

– Нет! – отрезал Уилли.

Он вышел на улицу, и дверь громко хлопнула за его спиной.

Глава 6

Нина осторожно покосилась на Кэти Нисон, сидевшую с краю группы тех, кто проводил собеседование, – лицо Кэти абсолютно ничего не выражало. «Неужели ей так трудно улыбнуться?» – подумала Нина. Она постаралась как могла, надела новые черные колготки, специально купленные для этого случая, и изо всех сил пыталась заставить свои руки лежать спокойно, расслабленно, а не стискивать пальцы на коленях. «Ну хоть бы намекнула на то, что узнает меня...» Нина не готовилась к собеседованию специально, все равно никто лучше ее не знал вид и содержание всех книг, и как заполняются заказы и отчеты, и так далее и так далее, – чтобы библиотека работала как следует.

Нина не могла знать, что Кэти Нисон присутствовала на этой неделе уже на сорок шестом собеседовании, притом что мест было всего два. Ей приказано было найти милых молодых людей, которые могут много говорить, обладают приятной внешностью, более или менее разбираются в литературе и готовы работать почти даром, и хотя Кэти отчаянно спорила с руководством, она ничегошеньки не могла изменить. Высшие чины рисковать не желали. Пришло время молодых дешевых работников, готовых выполнять любую работу. А профессионалы, настоящие знатоки книг теперь просто не требовались.

– Так что я думаю, что беседы в библиотеке и предугадывание нужд читателей должны быть абсолютным приоритетом, – продолжила Нина, хотя ей казалось, что ее слова улетают в пространство или просто беззвучно срываются с ее губ.

При этом она испытывала глупый нервный порыв сказать что-нибудь совершенно абсурдное – просто чтобы проверить, будут они все так же кивать или нет.

– Да, – произнесла наконец скучного вида женщина, в брючном костюме и с очень яркой розовой губной помадой, немного наклоняясь вперед. – Но как вы предугадаете нужды ваших «нечитателей»?

– Простите? – переспросила Нина, не уверенная, что правильно ее расслышала. – Что вы имеете в виду?

– Вы пытаетесь угадать, чего захочется вашим основным посетителям. Так ведь?

– Э-э-э... да, – кивнула Нина, осознавая, что вступила на зыбкую почву.

– А что вы предложите тем, кто не читает?

– Ну, мы дважды в неделю проводим часы чтения для детей... я была бы рада проводить их и трижды в неделю, мамам очень нравится такое местечко, где они могут собраться и поболтать. Я знаю наш книжный отдел от стенки до стенки, так что всегда нахожу что-то такое и для тех, кто пока что к чтению не склонен... Например, у нас есть множество захватывающих книг для мальчиков, которых, как все мы знаем, трудно усадить за книгу... А в городском отделении есть образовательные книги для взрослых, и мы постоянно направляем туда людей; если вы помогаете образованию людей, вы делаете лучшее из возможного.

– Нет-нет, вы меня не поняли: что вы предложите нечитателям? Не тем, кто не умеет читать, а взрослым клиентам, которым читать просто не нравится?

Нина помолчала. Она слышала, как на окружной дороге за окном гудят машины. Мусоровоз с громким сигналом подавал назад. Потом раздался грохот, когда позади библиотеки он перевернул в кузов один из баков с бутылками.

– Что ж, – заговорила наконец Нина, отчаянно краснея под взглядами четырех членов комиссии, включая Кэти Нисон, которая, конечно же, уже смотрела в свой телефон в поисках имени следующего претендента. – Я бы таким порекомендовала по-настоящему хорошую книгу...

Леди с розовыми губами была скорее разочарована, чем рассержена.

– Не думаю, что так можно чего-то добиться.

Нина согласиться с ней не могла. Категорически не могла.

– Тебе следовало говорить о взаимодействии! – шипел на нее Гриффин, когда они спрятались в кофейне за углом, потягивая утешительные фраппучино, экстравагантность которых была вполне оправданна при таких обстоятельствах.

Снаружи шел дождь, сильный, безрадостный весенний ливень, лишивший город красок и заставивший автомобили едва ли не плыть по улицам, окатывая пешеходов фонтанами воды. Люди выглядели взбешенными, они хмурились так же сильно, как низко нависшие над их головами тучи. Бирмингем выглядел не лучшим образом.

Кофейня была битком набита пакетами с покупками и влажными куртками и пальто, а также людьми с большими наушниками на головах; эти люди зло смотрели на тех, кто пытался подсесть за их столик или задевали их, проходя мимо, и на детей, поедавших горячие оладьи,

хихикавших и шаливших. Нина и Гриффин устроились за усыпанным крошками столиком вблизи туалета, а рядом сидели какой-то юрист и его клиентка, обсуждавшие неминуемый развод. Не слышать их было невозможно, но Нина чувствовала, что ей сейчас достаточно и собственных проблем.

– О каком еще взаимодействии? – спросила она.

– Не важно! Посредством компьютера, или лицом к лицу, или все вместе, – продолжал шипеть на нее Гриффин. – Им все равно, лишь бы ты произносила разные умные словечки, которые есть у них в методичках. И если они услышат их в достаточном количестве, то это вроде бинго, ты выигрываешь свою старую работу, вот только с сокращением жалованья. – Он отпил еще фраппучино и помрачнел. – Боже, мне ведь тоже придется пороть перед ними всю эту чушь, и только для того, чтобы меня не выгнали! Безграмотные бюрократы!

– Но зачем? – внезапно пробудилась Нина.

Люди постоянно давали ей советы, но она тоже могла это сделать.

– Ты умный. У тебя ученая степень. Ты ничем не связан. Можешь заняться чем угодно. Можешь отправиться путешествовать. Написать роман. Поехать в Китай преподавать английский. Болтаться на пляжах в Калифорнии. Я хочу сказать, ты ведь не старый, и ты не женат. Тебя ничто не держит. И почему же не сказать им, чтобы они засунули все себе в... ну, если тебе это так уж ненавистно?

– Ну да, я могу, – уныло откликнулся Гриффин. – Я же не хочу быть привязанным к этому месту навечно. Но ведь это как раз ты бросилась в авантюру, подыскивая безумное занятие. Так что все это скорее ближе тебе, чем мне.

Нина знала: втайне Гриффин был доволен, что она вернулась из Шотландии с пустыми руками. И негодовала из-за подтекста этого довольства: Гриффин ведь беспокоился из-за того, что Нина, такая жалкая, может вырваться из рутины, и как он сам будет при этом выглядеть?

– Понимаю, – вздохнула она. – Это была просто глупая фантазия. – Она огляделась вокруг. – Я просто не знаю... Я хочу сказать, в конце концов...

Нина вздрогнула, вспомнив улыбку Кэти Нисон, скользнувшую по губам, но не отразившуюся в глазах. Кэти улыбнулась, когда Нина встала, чтобы уйти еще до того, как закончилось это бессмысленное собеседование, но в тот момент, когда все уже стало предельно ясно.

Нина почти не спала с тех пор, как вернулась из Шотландии. Погода стояла серая и сырая, она буквально давила на Нину. То, что ей нравилось прежде – гул, городской шум, – теперь вызывало у нее новые чувства.

Нине казалось, что ей трудно дышать. Она прочла множество книг о людях, ищущих новую жизнь, но настроения это не поднимало, наоборот, она все сильнее чувствовала себя загнанной в ловушку там, где находилась, как будто все, кроме нее, уже сумели вырваться и заняться интересными делами.

Она изучала сайты, предлагающие работу, но, похоже, для библиотекарей уже нигде не осталось места. Служащие в отделах информации – да. Консультанты по компьютерным играм, по маркетингу – сколько угодно. Но ничего такого, что хоть как-то было связано с делом, которым она занималась всю свою жизнь, с той единственной работой, которую она искала: поиск конкретных книг для конкретных людей.

Нина заметила, что скучает по свежему воздуху, по простору, по ясному солнечному свету, играющему на желтых полях, по зеленым склонам холмов и сверкающему, танцующему, обманчивому Северному морю. И казалось очень странным, что некое место, где она провела так мало времени – и с таким грустным результатом, – произвело на нее столь глубокое впечатление.

Нина снова принялась за кофе. Крупная женщина проплыла мимо, едва не ударив Нину в лицо гигантской, дорогой, важной сумкой.

– Я не знаю, – повторила Нина.

– Ох, я уверен, ты получишь работу, – абсолютно неискренне заявил Гриффин.

Нина только сейчас заметила, что он обрезал свой хвост.

Зазвонил телефон. Нина и Гриффин переглянулись и замерли.

– Сначала они будут звонить тем, кто прошел испытание, – тут же сказал Гриффин. – Отлично. Это определенно будешь ты. Поздравляю. Может, они все-таки захотели вернуться к старомодному стилю?

– Я не знаю, чей это номер, – ответила Нина, посмотрев на телефон так, словно это была живая змея. – Но он не бирмингемский.

– Нет, должен быть, – возразил Гриффин. – Просто идет через центральный офис или что-то в этом роде.

Нина осторожно нажала зеленую кнопку и прижала телефон к уху:

– Нина Редмонд.

В трубке трещало и шуршало, и поначалу в шуме кофейной Нина вовсе ничего не могла разобрать.

– Алло! Алло!

– Алло, привет, – донесся до нее голос. – Это Нина?

– Да, это я.

– А, ну слушай. Это Аласдер Макрай.

Имя ни о чем не говорило Нине, но шотландский акцент был знакомым.

– Да? – нахмурилась она.

– Ну, я хозяин паба, ты знаешь. «Роб Роя».

– Привет! – Нина невольно улыбнулась. – Я что-то у вас забыла? Но книгу вы можете оставить себе.

Она просто не смогла бы ее забрать.

– Ох, она просто отличная, эта книга! Эдвин дал ее мне, когда дочитал до конца.

– Рада это слышать.

– А потом я ее передал Уилли.

– О...

– Ну, он мрачно выглядел...

– Что ж, книги – они для всех, – сказала Нина, пытаясь говорить доброжелательно.

– Не важно, слушай. Мы тут с ребятами подумали...

Нина не сразу сообразила, что под «ребятами» он подразумевал тех двух древних болтунов, что постоянно торчали у бара.

– Да-да?

– Слушай, этот Уилли, он просто сам не знает, что говорит. У него грустная жизнь, понимаешь?

«Понимаю, у меня самой сейчас такая», – подумала Нина, но когда она поймала себя на этой мысли, то ее это поразило.

– Э-э-э... – протянула она.

– Ну, мы подумали, мы втроем... мы можем купить у него фургон, а потом продать тебе. Понимаешь, если тебе захочется.

Последовала пауза. Нина просто не знала, что сказать. Все это оказалось слишком неожиданным.

– Не для заработка, я хочу сказать, – нам он, наверное, продаст дешевле, чем продал бы тебе. Просто он не хочет продавать девушке.

– Ну, это... – Нина все еще не находила слов.

– Мы тут подумали... ты похожа на девчушку, которой нужна помощь. И нам очень понравилась твоя книга. Я хочу сказать, нам бы хотелось иметь больше книг. – Нина рассказывала Аласдеру о своих планах, и он с тех пор постоянно над ней подшучивал. – А этот фургон – настоящее бельмо на глазу у всей деревни. И он не прав был, когда отказался продать его тебе, хотя ты того хотела!

Это явно была очень длинная речь для владельца паба, и он смущался, говоря все это. Нина поспешила его успокоить:

– Но вы уверены? Это может оказаться...

– Я хочу сказать, если ты еще не нашла что-то другое, что тебе понравилось.

– Нет, не нашла. Я не нашла другого.

Нина подняла голову. Дождь всюду молотил в окна кофейни; каждый раз, когда открывалась дверь, внутрь с воем врывался ветер. В кофейне уже яблоку негде было упасть, у прилавка выстроилась длинная шумная очередь, верещали дети, люди смотрели сердито, наталкиваясь друг на друга. Нина глянула на Гриффина – тот рылся в своем телефоне. И вдруг восторженно вскочил и взмахнул кулаком.

Нина моргнула:

– Послушайте, Аласдер, это так мило с вашей стороны... Но мне нужно подумать. Я могу вам позвонить попозже?

– А, конечно!

Он сообщил ей цену, за которую рассчитывал приобрести фургон, цена оказалась ниже той, какую предполагала Нина, и она отключила трубку.

– Есть, я ее получил! – порозовев от эмоций, сообщил Гриффин. – Да!!! – Потом опустил руки, глядя на Нину. – Ну, я хочу сказать... – забормотал он, – я хочу сказать, мне жаль... То есть они, пожалуй, совершили ошибку. Ты намного лучше меня.

Нина снова посмотрела на свой телефон. На дисплее подмигивало новое сообщение. Ей незачем было даже открывать его целиком. Первая строчка гласила: «С сожалением вынуждены...»

– Отлично, – ответила она Гриффину почти искренне.

– Меня берут руководителем «энергичной молодой многофункциональной команды», – возбужденно прочитал Гриффин. – Наверняка это будет нечто абсолютно жуткое... Слушай, мне действительно жаль, – опомнился он, увидев лицо Нины.

– Все в порядке, – ответила Нина. – Действительно в порядке. Кто-то же должен был получить это место. И я рада, что это оказался ты. Я бы была просто беспомощной во главе много-чего-то-там.

– Да уж, – согласился Гриффин. – Ты бы это возненавидела. Впрочем, уверен, что и я тоже возненавижу.

Его пальцы стремительно двигались по клавишам, и Нина сообразила, что Гриффин уже входит в «Фейсбук». Ей было слышно, как пискнула кнопка «Лайк».

– Послушай, я, пожалуй, пойду, – тихо сказала она.

– Нет, подожди, – возразил Гриффин. – Пожалуйста! Давай я где-нибудь угощу тебя выпивкой.

– Нет, спасибо, – качнула головой Нина. – Правда, я в порядке. Все нормально.

Гриффин снова посмотрел на свой телефон:

– Идем, тут прямо за углом найдем кучу моих приятелей. Выпьем пинту. И обдумаем следующий шаг. Я наверняка должен знать кого-то, кто поможет.

Гриффин был полон энергии, чего с ним не случалось уже много месяцев. Нине отчаянно хотелось выпить чашку чая где-нибудь в тишине и подумать надо всем.

– Вообще-то, мне нужно вернуться, – сказала она. – И я рада за тебя.

Гриффин встал, когда Нина взяла свое пальто и сделала шаг к выходу. Она слабо улыбнулась ему, они стояли и ждали, пока мимо них протиснется целый парад детских колясок.

– Нина, – заговорил Гриффин, внезапно осмелев, когда Нина наконец пошла дальше.

Она обернулась:

– Да?

– Раз уж мы теперь не работаем вместе... ну, поскольку мы теперь не коллеги, а я расстался со своей девушкой... не согласишься ли выпить со мной? Ну, понимаешь... просто выпить вместе. А?

Нина посмотрела на его бледное обеспокоенное лицо и внезапно почувствовала неловкость и почему-то усилившуюся решительность. Всего секунду она колебалась, раздумывая. А потом решилась.

– Мне очень жаль, – ответила она. – Мне нужно... Очень нужно позвонить одному человеку по поводу одной вещи.

Она прошла мимо колясок и пакетов с покупками, мимо запотевших окон и школьников, швырявших друг в друга чем попало, мимо смятых пакетиков из-под сахара, грязных тарелок и чашек, толкнула дверь и вышла на улицу. А потом, натянув на голову капюшон, достала свой телефон, понимая, что если она не сделает этого сейчас, то уже не сделает никогда.

– Аласдер, – произнесла она, когда владелец паба ответил, – спасибо за ваше невероятно любезное предложение. Да, я согласна.

Глава 7

Даже энтузиазм Суриндер по поводу плана Нины начал угасать, когда Нина обзвонила все нужные места и выяснила, что получение лицензии на продажу книг из фургона может оказаться трудным до невозможности. Похоже, все было бы куда проще, если бы Нина решила продавать бутерброды, чай и вечные горячие сосиски.

Она подчеркнула в разговоре с человеком из комиссии, что куда легче случайно убить человека плохой сосиской, чем книгой, а он ответил коротко и серьезно, что Нина явно не читала «Капитал». Ей пришлось признать, что она действительно такого не читала, на том они и остановились.

Но все же Нина снова села в междугородный автобус, вооружившись трилогией «Чуть свет – в Кэндлфорд» вместе с полной серией «Чужестранки», чтобы погрузиться в них на долгом пути.

Чем дальше они забирались на север, тем холоднее становилось, но погода стояла ясная, и изумительный восточный свет заставлял Эдинбург светиться, как Москва, когда они проезжали через него. Огромный мост снова показался невероятными воротами в неведомое, потом автобус катил все дальше на север, и города, деревни, дорожное движение и люди оставались позади. Теперь только длинные, ленивые красные поезда тащились параллельно извилистым дорогам, перед глазами остались крошечные деревушки, необъятные стаи птиц над долинами, и овцы, везде овцы, пасшиеся на сочных зеленых лужайках в длинных косых лучах садившегося солнца.

На остановке Нина съела вишневый пирог и снова погрузилась в книгу, а когда наконец вышла из автобуса в Кирринфифе, то как будто вернулась домой, и, когда она открыла дверь паба, это чувство при виде улыбчивых лиц Эдвина и Аласдера только усилилось.

– Эй, книжная девчушка! – с удовольствием воскликнули они.

Аласдер, не дожидаясь заказа, налил ей легкого пива. Должно быть, заметил, с каким трудом она в прошлый раз справилась с местным напитком.

– И что вы нам привезли?

Конечно, Нина хорошо подготовилась, и тут же расстегнула молнию на своей сумке, чтобы достать несколько триллеров и криминальных романов,

на которые мужчины набросились с радостью.

– Так, значит, – заговорил Эдвин, – вы действительно хотите битком набить этот грузовик книгами?

Аласдер уже весело шарил вокруг в поисках ключей от фургона. Нина протянула ему чек, на котором значилась сумма, почти равная ее пособию по сокращению.

– Да, идея такова.

Когда у Нины появился конкретный план, она стала спокойно ходить на работу. У нее имелось в запасе несколько недель, но теперь никого не заботило, будет ли она слишком долго обедать, или опоздает, или каждый вечер будет мешками увозить домой списанные книги... а она именно это и делала. Нина чувствовала себя так, словно она спасает сирот от казни.

Гриффин начал носить рубашки и галстуки. И его борода исчезла следом за хвостом. Он приходил рано и много времени проводил на разных встречах, а вместо прежнего выражения скуки и раздражения на его лице появилось выражение постоянной тревоги. Как-то вечером он остановил Нину и сказал, что она должна заполнять заявки на все книги, которые забирает, а когда она спросила: «Серьезно?» – в его глазах отразилось страдание, зато Нина теперь была счастлива, как никогда в жизни...

– Ох, это будет просто замечательно! – сказал Эдвин. – Тебе нужно обязательно поехать в деревню Кэрни. И к Бонни-Бэнкс. И в Уиндигейтс. Там моя сестра живет. К ним раньше ездил библиотечный автобус, но теперь перестал. Так что лучше ты, чем ничего. Ты не можешь работать и как библиотека?

– Боюсь, нет, – ответила Нина. – Мне же есть нужно. – Она посмотрела на обоих мужчин. – Вы понимаете, что я не стану постоянно держать фургон здесь? Я поеду на нем в Бирмингем.

Мужчины явно растерялись.

– Но он для здешних мест! – воскликнул Эдвин. – Мы поэтому его и купили!

– Нет, я перегоню его на юг, – терпеливо пояснила Нина. – Я там живу.

– Но на юге, в городе, не нужны книги! – заявил Аласдер. – У них там полно книжных магазинов и библиотек, и университеты, и всякое такое. У них есть все, что им нужно. Это нам нужны книжки.

– Да, но живу-то я там, – повторила Нина. – Там мой дом. Я должна вернуться.

Наступило молчание.

– Ты можешь и здесь поселиться, – заговорил наконец Аласдер. – Нам не помешает немножко свежей крови.

– Я не могу переехать сюда. Я никогда не жила в деревне.

– Да, но ты никогда не водила книжный автобус, – с логикой упрямства стоял на своем Эдвин.

– Эй, я думал, мы тебе помогаем для того, чтобы ты смогла остаться здесь, – почти рассердился Аласдер. – Я так и сказал всем своим постоянным посетителям.

– Я думала, все ваши постоянные посетители – это Эдвин и Хьюго, – улыбнулась Нина.

– Ну и они тоже. И все были рады.

– Я тоже была бы рада, – согласилась Нина. – Но честно говорю – не могу. Я должна вернуться и все наладить и начать зарабатывать на жизнь.

Снова все умолкли. Нине чувствовала себя ужасно из-за того, что обманула их надежды, она совершенно не собиралась этого делать.

– Но... – начал было Эдвин.

– Мне очень жаль, – твердо перебила его Нина.

Она собиралась забрать фургон и этим же вечером отправиться обратно в Бирмингем. Она просто не могла позволить себе задерживаться, даже в таком дешевом и приятном месте, как этот паб. К тому же Суриндер весьма категорично ей заявила, что если она без промедления не освободит дом от книг, то либо перекрытия рухнут, либо Нина вылетит на улицу.

– Я должна ехать, – грустно повторила она.

Все смотрели на ключи, лежавшие на стойке бара.

– То, что вы сделали для меня, очень любезно, вы так добры... Спасибо вам.

Оба мужчины что-то проворчали и отвернулись.

Снаружи наконец стемнело, последние розоватые лучи угасали за западными холмами. Как только исчезло солнце, стало холодно, и Нина дрожала, шагая к фургону. Она потуже закуталась в пальто и посмотрела на фургон, казавшийся гигантским на затихшей мощеной площади. Нина глубоко вздохнула. Она не помнила, когда чувствовала себя более одинокой. И все же она должна была это сделать. Она себя уже связала. Ей следовало найти свой путь.

Нина посмотрела на свой телефон. Она явно не услышала сигнала, когда была в пабе, а ей, как оказалось, пришло сообщение. Из окружного муниципалитета.

Дорогая мисс Редмонд!

Мы хотим сообщить Вам, что Ваше обращение по поводу разрешения на парковку класса 2(би) (торговля и поставки непродовольственных товаров) отклонено в силу строгих ограничений в данном округе. Решение не может быть пересмотрено...

Нина громко выругалась.

Сообщение было длинным, но дальше Нина просто не могла читать, потому что ее глаза наполнились слезами. Казалось, что при всех усилиях она не могла получить хоть краткую передышку. И первое, о чем она никогда даже не думала, так это стоянка фургона перед ее домом. Но теперь, глядя на свой фургон в полутьме, Нина осознавала, насколько он огромен. Он бы перекрыл свет в их доме и в соседском тоже. О чем только она думала?

Она потратила почти все деньги, полагавшиеся ей при сокращении, но даже речи не было о том, чтобы снова войти в паб и сообщить тем мужчинам, что она передумала. Она лишилась работы потому, что не подготовилась как следует к собеседованию, отвлекаясь на мысли о других возможностях. И теперь перед ней главный и самый очевидный барьер.

Но надо было ехать. Найдется где-нибудь место, чтобы поставить фургон. Нужно поговорить с Суриндер. Но что, если она не сможет позволить себе переезд? Кто сдаст ей жилье, когда у нее нет работы? Ох, боже, кажется, в итоге придется жить в фургоне...

Слезы потекли по щекам, Нину охватила паника. Она огляделась вокруг. Конечно, никого. Деревня была абсолютно пустынной и очень холодной. Нина ощутила себя окончательно брошенной.

Она попыталась представить, что сделала бы в такой момент Нэнси Дрю. Или Элизабет Беннет, или Молль Флендерс из романа Даниэля Дефо. Но никто из них, похоже, не был готов к такому вот моменту. Ни одна из тех героинь не оказывалась в полной беспомощности рядом с гигантским фургоном, который невозможно продать, посреди неведомого, не зная, где она будет жить, дрожа от жуткого холода...

Нина старательно выпрямилась. Руки у нее дрожали. Она просто не знала, куда податься. Она попыталась придумать место, где можно поставить такой фургон, и гадала, будет ли он в безопасности, если она просто бросит его.

В отсутствие идеи получше Нина залезла в кабину и повернула ключ зажигания.

Всех много раз предупреждают об опасности вождения машины при сильной усталости, и Нина обычно была очень осторожным водителем, помнившим все эти предупреждения. Обычно.

Но теперь, потрясенная и встревоженная до глубины души, управляя огромной непривычной машиной, она была по-настоящему испугана. Она понимала, что должна съехать с дороги, но где? Нина не могла позволить себе тратить деньги на отель, даже если бы и знала какой-нибудь в этой глуши.

У нее не было навигатора, а телефон не ловил сигнал. Нина включила на полную мощность фары и тащила по бесконечным сельским дорогам, но ни одна из них как будто не могла привести ее в какое-нибудь подходящее место. Бак фургона был заправлен, горючего вроде бы хватало, и Нина, вытирая ладонью слезы со щек, старалась не впадать в окончательную растерянность. Она что-нибудь найдет, какое-то место. Она найдет.

Впереди Нина увидела огни железнодорожного переезда, но не остановилась, шлагбаум не был опущен, так что ей хватало времени, чтобы там проехать. И она не заметила оленя, пока не стало уже слишком поздно. Он выскочил невесть откуда и побежал через дорогу прямо перед ней. Нина увидела большие черные глаза, мелькнувшие совсем рядом, – испуганные и прекрасные – и мгновенно, не думая, ударила по тормозам. Фургон подпрыгнул, содрогнулся и заглох прямо на переезде, под углом к рельсам.

Олень прыгнул в сторону, стукнув копытами по боку фургона, и, явно невредимый, исчез среди деревьев. А Нина, переведя дыхание, услышала звон колокола и, повернув голову, в ужасе увидела, что шлагбаум перед ней опускается.

Не в силах соображать здраво, она повернула ключ зажигания, забыв нажать на сцепление, не понимая, почему не заводится мотор.

Огни поезда уже были видны, они все приближались и приближались, шум становился все громче и громче.

Нина догадывалась, что ей следует выскочить из кабины, но дверца почему-то оказалась заперта, или ей так казалось. Нина снова попыталась запустить мотор, и опять неудачно.

Из радио лилась музыка. Руки не слушались Нину. Ее инстинкт самосохранения подвел ее окончательно. Она снова посмотрела на поезд, его визжащий грохот заполнил все, и тут Нину поразила более чем странная и нелепая мысль: как неловко будет ее матери объяснять знакомым, что ее дочь с университетским образованием совершила подобную глупость, и застряла на переезде, и погибла под поездом.

Поезд!

Рот Нины медленно открылся, насколько она поняла – в крике, – а земля содрогнулась. Поезд с грохотом несся на нее! В ожидании неизбежного она закрыла глаза.

Глава 8

Было темно и оглушительно тихо. Радио каким-то образом само собой выключилось, как именно, Нина не представляла. И фары погасли. Нина моргнула. Она что, умерла? Она ничего не чувствовала – ни удара, ни боли... Может быть, так все чувствуют себя после смерти? Вокруг сплошная, необъятная чернота...

Но нет: она все так же сидела в фургоне. Видела ручку двери. Нина протянула к ней руку, нажала. Дверца оказалась незапертой. Она все время была незапертой. Да что же, черт побери, произошло?!

Нина осторожно спустилась на землю. Потом на подгибающихся ногах проползла вдоль фургона – и ее вырвало.

В сумке она нашла полбутылки минеральной воды и немного выпила, но не все, на случай если ее снова стошнит. И она никак не могла справиться с дрожью. Но постепенно, пытаясь как-то отдышаться, решила посмотреть вверх.

В каких-то дюймах от целехонького фургона стояла громада товарного поезда, похожего на затаившееся живое чудище. Нине показалось, что ее сейчас вывернет.

Прислонившись сбоку к локомотиву, стоял мужчина, также тяжело дышавший. Увидев Нину, он двинулся вперед.

– Какого... – начал он. Его голос дрожал так сильно, что мужчина говорил с трудом. – Какого... – Он сделал над собой огромное усилие, чтобы не выругаться как следует. – Какого черта... – Голос сорвался. – Какого черта?!

– Я... – с трудом пробормотала Нина. – Там был олень... я затормозила...

– Олень! Ты чуть не убила нас из-за оленя? Ты просто чертова дура! О чем ты думала?!

– Я не... я не могла думать...

– Да уж, точно не могла! Никаких мыслей! Смотри, дура, каких-то десять чертовых метров!..

Внезапно вдоль поезда зазвучали быстрые шаги, кто-то бежал в их сторону. Появился еще один мужчина, запыхавшийся, дым от тормозов локомотива окружал его как туман.

– Что случилось?! – крикнул он.

Говорил он с акцентом – Нине смутно показалось, что с европейским.

– Эта безмозглая девчонка чуть не убила тебя, меня, себя и половину местного люда, если бы вытекло горячее! – заорал первый мужчина, налившись кровью от ярости.

Второй посмотрел на Нину.

– Вы в порядке? – спросил он.

– В порядке ли она?! Да она чуть не убила...

– Да, Джим. Я понимаю.

Джим встряхнул головой, все так же дрожа.

– Дурное происшествие. Совсем дурное.

На переезде снова зазвонил колокол, шлагбаумы начали подниматься.

– Они не должны этого делать, – сказал второй мужчина. – Мы еще не проехали. Но вы-то в порядке? – снова спросил он Нину.

Она только теперь осознала, что не может стоять прямо, и прислонилась к фургону.

– Я намерен поговорить с диспетчерами! – заявил первый мужчина.

Когда второй мужчина подошел к Нине, она сразу отметила, что у него выющиеся черные волосы, пожалуй, слишком длинные, и усталые черные глаза с длинными ресницами. Кожа у него была оливковой, она натягивалась на высоких скулах. Роста он был среднего и сложен крепко.

– Но вы действительно в порядке?

Нина моргнула. Она была слишком потрясена, чтобы нормально говорить.

– Дышите, – велел мужчина. – И выпейте еще воды.

Нина попробовала сделать глоток, одновременно что-то бормоча. Она прижала руки к коленям и держала их так, пока дыхание не восстановилось.

– Я думала, – выговорила она наконец, непроизвольно стуча зубами, – я думала, что умерла.

– Никто не умер, – сообщил мужчина. – Никто. И у вас есть я и Джим, а у нас есть теплые вещи, виски и джин. И никто не умрет. – Он присмотрелся к ней. – Вы замерзли. Идемте, идемте.

Он потащил Нину к локомотиву.

Первый мужчина уже забрался в кабину и держал в руках рацию. Он оглянулся:

– Просто не знаю, что им сказать.

– А нечего и говорить! Все в порядке. Джим, тепло – этого достаточно. Никто же не пострадал.

– Если я им расскажу, начнется расследование. Полиция. И это на

долгое время. – Он строго посмотрел на Нину. – У нее будут большие проблемы.

– Ну да. Вот и не говори им, – посоветовал второй мужчина.

– Я не... Я не... – Говорила Нина все еще с большим трудом.

Лицо Джима смягчилось.

– Но я должен сообщить, они уже сами запрашивают. Так что никто никуда не уходит. – Он опять посмотрел на Нину. – Ох, бога ради, вам нужно подняться сюда и выпить чая.

– Да, чай, – согласился второй, мягко подталкивая Нину вперед. – Чай – лекарство от всего. Поднимайтесь в кабину. Поскорей! Там тепло.

Нина, не зная, что еще делать, с трудом шагнула к кабине, потом поняла, что подняться туда не может. Ее руки просто превратились в желе.

Второй мужчина легко запрыгнул наверх и тут же повернулся и протянул ей руку.

– Давайте!

Рука у него была волосатой и мускулистой. Он сжал маленькую руку Нины и поднял девушку в кабину так, словно она ничего не весила.

Крохотное пространство кабины было теплым и уютным. Джим сидел перед большой серой пластиковой панелью управления, а второй мужчина показал Нине, где она может сесть, но она опустилась на пол и разревелась.

Мужчины переглянулись.

– Чаю? – спросил наконец второй.

Джим достал откуда-то термос. Он наполнил чашку и протянул ее Нине, она с благодарностью приняла дар.

– Не плачь, девица, – сказал Джим. – Выпей чай.

Чай был горячим и очень сладким, и Нине стало немного лучше.

– Мне так жаль, – всхлипывала она. – Мне так жаль!

– О господи, – заговорил вдруг Джим. – Газеты! Полиция наверняка уже едет... Такое начнут...

– Но никто же не пострадал, – возразил второй. – А ты герой, Джим.

Последовала затяжная пауза. Машинист долго соображал. Потом сказал:

– Вообще-то, я ничего такого не думал.

– Но это так, – оживая, сказала Нина. – Это действительно так! Я уже думала, что мне конец. Я вам обязана жизнью. Вы просто чудо! Вы остановились как раз вовремя!

Гнев машиниста, похоже, полностью угас, когда он тоже выпил чашку чая.

– Ну, на самом деле я действовал просто инстинктивно, – скромно

откликнулся он.

– О тебе напишут в газетах, – с улыбкой заявил второй и подмигнул Нине. – И напечатают твою фотографию.

– Ты так думаешь?

– Вы спасли мне жизнь, – повторила Нина, радуясь тому, что он больше не злится. – Вы меня спасли.

Джим глотнул еще чая, потом улыбнулся:

– Ну... Ладно. Происшествия ведь случаются нередко.

Приехали полицейские и подолгу допрашивали всех по очереди: машиниста Джима, который уже вполне оправился и готов был подробно описывать свои стремительные действия любому, кто хотел его слушать, второго мужчину, которого звали Марек, и Нину, пришедшую в ужас от того, что узнала: ей могут предъявить обвинение.

Марек вмешался и рассудительно объяснил, что на самом деле обвинение следует предъявить оленю. После того как полицейские взяли у Нины пробу на алкоголь, а парамедики осмотрели ее и Джима, стражи порядка согласились с тем, что ничего не остается, кроме как убрать фургон с переезда и отпустить всех с миром. Слава богу!

Подошел ночной пассажирский поезд из Инвернесса, и его машинист выразил серьезное недовольство задержкой. Сменного машиниста не нашлось до самого Дарлингтона, так что Марек предложили самому вести товарняк дальше.

Но оставалась еще одна большая проблема: Нина была абсолютно не способна вести фургон, а больше это сделать было некому. Один из полицейских любезно отогнал его в поле рядом с железной дорогой и наклеил на него полицейскую бумажку с предупреждением «Не трогать!», но проблему это не решало.

Полиция предложила отвезти Нину обратно в паб – туда отправляли дрожавшего Джима. Но было уже два часа ночи, а Нина не имела поддержки в виде железнодорожной компании, готовой оплатить ее ночевку, сама же она не могла позволить себе такого. Она постоянно моргала, надеясь, что сумеет удержаться от нового потока слез, отчаянно желая придумать выход. Наконец Марек наклонился к ней.

– Знаете, мы ведь направляемся в Бирмингем, – тихо сказал он.

Нина уставилась на него. Полицейские переглянулись, не зная, позволительно ли это, но понимая, что таким образом сами они избавились бы от свалившейся на них задачи. Джим уже махал рукой на прощание.

– Отлично, – решил наконец один из полицейских, передавая Нине

справку о несчастном случае. – Только впредь будьте поосторожнее на переездах, не спешите.

– Больше никогда в жизни! – кивнула Нина.

После этого все уехали, голубые огни растаяли вдали, и внезапно Нина и Марек остались одни в кабине.

Марек переговорил с диспетчерами, шлагбаумы снова опустились, и поезд, на этот раз не имея помех на пути, плавно тронулся с места.

Марек настоял на том, чтобы закутать Нину в одеяло и усадить поудобнее. После всего пережитого Нина чувствовала сонливость, но уснуть по-настоящему не могла. Она никогда прежде не оказывалась в кабине поезда, если не считать Доклендское легкое метро, где она побывала в детстве. Окна в кабине были высокими и широкими и – это удивило Нину, хотя она понимала, что удивляться тут нечему, – с самыми обыкновенными дворниками. Когда огромный локомотив постепенно тронулся с места, а потом начал набирать скорость, Нина с любопытством наклонилась вперед, глядя на дорогу. Ночное небо на самом деле не было таким уж черным, пока они ехали через леса и между холмами, тьма царил на земле, но само небо переливалось темными бархатными тонами, на нем пестрели звезды, висела почти полная луна. В зарослях вдоль железнодорожного полотна вспыхивали чьи-то внимательные глаза, в живых изгородях ощущалось движение, время от времени поперек рельсов проносились кролики – Нина задышалась каждый раз, но они прыгали так быстро, что ни один не угодил под колеса.

– Прямо как вы? – усмехнулся Марек.

Голос у него был низким. Он аккуратно действовал рычагами управления, и поезд с грохотом мчался сквозь ночь.

– Они меня пугают, – призналась Нина.

– Да вы и сами чуть не прикончили Джима, – сказал Марек. – Он мог помереть со страха.

– Я ничего такого не хотела.

– Знаю-знаю.

В кабине было темно – чтобы машинист лучше видел то, что снаружи. Нина различала только профиль Марека, его крепкий подбородок обрисовывался в лунном свете, лившемся в окна, они неслись через городки и деревни, тихие и нелюдимые ночью.

– И что же это вы делали там посреди ночи? – спросил Марек. – Вы ведь не шотландка?

Нина покачала головой.

– Бирмингем?

– Я из Честера, но живу в Бирмингеме. А вы откуда? – спросила она просто так.

– Из Латвии, – проворчал Марек.

– Значит, мы оба далеко от дома, – сказала Нина.

Марек промолчал.

– Я... перегоняла тот фургон домой, – сообщила наконец Нина. – Для работы.

– И что это за работа? Вы водите фургоны?

– Не совсем так. Я... я хотела открыть книжный магазин.

Марек на мгновение повернул голову и посмотрел на нее:

– А! Книжный магазин. Прекрасно! Люди любят покупать книги.

– Надеюсь, – кивнула Нина. – Я хотела... ну понимаете... Привозить людям книги. Находить для каждого то, что ему подойдет.

Марек улыбнулся:

– И где ваш магазинчик? В Бирмингеме?

– Нет, – покачала головой Нина. – Я думала... я надеялась устроить его в том фургоне.

– Прямо в фургоне? Книжная лавка в фургоне?

– Понимаю... Наверное, это ужасная идея. И пока что мне не слишком везло.

– Так вы хотите разъезжать и искать людей, которым нужны книги?

– Да.

– А какая книга пригодилась бы, например, мне? Только не русская.

Нина посмотрела на него и улыбнулась.

– Что ж, – решила она, – я бы предложила вам что-нибудь о людях, которые работают по ночам. Например, «Овиан-Фолс». Это о человеке на войне, он ночи напролет стоит в карауле, до самой утренней побудки, и о том, какие мысли у него возникают перед тем, как солдатам приходится пойти в сражение. Он думает о своей семье, о своем детстве, эта книга забавная и грустная. А еще он думает о некоем снайпере, который, как ему кажется, хочет его убить. И снайпер действительно пытается это сделать. Да, это хорошая книга, она вызывает настоящие чувства.

– Да, немного похоже на меня, – кивнул Марек. – Только мой снайпер – это часы. Не настоящий, но опасный. Похоже, книжечка по мне. Я такую куплю.

– В самом деле? – улыбнулась Нина.

– Да. Думаю, да. Вы меня убедили. Может, нам следует и этот поезд нагрузить книгами? Книжный поезд.

– Мне ваша идея нравится! Хотя... лучше, наверное, начать с малого.

– Но вы окажетесь в Бирмингеме, а ваш фургон – в Шотландии.

– Да, знаю, – согласилась Нина. – Но я скоро с этим разберусь.

– Вряд ли это хороший способ управлять книжным магазином. Вы – здесь, он – там.

Нина посмотрела на Марека, пытаясь понять, не поддразнивает ли он ее, но лицо мужчины ничего не выражало.

– Да, конечно, – вздохнула она. – Но я не могу держать его в Бирмингеме. Я вообще не понимаю, куда меня заносит. Не жизнь, а сплошные проблемы!

Марек грустно улыбнулся в темноте, и Нина заметила, как блеснули его белые зубы.

– Вы думаете, только у вас проблемы? – спросил он.

– Ну да, у меня нет работы, самое ценное мое имущество стоит где-то... я даже не знаю, где именно, соседка по дому собирается меня выгнать, если из-за моих книг обрушится потолок, да еще я чуть не угодила под поезд... Думаю, проблем у меня достаточно.

Марек молча пожал плечами.

– А как вы думаете? Я почти все свои деньги отдала за фургон, я не могу водить его просто для забавы. – Нина потуже завернулась в одеяло. – Вам кажется, что это не проблемы?

Марек снова пожал плечами:

– Вы молоды. Вы здоровы. У вас есть фургон. Очень многие люди в моей стране подумали бы, что вы просто счастливица.

– Возможно, – тихо откликнулась Нина.

Они стрелой пронеслись по какому-то мосту, напугав стайку цапель, устроившихся вокруг озера. Птицы взлетели, обрисовавшись силуэтами на фоне луны.

– Вау! – воскликнула Нина. – Вы только посмотрите на них!

– Из ночного поезда можно увидеть многое, – откликнулся Марек. – Вон там, гляньте. – Он показал на крошечную деревушку, полностью погруженную во тьму, – лишь одно окно светилось. – Это окно почти всегда светится, но не каждую ночь. Кто там живет? Они что, просто не могут заснуть? Или там есть младенец? Я каждый раз гадаю. Кто эти люди, что живут во всех тех деревнях, и как они добры, позволяя нам подсматривать за ними, и как щедры...

– Не думаю, что на самом деле людям нравится жить рядом с железной дорогой, – с улыбкой произнесла Нина.

– Но тем больше в них доброты, – возразил Марек, и они снова замолчали.

Когда поезд дошел до Ньюкасла, Марек велел Нине пригнуться, потому что ей не следовало находиться в кабине. На товарной станции было шумно, она была освещена, как рождественская елка, – так ярко, будто вдруг наступил день. Кричали мужчины, работали подъемные краны, снимая с поезда контейнеры: в них шерсть, пояснил Марек, из Нидерландов и Бельгии, и виски, конечно, и растительное масло, джин. И набирающие оборот товары из Китая, для тюремных магазинов и мелочных лавок: игрушки, соль, мельнички для перца, рамки для картин, а еще бананы и йогурт, почта, и вообще что угодно, – все это отправят в огромные доки Гейтсхеда и погрузят на машины и поезда, чтобы ночью развезти по всей стране, – как кровь течет по венам. Нина никогда и не задумывалась о ночной жизни, включая кофеварку или открывая баночку с медом. Грохот и крики все продолжались, и Нина задремала в углу кабины. День был невероятно длинным, да и ночь тоже...

Проснувшись она внезапно, когда они уже мчались через Скалистый край. Нина плохо соображала и умирала от жажды.

Марек улыбнулся ей.

– А я уж думал, вы и остаток пути проспите, – произнес он. – Может, вы не слишком подходите для ночной работы? Ночная библиотека, похоже, не для вас.

– Но идея хороша, – сонно ответила Нина.

Она проснулась еще не до конца, и ей казалось, что поезд плывет по небу.

– Можно менять детские книжки ночью, когда дети уже спят, и они проснутся с новой историей на подушке. – Нина потерла глаза и огляделась. – Ох, простите, я болтаю какую-то ерунду...

Чай в термосе уже остыл, но Марек все равно предложил его Нине, и она напилась.

– А что вам снится? – спросил Марек.

Они все ехали и ехали, мотор локомотива грохотал, рация время от времени оживала.

– Ой, да я уже не спала, – ответила Нина.

– Нет, я имел в виду ваше занятие. Что вы хотите делать? О чем мечтаете?

Нина села как следует.

– Ну... – начала она. – Наверное... Я хочу находиться среди книг, чтобы они всегда были рядом. И рекомендовать их разным людям: книги для счастливых людей и людей с разбитыми сердцами, и для тех, кто радуется предстоящему отпуску, и для тех, кто хочет знать, что они не

одинок в Вселенной, и книги для детей, на самом деле похожие на обезьянок... ну, вообще всякие. И поехать в места, которые мне нужно увидеть.

– Но это не то место, где мы были? Не Шотландия?

– Ну да, возможно, но я же там не жила, и...

– И гораздо лучше остаться в Бирмингеме?

– Нет, не так. То есть не совсем так. На самом деле там слишком людно, негде припарковаться, библиотек и книжных магазинов так много, и вообще всего...

– Мм... – протянул Марек. – А Шотландия вам не понравилась?

Нина подумала о том, как стояла на холме, глядя на поля, на древние каменные стены, на садящееся солнце, проглядывающее между темными облаками, рисующее невероятно длинные полосы на огромных просторах пустынных земель...

– Понравилась, – сказала она наконец. – Очень понравилась. Но я там никого не знаю.

– У вас есть ваши книги, – напомнил ей Марек. – И вы знаете меня. Ну да, я какое-то время провожу в Шотландии. В основном по ночам.

Первые признаки рассвета – замигавшие звезды, крошечная полоска летнего золота – появились, когда поезд ушел дальше на юг. Города стали больше, длиннее, они все тянулись и тянулись, и только названия депо отличали их друг от друга. Движение становилось все интенсивнее по мере того, как пригороды постепенно начинали просыпаться и расправлять ноги.

– А где вы живете, Марек? – спросила Нина.

– О, там же, где и вы, – ответил он. – В Бирмингеме, так, да.

То, как он произнес «так, да», прозвучало настолько по-английски, что Нина поймала себя на улыбке.

– Могла бы и сама сообразить, – сказала она, радостно удивляясь тому, что они оба стремятся в один и тот же город.

– Но мне там не нравится, – продолжил Марек. – Для меня слишком дорого, слишком суетливо, торопливо. Мне нравятся места тихие и свободные, где можно подумать и подышать настоящим воздухом, как у меня дома. Мне нравится Шотландия. Шотландия напоминает мне о доме. Она прекрасна, и там не слишком жарко.

– Так почему бы вам не перебраться туда?

– Я ведь тоже там никого не знаю, – улыбнулся Марек.

В Бирмингеме Марек помог Нине спуститься из кабины и показал, в

какой стороне выход. Было пять утра, но довольно светло и невероятно, невыносимо холодно.

Нина посмотрела на Марека:

– Большое вам спасибо.

– Это Джиму спасибо, – просто ответил Мареk. – Это он сумел не наехать на вас и не размазать по рельсам. А вам следует быть поосторожнее. Если опять застрянете на железной дороге, ничего хорошего не получится.

– Я буду осторожна, обещаю, – улыбнулась Нина.

Они посмотрели друг на друга.

– Что ж, ладно, – вздохнула Нина.

Утром щетина на подбородке Марека выглядела гуще и длиннее, почти как борода, и он осторожно провел по ней ладонью, словно прочитав мысли Нины. Его темные глаза поблескивали на лице с высокими скулами.

– Удачи, книжная девушка, – сказал он.

Нине отчаянно хотелось принять горячий душ и как следует выспаться. На поезд упал солнечный луч. Нина только теперь заметила, что у поезда есть название – «Леди Аргайлшира». Она повернулась и пошла к переходу через рельсы, они заканчивались как-то вдруг, и лишь деревянный барьер говорил о том, что дальше хода нет.

– Погодите, книжная девушка! – раздался вдруг голос за ее спиной.

Это был Мареk, он размахивал обрывком газеты. Нина нахмурилась. Мареk казался покрасневшим, он походил на большого неуклюжего медведя. Нина смущенно опустила взгляд.

– Ну, – сказал Мареk, – если вы захотите... Я, наверное, мог бы отвезти вас туда, к фургону. Как-нибудь вечером. У нас не всегда двое на поезде. Часто только один. И я знаю, где стоит фургон.

Глаза Нины расширились.

– А вам такое разрешается?

– Абсолютно и категорически нет, – ответил он.

– Ох... – замялась Нина. – Ну... спасибо, конечно, за предложение, но я, наверное... Я не хочу навлекать на вас неприятности.

– Не беспокойтесь, – заверил ее Мареk, краснея еще сильнее.

Он протянул ей кусок газеты. На нем был неразборчиво нацарапан электронный адрес.

– Вот, вы понимаете...

Нина улыбнулась и взяла газету:

– Спасибо.

Раздался громкий сигнал одного из поездов, и Нина быстро обогнула

край рельсов – самый конец линии – и, пройдя вдоль ограды депо, вышла на какую-то неопируемую улочку в той части Бирмингема, где ей никогда прежде не приходилось бывать. К радости Нины, прямо за углом нашлось маленькое кафе для рабочих, с запотевшими от пара окнами, и Нина истратила последние пять фунтов на сэндвич с беконом и чашку горячего чая. В окно ей было видно, как «Леди Аргайлшира», теперь уже не так тяжело нагруженная, пятилась задом, выходя из депо, чтобы отправиться дальше, в Лондон.

Глава 9

Суриндер вовсе не сияла дружеской улыбкой, когда сонно открыла Нине дверь.

– Хорошо съездила? – спросила она. – Почему так быстро вернулась?

Нина хотела было рассказать ей все, но передумала.

– Долгая история, – только и сказала она.

– Ну, входи, – проворчала Суриндер. – Я возьму свободный день, чтобы перетащить все эти книги. Когда начнем?

– Ну... – пробормотала Нина, гадая, не следует ли сначала выпить кофе, а уж потом обсуждать положение дел.

Кофе был сварен, и деваться теперь было некуда.

– Понимаешь... Дело вот в чем. Я не могу здесь припарковаться.

– Что это значит?

– Мое заявление на парковку отклонили. Фургон слишком велик для Эджбастона.

– А, вот почему ты так быстро вернулась. Ты сбежала!

– Не совсем так.

– Значит, ты просто не купила фургон. Но, Нина! – Суриндер поставила пустую кофейную чашку на шаткую стопку романов эпохи Регентства, и те с готовностью посыпались на пол. – Что же ты собираешься делать со всем этим?!

Момент выглядел подходящим.

– Но я его купила! – выпалила Нина.

– Ты не... ты – что?

Слегка растерявшись, Суриндер огляделась вокруг, попутно уронив новые издания романов Оруэлла.

– Поосторожнее! – поморщилась Нина.

– Поосторожнее? Нина, какого черта с тобой происходит?! О чем ты думаешь? Почему ты не позаботилась о парковке до того, как скупать все эти проклятые книжки?

– Не знаю. Я просто предполагала, что с этим проблем не будет.

– Какого черта ты отдала все свои деньги, не понимая, что делаешь?!

– И этого я тоже не знаю. Я... я думала, что не смогу пройти через все это, если стану долго откладывать.

– Нина!..

Нина никогда не видела Суриндер в такой ярости. Она сразу почувствовала огромную усталость, а на глаза ее тут же навернулись слезы.

– Нина, я старалась быть терпеливой! Старалась помогать тебе, когда дела у тебя шли хорошо и когда дела шли плохо. А ты все скупала и скупала книги, ты покупала их, когда шел дождь и когда светило солнце, но...

«Наверное, – думала позже Нина, скорее в надежде, чем в ожидании, – это просто визгливый голос Суриндер заставил тогда все выглядеть ужасным». Он поворачивал дело так, что виноватой во всем выглядела только сама Нина.

Но в тот момент она такого не чувствовала, особенно когда Суриндер в разочаровании снова взмахнула рукой и задела шаткие перила лестницы, те сразу закачались, и с верха лестницы рухнула стопка книг. И разумеется, они, как в какой-то жуткой замедленной съемке, упали на следующую стопку, а та – на следующую... и вся эта масса посыпалась вниз по ступенькам, а внизу книги налетели на большую декоративную вазу, которая грохнулась на пол с такой силой, что на потолке прихожей появилась тонкая трещина, выпустившая клубы пыли.

Казалось, что все происходит очень медленно. Нина наблюдала за завитком пыли, струившейся с потолка, – это было крошечное белое облачко, только и всего. Но его, поняла Нина, было достаточно. Она с опаской глянула на Суриндер.

Да, это оказалось последней каплей. Окончательной. И обе они это знали.

– Ладно, – сказала Нина. – Ладно. Я съезжаю.

Как только все было решено – или как только Нина это произнесла, – обе они сразу успокоились. Суриндер выглядела искренне огорченной. Они ведь четыре года были соседками, и в целом хорошими. Суриндер взяла у Нины остаток платы за последний месяц с целью заделать трещину в потолке, но тут же истратила часть этих денег на две бутылки просекко и гигантский пакет мармеладок «Харибо», и они на следующий вечер уселись в гостиной, чтобы поговорить как следует.

– И где ты будешь жить? – спросила Суриндер.

– Не знаю, – пожала плечами Нина. – Здесь, пожалуй, слишком дорого. Найду что-нибудь подешевле. Денег-то у меня в общем нет.

– А что ты будешь делать с книгами?

– Посмотрим. Пожалуй, как-нибудь договорюсь, продам часть...

– Но ты не можешь себе этого позволить, – возразила Суриндер. – Ты не забыла, что ты библиотекарь и привыкла просто выдавать книги людям?

– Только до тех пор, пока у меня есть возможность завтракать и обедать, – заявила Нина, беря еще горсть мармеладок.

– А ты уже сообщила матери?

Нина поморщилась. Ее матушка имела привычку отчаянно тревожиться из-за всего подряд. В основном из-за младшего брата Нины Анта.

– Я ей сообщу в письме по электронке, когда сменю адрес.

– Но ты не намерена ей говорить, что собираешься в пригород?

– Звучит ужасно, когда ты вот так это произносишь.

– Ох, ну... – проворчала Суриндер.

Она заглядывала к своей матери почти каждый день и редко возвращалась домой без пластикового контейнера «Тапервер», наполненного чем-нибудь вкусным, – и Суриндер казалось, что отношения Нины с матерью выглядят крайне сомнительно.

– Ладно, я ей сообщу, – повторила Нина. – Просто мне нужно немножко времени, чтобы устроиться. Уж слишком быстро все происходит.

Суриндер, сидевшая на кушетке, наклонилась вперед и снова наполнила их бокалы.

– А ты знаешь, – с видом заговорщицы произнесла она, – какие люди будут там жить, ну, куда ты собралась?

– Какие-нибудь старикашки со странностями, – тут же ответила Нина. – Я таких знаю, встречалась.

– Нет! – ужаснулась Суриндер. – Нет, нет и нет! Я не об этом! Там полно славных людей!

– Правда?

– Конечно! Посреди неведомого, в пустыне. Кто там обитает? Фермеры. Ветераны. Может, рядом находится военная база. Путешественники-пешеходы. Горные байкеры.

– Не уверена, что сумею поладить с горными байкерами. Уж очень они шумные. К тому же я не любитель долгих прогулок.

– Это лишь общее понятие. Геологи. Студенты-агрономы. Люди, которые ухаживают за деревьями. Мужчины, мужчины, много мужчин! Ты окажешься в чудовищном меньшинстве.

– Ты так думаешь?

В библиотеке на восемь женщин приходилось всего два мужчины – Гриффин и старый Мо Сингх. А в новом медиацентре, как Нина уже узнала из взволнованных сообщений Гриффина, работали около сорока женщин, в

основном молодых.

– Конечно! А здесь их вообще нет.

– Вот тут ты права.

Суриндер округлила глаза. Она то и дело приглашала в гости разных мужчин, но почти никто из них не мог ее заинтересовать, она жаловалась, что все они слишком столичные, а она терпеть не может бороды.

– Ну, как бы то ни было, – махнула она рукой, – сама увидишь. Парни там везде!

– Я же не ради парней это делаю, – возразила Нина. – А ради книг.

– Но если тебе подвернется хороший парень, тебя же это не разочарует?

– Я уже говорила тебе, все они только и знают, что торчать в барах. И хватит тут насвистывать «Over the Sea to Skye».

Глава 10

Шел дождь. Проживая в Бирмингеме, Нина думала, что кое-что знает о дождях. Но оказалось, что она была не права. Совсем не права. В Бирмингеме, когда начинался дождь, вы просто забежали в какое-нибудь кафе, или сидели дома, в тепле центрального отопления, или отправлялись в «Булл ринг» – в этом торговом центре можно бродить без конца.

Но здесь, на Северо-Шотландском нагорье, дождь лил, лил и лил, пока не начинало казаться, что тучи опустились вниз, облепив вам лицо, они накатывали и неустанно хлестали струями воды...

Нина, наверное, ничего не имела бы против, но ведь ей надо было вернуться к фургону, он уже пять дней стоял на том же месте. Нина уложила все, что смогла, в самую большую из своих сумок, навалила книг на заднее сиденье «мини-метро» – так, что уже почти не видела заднего стекла, хотя это оказалось лишь каплей из моря, затопившего дом, но Суриндер пребывала пока что в благодушном настроении и, обняв и расцеловав Нину, вручила ей контейнер с едой на дорогу и пообещала навестить, как только Нина все устроит, то есть продаст фургон и найдет местечко для жилья.

Но прежде всего Нине нужно было забрать фургон. Добравшись до места, она зашла в бар и довольно глупо спросила Аласдера, есть ли здесь такси. Тот смущенно посмотрел на нее и поинтересовался, не хочет ли она, чтобы Хьюго подвез ее на тракторе, но Нина ответила, что не стоит беспокоиться. Тогда Аласдер любезно предложил дать ей напрокат старый велосипед, что стоял за домом.

На самом деле велосипед был не старым, а древним – некая здоровенная металлическая конструкция с солидной рамой, тремя скоростями и истрепанной коричневой корзинкой спереди. Единственным его достоинством оказалось то, что ехать на нем было невероятно трудно, и Нина очень быстро перестала ощущать холод, нажимая на педали и направляясь под дождем туда, где остался фургон.

Когда Нина, задыхаясь, добралась почти до вершины холма, она увидела небольшой пробел между тучами, мчавшимися по небу. И вдруг, всего лишь на одно мгновение, широкий луч солнечного света вырвался оттуда, и Нина, как подсолнух, подняла голову ему навстречу. Уже на вершине она остановилась и посмотрела на тучи. Дома, в Бирмингеме, она

никогда их не видела, потому что стекло, металл и бетон скрывали небо, к тому же на ходу вы обычно смóтрите на тротуар или на телефон. «Во что превратятся мои волосы?» – мимоходом подумала Нина, но ей было все равно. Смахнув с глаз капли и встряхнув головой, она внезапно получила вознаграждение – как по ее приказу, дождь прекратился, и на землю хлынул золотой свет, заставив сверкать каждую каплю, каждый мокрый листок. Рапсовое поле, протянувшееся до маленькой бухты, засветилось, а между тучами вспыхнула гигантская радуга. Но тучи продолжали бежать своей дорогой, бросая тени на поле внизу.

Нина глубоко вдохнула невероятно свежий воздух и посмотрела направо, где параллельно дороге бежал красный поезд. Она понимала, что там нет Марека – поезд был пассажирским, – но все равно вскочила на велосипед и помчалась вниз по другой стороне холма, следом за поездом, наблюдая за тем, как тот набирает скорость, торопясь в Перт, Данди... а может быть, в Эдинбург, Глазго и дальше... Британия на этот раз не показалась Нине маленькой тесной страной, как она всегда думала, страной беспорядочной, набитой людьми, где Лондон постоянно тянул свои лапы к миру вокруг него, пытаясь захватить его целиком, местом, закованным в бетон, который расползся вокруг в мрачном урбанистическом величии. На каждой улочке размещались кофейни, а люди запирались в дорогих маленьких квартирах и сидели за компьютерами, наблюдая жизнь только на экранах, в то время как рядом вырастал еще десяток небоскребов, закрывая собой свет, облака, воздух, и никого, похоже, это не волновало, все полагали, что это и есть прогресс.

Нина чувствовала, как ее ноги жмут на педали и она набирает скорость, глядя на мчащийся впереди поезд, осознавая, что хотя у нее нет работы, нет пособия, нет приятеля, вообще нет ничего, кроме старого дребезжащего фургона, она почему-то чувствует себя свободной, как никогда в жизни.

Фургон оказался не там, где она ожидала его увидеть, он был гораздо дальше, к тому времени, когда Нина до него добралась, она уже умирала от голода, но все же увидела наконец впереди тот переезд. Фургон стоял на придорожной площадке рядом с переездом, и выглядел он по-прежнему, если не считать полицейской наклейки. Будь это в Бирмингеме, Нина ни за что не стала бы отдирать ее в надежде, что это позволит ей встать, где угодно. Да, это был ее громадный фургон, и в солнечном свете он выглядел не таким уж устрашающим, каким показался ей в прошлый раз, посреди ночи.

Спрыгивая с велосипеда, Нина увидела, что на переезде замигали красные огни, а полосатые шлагбаумы начали опускаться. Нина мгновенно напряглась. Как это ужасно, что она чуть не погибла здесь, так глупо попала в ловушку... Чувство панической беспомощности в тот момент, когда она пыталась открыть дверцу фургона, снова нахлынуло на нее, но Нина заставила себя смотреть на поезд, который прогрохотал мимо, – маленький, местный, но все равно показавшийся ей огромным и шумным. Нина вздрогнула, когда на солнце вновь набежали облака, и прислонилась к ближайшему дереву. Все в порядке. Все прекрасно. Просто нужно напоминать себе об этом и не давать воли воображению. То был странный несчастный случай, но поезд ведь остановился, такого никогда больше не повторится.

Нина гадала, нет ли здесь где-нибудь другой дороги, без железнодорожного переезда. Должна же быть. И ей следует впредь выбирать именно такую – на всякий случай. Потом она сказала себе: нет, не должна. Лучше справиться с этим и покончить со страхами раз и навсегда.

Шлагбаумы все еще не поднимались. Нина осторожно оглядела рельсы. Ну конечно, подходил другой поезд, товарный, – он шел куда медленнее пассажирского. Нина предположила, что поезд мог замедлить ход из-за того, что здесь недавно случилось.

И вдруг, поддавшись порыву, она подошла ближе к шлагбауму. Она так и не послала эсэмэску Мареку – не сумела разобрать невероятные иероглифы, которыми был написан адрес, – но тем не менее думала о нем. Он был так добр и подвез ее, хотя на самом деле имел право отчаянно злиться. Марек был намного старше Нины, и наверняка у него есть жена и семья, если не здесь, то в Латвии. Но даже при всем этом Нина, читая роман с темноглазым романтическим героем, позволяла себе умчаться мыслями – ненадолго, совсем ненадолго – к темным, добрым, грустным глазам Марека.

Нина приподнялась на цыпочки у шлагбаума, чтобы заглянуть в кабину локомотива. Поезд и в самом деле замедлял ход. Наверное, машинисты получили новые инструкции. Вытягивая шею, Нина рассмотрела лысоватую голову и крепкую фигуру в светло-синей форменной куртке. Нина с удивлением поняла, что в кабине сидит Джим, видимо, ему досталась дневная смена. Вскинув руку, Нина энергично замахала ему.

Поезд еще сильнее сбросил ход, и Джим высунулся из окна кабины. Нина с облегчением увидела, что он улыбается. Сквозь шум локомотива она не поняла толком, что он ей кричит, но похоже было, он сообщает:

«Нам теперь приходится притормаживать из-за вас!»

Но Джим все равно улыбался, и когда многочисленные платформы поезда покатали мимо Нины, локомотив трижды резко свистнул.

Нина дождалась, когда пройдет весь товарняк – пятьдесят пять вагонов, сосчитала она, – но Марека не было видно. Впрочем, он ведь говорил, что по двое они ездят не всегда, все зависело от груза. И все же, подумала Нина, Марек может оказаться в последнем вагоне. Там имелась площадка, похожая на балкон. На нем можно было стоять и наблюдать за проносящимся мимо миром.

Но и там Марека не было.

Нина открыла фургон. Она нашла в канаве табличку агента по недвижимости, с торчащим из нее гвоздем, и решила прихватить ее с собой. Повинуясь внезапному импульсу, она пошарила в своей сумке в поисках авторучки. Нина покупала канцелярские принадлежности так, как другие женщины покупают губную помаду, поэтому у нее всегда была с собой авторучка. На табличке жирными черными буквами она написала: «Привет, Джим и Марек! Вечно вам благодарна! Нина».

Нина понимала, что эту надпись смоем с таблички сразу, как только снова пойдет дождь, – возможно, в ближайшие пять минут. Но все равно воткнула гвоздь в ствол дерева. Потом, еще раз сунув руку в сумку, нашла некую книгу – волнующий старый роман о Балтийских странах, написанный английским путешественником, – тщательно завернула его в пластиковый пакет и тоже повесила на гвоздь.

Наконец Нина резко хлопнула фургон по боку, прочла короткую, но жаркую молитву и достала ключи.

Глава 11

Нина вытащила из своего «мини-метро» все коробки и переложила их в фургон, где они мгновенно показались крохотными, но туда еще требовалось сунуть много-много всего. Нина определенно чувствовала, что давно миновала тот рубеж, за которым удача отсутствовала. И как по велению удачи, особа, купившая ее авто, – она оказалась весьма изящно одетой фермерской женой, машина нужна была ей для визитов по окрестностям – посоветовала Нине пойти посмотреть на некое подходящее для стоянки место, где никто не станет возражать против чудовищного фургона.

Нина, конечно же, тревожилась. Она могла платить за аренду сущие гроши, даже Суриндер запросила за хранение куда меньше рыночной цены, потому что после того, как миновала угроза обрушения дома, они снова стали хорошими соседками. У Нины были только деньги от продажи ее машины и жалкие крохи от пособия по сокращению. Она старалась поаккуратнее обращаться со своим жалованьем, которого обычно хватало только до ее следующего налета на книжный магазин, но все равно Нина умудрялась пополнять собрание книг для своего будущего магазина.

Она позвонила в местную управу, и там совершенно спокойно отнеслись к ее вопросу о парковке и даже пообещали прислать список фермерских рынков и мест для распродажи вещей из машин, где она могла бы арендовать местечко. Идея выглядела весьма привлекательной. Но сначала Нине нужно было все подготовить, а для этого где-то остановиться.

Ферма Леннокса располагалась сразу за деревней, отступив немного от дороги. Роскошный дом, выкрашенный в сочный оранжевый цвет, должен был резко выделяться на местности, но на самом деле, даже весной, прекрасно вписывался в окружавшие его холмы. Нина предположила, что осенью он должен и вовсе выглядеть восхитительно.

Женщина, которой Нина продала «мини-метро», говорила, что жена этого фермера намеревалась превратить коттедж рядом с главным домом в домик для дачников, но потом там что-то произошло («Настоящий скандал», – сказала женщина, не вдаваясь в подробности), и теперь коттедж можно было снять надолго.

– Скорее всего, он заброшен, – добавила покупательница.

Нина догадалась, что на той ферме явно произошло нечто весьма незтичное, и понадеялась, что коттедж не стал совсем уж развалиной. Но разве у нее был выбор?

Когда Нина, руководствуясь весьма смутными указаниями, подъехала к ферме, она никого не увидела вокруг. Ей ведь казалось, что уж ее-то фургон заметит любой и каждый, потому что: а) он бросал длинную тень на все, мимо чего проезжал, и б) она, на всякий случай, вела его со скоростью двадцать миль в час. Но когда Нина въехала во двор фермы, то увидела лишь одинокую курицу, бодро бродившую неподалеку; курица посмотрела глазами-бусинками на Нину, когда та остановилась и сошла вниз из кабины.

– Эй, привет! – крикнула Нина, вдруг почувствовав себя ужасно неловко.

Она попыталась погуглить это местечко, но нашла только старый веб-сайт, где висели какие-то фотографии. Нина подумала, что дохлый веб-сайт – дурной знак. Сайт, явно полный надежд, когда его создавали, теперь спокойно угасал. Как и сам коттедж, уныло подумала Нина. Идея отчасти осуществилась, но потом была заброшена. С другой стороны, не могла же Нина ночевать в фургоне?

– Эй, привет! – снова крикнула она.

Потом подошла к двери дома и постучала. И сразу поняла, что внутри никого нет. Нина вздохнула и заглянула в кухонное окно. Внутри было чисто, аккуратно и очень-очень пусто. Ни картинок на стенах, ни груды почты, ни грязных чашек. Казалось, что это и есть коттедж для отдыхающих, но это явно был именно фермерский дом. За мощеным двором и курицей виднелся гараж. Нина вообще не видела ничего, что походило бы на коттедж. Она снова вздохнула и сверилась с адресом. Адрес был правильным.

Нина огляделась. Она ничегошеньки не знала о фермах. И подумала, что раньше, наверное, мимо проходил путь в школу... или что-то вроде того. Нине приходилось читать о запертых воротах, о том, что вокруг должен лежать навоз, по изгородям пущено электричество. Все это заставляло ее думать о фермах как о довольно пугающих местах. Но она ведь все равно не знала, что еще сделать, – в смысле поиска места для остановки. Она даже в пабе не могла позволить себе сидеть слишком долго.

Горы напротив сияли в солнечном свете, но день был довольно холодным. Хотя уже стояла весна, Нина догадалась прихватить с собой зимнюю куртку с капюшоном и теперь порадовалась этому. Она закуталась

в куртку и стала думать, как ей быть дальше.

Полчаса спустя, когда Нина, сидя в кабине и включив радио, уже погрузилась в «Ветер во Франции», в водительское окно кто-то энергично постучал. Нина, моргая, подняла голову – уходя в книгу, она не всегда сразу соображала, где находится.

Рядом с фургоном стоял довольно грубого вида мужчина, в фуражке на вьющихся каштановых волосах. Он не улыбался. Нина опустила стекло.

– Э-э-э... привет, – сказала она, внезапно отчаянно смутившись.

– Вы не можете здесь стоять! Это вам не лагерная парковка! – рявкнул мужчина.

Нина, слегка ошеломленная, уставилась на него.

– Да, я знаю, – ответила она.

Нина потянула ручку, чтобы открыть дверцу, и мужчина неохотно отступил назад. Выпрыгнув наружу, она увидела, что мужчина невероятно высок ростом, да еще и держит в руках большую палку. Вид у него был внушительный.

– Я не заказывал никакой доставки. Или вы заблудились?

Нина чуть было не сказала: он и сам не догадывается, что его вопрос выглядит философским в данный момент ее жизни, – но вместо того вскинула голову.

– Мне сказали, что я могу здесь найти коттедж, – ответила она. – Я думала, вы знаете.

Последовало недолгое молчание. Потом мужчина потер лоб.

– А... – ворчливо произнес он. – Верно. Я и забыл.

Они снова умолкли, и Нина ожидала, что мужчина извинится за грубость, но он и не подумал.

– И часто люди пытаются здесь остановиться? – спросила Нина, пиная носком туфли маленький камешек.

– Да я обычно не имею ничего против – если они спрашивают разрешения. Ну... когда как.

– То есть они должны вам понравиться? – Нина попыталась изобразить улыбку.

Мужчина не ответил, лишь коротко вздохнул:

– Так вы хотите посмотреть?

– Э-э-э... да, пожалуйста. – Она протянула руку. – Я Нина Редмонд.

Мужчина сначала посмотрел на ее руку, потом сжал. Его ладонь была сильной, большой, обветренной – рабочая рука. И он был моложе, чем поначалу показалось Нине.

– Леннокс, – коротко представился он.

– Как Льюис Леннокс, знаменитый боксер? – выпалила Нина, не успев поймать себя за язык.

Мужчина нахмурился еще сильнее, если только такое было возможно.

– Если хотите... – произнес он с сильным мелодичным акцентом.

И Нина мгновенно пожалела о своих словах.

– Ладно, – решил мужчина, – идите за мной.

Он широким шагом направился через двор, распугав кур, вышедших ему навстречу.

Примерно в двадцати ярдах от дома, в конце разбитой дороги – которую Нина осмотрела с подозрением, но решила, что, пожалуй, здесь можно поставить фургон, – спрятался каменный домик.

– А вы точно не станете возражать, если я поставлю здесь фургон? – нервно спросила Нина.

– А на какого черта он вам нужен, этот фургон? – спросил Леннокс. – Вы же такая малышка!

– Разве невысоким людям нельзя водить фургоны? – ядовито поинтересовалась Нина. – И кстати, я совершенно нормального роста, среднего. Это вы слишком высокий.

– Мне, по крайней мере, не нужна лестница, чтобы забираться в мой фургон.

– Ну а мне, по крайней мере, не нужно носить на голове подушку, чтобы не разбиться о дверной проем, – не осталась в долгу Нина.

Она вдруг ощутила странную свободу, грубо отвечая на грубость. Обычно она не вела себя так дерзко.

– Хм! – буркнул Леннокс. – Вы вполне можете поставить его здесь. Если сумеете повернуть.

– Надеюсь, вы не сексист? – спросила Нина.

– Нет, – ответил Леннокс. – Хм... Не уверен. В наши дни это трудновато понять.

Нина посмотрела на слякотный склон рядом с домом.

– Думаю, это место мне вполне подойдет, – заявила она, стараясь говорить как можно беспечнее.

– Да, можете ставить его на ручной тормоз. Но вы и сами знаете, раз уж так здорово во всем разбираетесь, – не замедлил с репликой Леннокс.

Нина шагнула вперед, чтобы осмотреть дом. Выглядел он как амбар.

– Вы взяли ключи? – спросила она.

– Ах да... ключи, – рассеянно произнес Леннокс. – Об этом я не подумал. В наших местах мало что запирается.

– Ну, вы же понимаете, если я арендую дом, мне понадобится ключ.

Леннокс прищурился на солнце:

– Уверен, я знаю, где он... Определенно он где-то есть.

Дверь этого амбара была сооружена из толстых досок. Да и все вокруг выглядело весьма отталкивающе. Нина вдруг забеспокоилась, что дом на самом деле и не переделывали, что он все так же оставался старым амбаром, набитым соломой и старыми инструментами, с отверстием в кровле... Конечно, все это выглядело истинным раем, когда описывалось в романе «Хайди» Йоханны Спири, однако Нина усомнилась в том, что это может казаться раем теперь. Она глубоко вздохнула, когда Леннокс распахнул дверь и пошарил по стене в поисках выключателя.

– Ох, батюшки! – проворчал он. – Я даже и не помнил, подвели сюда электричество или нет. Но подвели.

Нина следом за ним вошла в коттедж. Здесь пахло пылью и сыростью, как в любом месте, где долго никто не жил, воздух был промозглым. Но этого Нина не заметила. Совершенно не заметила.

Вместо того она шагнула вперед, глядя прямо перед собой. Кто-то установил – явно за огромные деньги – большое панорамное окно в южной стене амбара, напротив той стороны, откуда они вошли, так что из него не были видны ни фермерский дом, ни дорога, ни горы на севере. Картина в окне походила на рекламу: мили пологих холмов, украшенных невысокими каменными стенками, белые шарики овец, покрытые дикими цветами луга, а в низине длинная река с горбатым мостиком через нее.

Сквозь двойные стекла можно было расслышать лишь негромкое мычание, а на небольшой лужайке перед окнами копошились куры.

– О боже! – выдохнула Нина. – Это изумительно!

Потом она вспомнила, что у нее нет кучи денег, чтобы платить аренду.

– Я хочу сказать, это... Должно быть, здесь пришлось здорово потрудиться, – уже более сдержанно добавила она.

Она прошла в комнату. Электричество здесь пока что не было нужно: все заливал солнечный свет, и у Нины возникло желание свернуться в лучах, как кошка, забыв о резком ветре снаружи.

Дом был невелик изнутри. В одном конце помещения стояла уютного вида деревянная плита, на задней стене висела роскошная кухонная утварь. Маленькая винтовая лестница вела в крошечный мезонин с широкой двуспальной кроватью и ванной комнатой – и здесь тоже было огромное окно, за которым тянулись холмы. Книжные полки выстроились у дальней стены, оригинальной, из серого камня.

Все это ошеломляло. Нина видела перед собой идеальное убежище, о

каком могла только мечтать. Никогда в жизни ей ничего не хотелось так сильно, как поселиться в таком вот месте. Кто-то с великим тщанием и заботой перестроил и оборудовал этот амбар. Но Нина после их краткого знакомства не могла представить себе Леннокса в качестве дизайнера по интерьерам такого вот качества.

– Много ли вы хотите за этот коттедж? – спустившись обратно по винтовой лестнице, осторожно начала она.

Леннокс посмотрел по сторонам так, словно много лет не заглядывал в домик – он и в самом деле сюда не заглядывал.

– О нет, – ответил он. – Нет, я... я никогда... У меня, вообще-то, не было времени на всю эту ерунду. – Он немного помолчал. – Ну... Этим занималась моя жена. То есть скоро она станет бывшей женой.

В его голосе звучала неприкрытая боль, и Нина поостереглась говорить что-нибудь еще.

– Хорошо, – кивнула она, – ладно.

Леннокс отвернулся от прекрасного маленького жилища.

– В общем... – Он взмахнул мощной рукой, чуть не сбив при этом лампу с бокового столика. – В общем, если хотите...

– Да, но сколько...

– О господи, да не знаю я! – вздохнул Леннокс.

И он назвал сумму намного меньше той, на какую могла хотя бы надеяться Нина.

Она с трудом сумела скрыть свой восторг и вдруг почувствовала себя виноватой – она ведь получала дом куда дешевле, чем он стоил. Таких денег не хватило бы даже на то, чтобы оплатить общую комнату в студенческом общежитии в Бирмингеме. Потом Нина огляделась и сообразила, что у Леннокса имеется, пожалуй, сорок тысяч овец, а кур и не сосчитать, и что он, скорее всего, доволен своей жизнью. Да и что ему покупать? Новую фуражку?

– Ну что ж, это было бы неплохо, – осторожно произнесла она.

В это мгновение Нина вдруг вспомнила, как когда-то отправилась на поиски квартиры в Бирмингеме: она пересмотрела уйму жутких мест, с пятнами сырости на стенах, а стояли они целого состояния, при этом пришлось разговаривать с очень странными людьми, пока ей не повезло наконец и она не сняла дом вместе с Суриндер.

– Да, конечно! – сказала она на этот раз с куда большим жаром.

– Ну и хорошо, – пожал плечами Леннокс. – Я дам вам ключи, когда найду их.

– Ключи мне понадобятся, – кивнула Нина.

– И включу воду и что там еще... – Он рассеянно взмахнул рукой. – Что еще вам понадобится? Нужно вам постельное белье и какие-то вещи? Там у нас этого добра целые тонны. Кейт... Она собиралась и другие строения так же отремонтировать. Просто горела энтузиазмом. – Он тяжело сглотнул. – А потом влюбилась в дизайнера по интерьерам. А мне и в голову не приходило, что ему нравятся женщины. Ну, не важно...

Нина заметила прекрасную картину на стене. Это был темный мрачный холст, совершенно не соответствовавший изяществу комнаты. Нина всмотрелась в него.

– Мне очень жаль, – машинально произнесла она, думая о картине.

– Да ладно, – ответил Леннокс. – Со временем все уляжется. Эта чертова Мэрилин Фриэрс явно так думает. Болтает об этом по телефону, невесть на что намекает... – Он опомнился. – В общем, располагайтесь.

– Спасибо, – сказала Нина. – Обещаю, я буду поддерживать здесь порядок.

Леннокс вдруг, прищурившись, посмотрел в открытую дверь:

– Это вроде ваш фургон катится вниз с холма?

– Что?! – вскрикнула Нина. – Нет, я поставила его на ручной тормоз! Поставила! Я абсолютно в этом уверена!

– Лучше бы ему не передавать моих чертовых кур.

– Мой фургон! – взвизгнула Нина и как сумасшедшая помчалась вниз по холму.

– Не лезьте туда! – заорал Леннокс, топая следом за ней.

Он легко обогнал Нину на своих длинных ногах.

– Держитесь подальше!

Фургон уже набирал скорость, стремясь к канаве на краю поля. Леннокс быстро, но без суеты, запрыгнул в кабину – Нина лишь успела подумать: «Какое счастье, что я ее не заперла!» – и рванул ручку тормоза с такой силой, что Нина даже издали почуяла запах опаленной резины. Последовала пауза, во время которой куры с кудахтаньем разбегались во все стороны.

Наконец Нина шагнула вперед.

– Я думаю, мой фургон склонен к самоубийству, – горестно произнесла она. – Он постоянно пытается покончить с собой. Иногда прямо вместе со мной, иногда сам по себе. Может, в нем поселилось привидение?

Леннокс, хмурясь, выпрыгнул из кабины.

– Вам просто следует правильно с ним обращаться. А это значит – всегда ставить на ручной тормоз.

Нина отчаянно покраснела.

– Извините, – сказала она. – Просто недавно у меня был несчастный случай... ну, почти был, я тогда не смогла снять его с тормоза, и, наверное, поэтому мне не нравится ставить его на тормоз.

– Не уверен, что тут дело в вашей неприязни к ручным тормозам, – возразил Леннокс. – Если хотите парковать фургон здесь, делайте это как следует.

– Да. Хорошо. Извините.

Леннокс заглянул в кабину.

– А что это там... книги?

– Ну да...

– У вас полный фургон книг?

– Пока еще не полный. Но я намерена именно это и сделать. Вы любите читать?

Леннокс передернул плечами:

– Не вижу в этом смысла.

– В самом деле? – Брови Нины взлетели выше некуда.

– Я получаю «Фермерскую неделю» и читаю ее. Я умею читать, – сказал он так, словно Нина обвинила его в полной безграмотности.

– Не сомневаюсь, что умеете, – откликнулась она. – Но вы никогда не читаете для развлечения?

Леннокс посмотрел на нее. Его глаза, с морщинками в уголках, были голубыми, сильно загоревшее лицо казалось суровым. Нина подумала, не стало ли ему слишком больно, когда он показывал ей дом, построенный с любовью в счастливые времена. Он вообще не походил на человека, который делает что-то для развлечения.

– Никогда этого не понимал, – ответил Леннокс. – Зачем вообще кому-то развлекаться?

Остаток дня Нина потратила на устройство на новом месте, она сразу отдала Ленноксу плату за месяц вперед. Он с сердитым видом взял конверт и тут же вернулся к делам, исчезнув за горизонтом. Нине оставалось только гадать, где пролегают границы его фермы.

Она распаковала свои жалкие пожитки, уложила их в красивые встроенные шкафы – слишком уж красивые, решила Нина, для скромного коттеджа. Вряд ли такие вложения можно было окупить даже за сто лет. Нина думала о загадочной экс-миссис Леннокс, – возможно, она просто искала предлога для приглашения дизайнера?

Нина потрогала тяжелые, с подкладкой гардины, глядя на прекрасные поля и пытаясь представить себе жену Леннокса. Может быть, она просто

тосковала по городу – точно так же, как Нина вдруг начала тосковать по широким просторам и свежему воздуху, сидя в крошечной комнатухе в Эджбастоне и глядя на длинный ряд домов с террасами напротив. Возможно, обе они жили не своей жизнью? Это была странная мысль. Нина посмотрела на дорогие полы светлого дуба, на ванну на ножках-лапах, на огромную кровать, почти одинаковую в длину и в ширину, и застенчиво улыбнулась. Да, они с миссис Леннокс наверняка были очень разными. Но Нине на этот раз улыбнулась удача.

Глава 12

Разложив свои вещицы, Нина не представляла, чем ей теперь заняться. Потом посмотрела на фургон и поняла, что тот нуждается в хорошей мойке. Проблема в том, сообразила Нина, что когда она каталась на крохотном «мини-метро», она могла проскользнуть где угодно, а вот когда дело касалось фургона... он, словно гигантский слон, был слишком широк для половины улочек этого городка. Одарив фургон строгим взглядом, она подумала, не продлить ли ей аренду велосипеда Аласдера.

Но, собравшись с духом, Нина все же покатила в деревню на скорости десять миль в час – она не была уверена, что они с фургоном могут уж слишком доверять друг другу. По дороге она обдумывала следующую проблему – как ей доставить из Бирмингема остальные книги. По сути, следовало бы просто поехать туда и забрать их, но это невероятно долгий путь, а Нина не была уверена на сто процентов, что ей хватит на это характера, в особенности после едва ли не смертельного испытания в тот раз, когда она пыталась добраться до Бирмингема.

В деревне имелся небольшой бакалейный магазин, покрашенный в симпатичный светло-синий цвет. Внутри какая-то женщина коротко поздоровалась с Ниной, когда та вошла, звякнув колокольчиком над дверью. Хотя магазин и был небольшим, в нем, похоже, имелось все на свете.

Нина посмотрела на завернутые в бумагу бараньи отбивные. На них значилось: «Ферма Леннокса». В Бирмингеме мясо добывалось, как правило, в супермаркетах и было упаковано в пластик. Здесь же Нина увидела нечто совершенно новое. Цыплята тоже здесь продавались. Нина подумала о резвых маленьких курочках, что копались в земле под ее новым окном. Да уж, им жилось намного лучше, чем любому из тех цыплят, которых обычно покупала Нина. Но все равно она предпочла выбрать цветную капусту, чтобы приготовить ее с сыром. Здесь продавали множество местных сыров, каких она никогда прежде не видывала. Женщина заметила растерянность Нины.

– Что-нибудь подсказать? – спросила она. – Я знаю, это немножко смущает.

– Я здесь новенькая, – с улыбкой пояснила Нина.

– О, я знаю! – сообщила женщина. – Я Лесли. Вы купили фургон у

Уилли по какой-то безумной причине, вы не умеете его водить, и вы поселились в таинственном коттедже Леннокса.

Она улыбнулась, явно довольная собой. Женщина была невысокой и аккуратной, с обветренными щеками и добродушным выражением лица.

– Таинственном? – переспросила Нина.

– Ну да, никто этот дом не видел с тех пор, как уехала Кейт. На что он похож? Я слыхала, она истратила целое состояние, чтобы заполучить людей из самого Эдинбурга, даже Инвернесс был для нее недостаточно хорош!

– Точно, – согласилась Нина.

– И?.. – Лесли скрестила руки на груди.

Сплетники уже явно обсуждали, за что именно заплатила Нина и что же там такое на самом деле.

– Там очень красиво, – ответила Нина. – Одна стена почти целиком стеклянная, и маленький мезонин в роли спальни, и прекрасный вид.

– Звучит неплохо, – вздохнула Лесли. – А у него автономное снабжение?

– Я не спросила.

Лесли уставилась на нее:

– Вы взяли в аренду дом, даже не выяснив, чем он обеспечен? Сразу видно, что вы иностранка.

Нина никогда прежде не смотрела на себя как на иностранку.

– Там есть дровяная плита, – с надеждой сообщила она.

Лесли расхохоталась так, что Нина ощутила легкую неловкость.

Она набрала столько средств для мытья и чистки, сколько могла унести.

– И для чего все это? – спросила Лесли.

Нина была полна желания поддержать местную торговлю и людей, работавших в этом районе, но теперь эта идея стала угасать.

– Для фургона.

– И что же вы собираетесь с ним делать? Вы не похожи на тех, кто занимается перевозками.

– Вообще-то... – начала Нина.

Она вдруг оробела и попыталась говорить чуть громче. Ведь это теперь стало ее жизнью, она намеревалась сама ею управлять, но внезапно почувствовала себя похожей на рассерженного ребенка – как это часто бывает, когда вы остаетесь сами по себе.

Она глубоко вздохнула:

– Вообще-то, я собираюсь держать разъездной книжный магазин. Поеду в города, где таких магазинов нет, вроде вот этого.

– В самом деле? – вскинула брови Лесли.

– Ну... да, – кивнула Нина, беспокойно оглядываясь вокруг, просто на тот случай, если вдруг Лесли уже припрятала в глубине своей синей лавки целый книжный склад и не намерена одобрять конкуренцию.

– А у вас есть новый роман Эрики Джеймс?

– Боюсь, нет, – виновато ответила Нина. – Но я могу его найти. И у меня есть кое-что еще, что, я думаю, вам даже больше понравится.

Лесли бросила на нее подозрительный взгляд:

– Сомневаюсь.

– В этом можете мне довериться.

– Я сама знаю, что мне нравится! – заявила женщина.

Нина опустила взгляд, теребя в руках кошелек:

– Ну... не важно, надеюсь, мы еще встретимся.

На улице она сразу увидела нескольких человек, топтавшихся вокруг фургона, они стали заглядывать внутрь, когда Нина отперла заднюю дверцу. Книги все еще лежали в коробках на полу, но люди стали тянуться к ним, брать, рассматривать.

– Привет всем, – застенчиво сказала Нина.

Ее собственные руки были заняты бутылками с моющими средствами.

– Это что, новая библиотека? – спросила пожилая женщина с битком набитой тележкой. – Нам нужна новая библиотека.

Другие немолодые леди одобрительно закивали.

– Боюсь, нет, – пояснила Нина. – Это будет книжный магазин.

– Но это фургон!

– Знаю. Книжный магазин в фургоне.

– Мне нужна библиотека.

– Мне тоже.

Нина поморщилась:

– Ну, когда я все налажу, для вас здесь будет масса интересных книг.

У фургона остановилась молодая женщина с коляской.

– Привет! Вы продаете книги? – весело спросила она. – А есть что-то для детей?

– Конечно! – Нина наклонилась над коляской. – Эй, привет!

– Это Ангус, – сообщила женщина. – Я понимаю, вы думаете о том, чтобы читать детям, но он тут же начинает скучать и удирает прочь или пытается что-нибудь разгрызть. Обычно что-нибудь потверже.

Ангус улыбнулся, показав молочные зубки.

– Все наши книги уже превратились в обрывки, – продолжила молодая

мамаша. – Меня иногда спрашивают, есть ли у нас собака, и я готова ответить «да».

– А вы пробовали книги в коленкорových переплетах?

– Да, – уныло ответила мамаша. – Он их чуть не проглотил. Так что мы вернулись к картонным переплетам. В них хотя бы есть клетчатка.

– Погодите, – улыбнулась Нина. – У других такая же проблема.

Она запрыгнула в фургон и снова появилась с новеньким экземпляром «Не кусай меня», отпечатанным на картоне. Это была невероятно успешная книга о разных зубастых животных, она поощряла детей беречь свои зубы.

– Что это?

– Здесь есть куча разных подсказок и советов. Может, если он их усвоит, ему не захочется постоянно кусаться.

– Или он будет грызть собственный палец, – с надеждой произнесла женщина. – Хорошая тренировка. Спасибо! Я ее возьму. Я Мойра, кстати.

– Рада познакомиться с вами, Мойра и Ангус, – ответила Нина, соображая одновременно, что ей следует сделать наклейки с ценой на каждой книге. – И с вашей невидимой собакой.

Мойра заплатила за книгу и с довольным видом протянула ее Ангусу – а тот сразу с жадностью впился в нее зубами.

– Может, вам лучше пока убрать ее в сумку, пока вы не выучите подсказки, – предположила Нина.

Она проводила Мойру взглядом и тут же, как будто открылся шлюз, продала все имевшиеся у нее книги Джорджетт Хейер и Норы Лофтс компании пожилых леди, топтавшихся вокруг нее и все еще продолжавших жаловаться на исчезновение библиотеки. К тому времени, когда Нина приехала обратно к амбару, чтобы приготовить цветную капусту с сыром (за чем последовало строгое предупреждение себе, что пока у нее нет отдельной кухни или не станет достаточно тепло, чтобы открыть двери и окна, капусту еще раз готовить не нужно), и начала чистить фургон, она сообразила, что должна быстро придумать какой-то способ доставить сюда остальные книги. Потому что они могли пригодиться.

На следующий день Нина посмотрела из окна амбара на поля, где можно было заметить шотландских куропаток и даже время от времени пустельгу. Вокруг вообще было полно птиц. И в небе тоже. Над морем висела серая груда облаков, они быстро приближались, перегоняя друг друга. Между ними проскользнул солнечный луч. Вдали шел дождь, он должен был скоро хлынуть и здесь, поливая фермерские поля, а к вечеру

слабая розовая линия на горизонте означала конец разноцветных полей. Когда Нина поднималась на вершину горы Киррин, она видела эти невероятно яркие поля на фоне синего неба. Погода словно рождалась прямо на глазах Нины: небо являло собой гигантский экран, на котором постоянно что-то двигалось и кружило.

А это значило, что ей понадобится лишний джемпер, сообразила Нина. И куртка. Но оно того стоило.

Пора было снова отправляться к тому железнодорожному переезду. Суриндер весьма решительно дала это понять во время их последнего разговора: Нина должна была побороть свои страхи и начать все заново. Да, она пережила сильное потрясение, но не должна позволять ему победить. И еще Нине было интересно – просто интересно, говорила она себе, – забрали ли Марек и Джим ее книгу, оставленную на дереве.

Идея была безумной, Нине не следовало на ней сосредотачиваться. Кто угодно мог взять ту книгу. Да и вряд ли они стали бы выглядывать из поезда. Нина причинила им слишком много хлопот. И тем не менее она осторожно сбавила ход и остановилась на придорожной площадке перед переездом.

Сумка исчезла. Но это ничего не значило. И тут Нина заметила пакет – он висел довольно далеко на ветке, яркий, желтый.

Улыбаясь себе под нос, Нина полезла на дерево, вспоминая те дни, когда скрывалась на яблоне, чтобы спокойно почитать. Она осторожно ползла вверх по стволу, пока наконец не добралась до нижней ветки, а потом уже легко поднялась на нее и двинулась к пакету. Оказавшись ближе, она отчетливо увидела большие квадратные буквы – «НИНА». С нарастающим волнением она открыла пакет.

Внутри лежала маленькая книга стихов на русском и английском языках, их автором был человек, о котором Нина никогда не слышала, – некий Федор Тютчев. Нина улыбнулась в восхищении. Книга была старой, в твердом коленкоровом переплете, сильно потрепанном. Никаких надписей на книге не было.

Зато в нее была засунута небольшая записка от Джима.

Надеюсь, вы в порядке после всего. Еще раз извините, что я так кричал. Просто испугался. Марек говорит, что мы, может быть, могли бы в знак примирения что-нибудь перевезти для вас. Дайте знать.

А внизу стоял электронный адрес.

В этот момент из-за быстро мчавшихся облаков выглянуло солнце, ярко

осветив дерево. Спина Нины сразу согрелась. Она попятилась немного назад и уселась поудобнее, прислонившись к стволу, – она прекрасно умела устраиваться на деревьях – и начала читать.

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пуškai в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими – и молчи.

Нина долго смотрела на первое стихотворение, рассеянно теребя в пальцах листок. Как это было странно – что человек, с которым она встретилась совсем ненадолго, да еще и при столь необычных обстоятельствах, оказался способен точно понять, что именно она чувствовала и как. Или, скорее, уловил ее чувства и вызвал другие, лучшие.

Оригинальное стихотворение, на русском, выглядело в равной мере привлекательно, хотя и абсолютно непонятно.

Нина снова прочитала стихотворение, ощущая уже, как медленно погружается в некий теплый уютный рай огромного дуба. Она предупредила себя, что нужно следить за собой, чтобы не задремать и не свалиться с дерева, но вокруг было так тихо, лишь пчелы жужжали на пролеске внизу, да изредка над деревьями вскрикивали крачки, и Нину охватило прекрасное чувство внутреннего покоя.

– Би-ип!

Звук автомобильного сигнала так напугал Нину, что она чуть не полетела на землю.

– Би-ип!

Под Ниной стоял большой, надменного вида «лендровер», занимавший более половины дороги в ширину. Но ведь она оставила достаточно места, чтобы он мог проехать, разве не так? Так в чем проблема?

– Эй, все в порядке! – крикнула Нина, но это оказалось бесполезно.

«Лендровер» снова просигналил. Теперь уже Нина рассердилась, и ей захотелось бросить что-нибудь на крышу этой машины – может быть, желудь, хотя в это время года их не было. Птицы загомонили и умчались прочь при неприятном звуке сигнала, бесконечный покой и тишина разрушились из-за какого-то глупого водителя, которому показалось, что фургон может повредить его дорожные боковые зеркала.

Нина со злостью соскользнула на землю.

– Да все в порядке! – громко повторила она в открытое окно «лендровера». – Просто проезжайте, и все! Не настолько уж велик мой фургон.

Ей навстречу высунулось суровое лицо.

– Ну, во-первых, он как раз настолько велик. Он огромный.

Нина с запозданием сообразила, что в «лендровере» сидит фермер Леннокс – ее новый домохозяин, – но это почему-то заставило ее рассердиться еще сильнее. С какой стати он решил испортить ей настроение?

– А во-вторых, та ветка, на которой вы так безмятежно отдыхали, насквозь прогнила, вы что, не видите?

Нина посмотрела вверх – на осыпающуюся кору и пятна лишайника и странной зелени на оголившемся стволе под веткой.

– Она засыхает, – все с таким же суровым видом сообщил Леннокс.

– Ой! – выдохнула Нина. – Я не заметила.

– Это понятно, – хмыкнул Леннокс. – Если бы вы свалились вниз и снова упали на рельсы, вам бы следовало выдать специальный значок за беспечность. Да и вообще, какого черта вы делали там, наверху?

Нина пожалала плечами и прижала к себе книгу.

– Ничего, – ответила она. – Просто так залезла.

– Я хотел сказать, деревьев вокруг более чем достаточно.

– Ну... может быть, мне понравилось именно это.

Последовало недолгое молчание, Леннокс явно испытывал неловкость.

– Ладно. – Он крепко потер шею. – Как у вас дела, нормально?

Нина посмотрела на книгу в своих руках.

– Ну... – смущенно произнесла она, – придется работать усерднее. То есть чтобы платить аренду.

– Я совсем не об этом. – У Леннокса вдруг порозовели уши. – Я слышал, как женщины в деревне болтают о вас. По мне, так это глупая идея.

– Значит, вам кажется, что читают только женщины? – ядовито спросила Нина. – А знаете, женщины находят любящих чтение мужчин чрезвычайно привлекательными.

Она сразу пожалела о том, что зашла так далеко, потому что Леннокс вдруг выскочил из «лендровера» и встал рядом с ней, не глядя при этом на нее. Потом он глубоко вздохнул и щелкнул пальцами. И тут же с заднего сиденья «лендровера» выскочил черно-белый пес и прижался к ногам фермера. Леннокс машинально опустил руку и погладил его. Нина поймала себя на мысли о том, как это может быть полезно – иметь рядом некое успокаивающее устройство. К тому же пес выглядел премило.

– В самом деле находят? – проворчал фермер.

– Мне нравится ваш пес, – сказала Нина. – Он, похоже, сообразительный.

Пес не спеша подошел к Нине и обнюхал ее руку.

– И умный, – добавила она. – Ты ведь чудо-парень, правда? Отличный парнишка!

– Это рабочая собака, – коротко бросил Леннокс. – Не милый песик. И нам с ним пора вернуться к делам.

Нина проводила взглядом уехавший «лендровер», из-под колес которого летели комья грязи. Она вздохнула. Ссора с домовладельцем, вообще-то, не входила в список ее приоритетов. Нина снова посмотрела на книгу и на обрывок бумаги, который по-прежнему держала в руке. Что ж, с другой стороны, день совсем не выглядел безнадежным.

Возвращаясь на ферму, Нина погрузилась в мечты: ей виделся красивый иностранный джентльмен с грустными глазами и романтической душой... он мчался сквозь ночь на боевом коне... ну ладно, на огромном поезде... Нина понимала, что ей не следует ничего такого думать, но не могла с собой справиться. Так уж она была устроена. А теперь у нее был еще и электронный адрес, который она вполне могла разобрать.

Глава 13

Это так волновало – не спать до полуночи и встретить ночной поезд...

Джим несколько раз подчеркнул в своем письме: то, что они делают, абсолютно против правил и даже грозит увольнением, поэтому Нина никому не могла рассказать об этом и клятвенно пообещала этого не делать, чувствуя себя так, будто очутилась в шпионском романе.

Она должна была оказаться у переезда ровно в 12:10. Для начала Джим собирался ехать быстро – чего он никогда не делал, – а потом сообщить диспетчеру, что им нужно остановиться, чтобы не нарушить расписание. Но Нина не собиралась слишком их задерживать.

Ощущая себя частью заговора, она оделась во все черное и отправила свое фото Суриндер, слегка сожалея о том, что подруги здесь нет и та не может участвовать в приключении. Суриндер не ответила, и Нину это обидело. К тому же страничка Гриффина в «Фейсбуке» была битком набита снимками и сообщениями о том, как изумительно он проводит время в новом медиацентре, но Нина не была уверена, что это действительно так. Возможно, новые боссы Гриффина просто мониторили его страничку, так что трудно было угадать, что он на самом деле хочет сообщить. Другие ее подруги, конечно, ответили: «Привет, отлично!» – но на том дело и кончилось. Все слишком заняты, сказала себе Нина. У всех продолжается обычная жизнь. А здесь определенно было нечто новое.

Нина решительно подошла к двери и погасила свет. В фермерском доме, который она видела со склона, свет все еще горел. Нине казалось, что в основном фермеры не засиживаются допоздна. Может, Леннокс был исключением. Может, он именно поэтому постоянно такой брюзгливый. Может, он листает свой свадебный альбом, запивая грусть виски. На мгновение Нину охватила жалость. Но она не хотела думать о Ленноксе вот так, и ни о ком другом не хотела. Это слишком тяжело. Нина тихо прокралась мимо фермерского дома, хотя, конечно, когда она завела мотор фургона, шум мог бы услышать и покойник.

Когда Нина остановилась у теперь уже знакомого переезда и выключила фары фургона, ей показалось, что она – единственное человеческое существо на милях и милях вокруг. Потом, сообразив, что она и в самом деле одна на много окрестных миль, Нина натянула на голову шарф и вышла из кабины.

Снаружи было холодно. Среди деревьев ухали совы, хлопанье их крыльев сливалось с шорохом листьев на ветру. И как ни странно, несмотря на то что уже почти наступила полночь, вокруг не было слишком темно. Луна и звезды сияли над пейзажем так, как они никогда не сияли на городском небе с его бесконечными галогеновыми фонарями. Холодный воздух обжег горло Нины, мир показался совершенно незнакомым.

И тут она услышала вдали гул, стук колес по рельсам, постепенно замедлявшийся, потом из-за поворота вырвался ослепительный свет. Он вызвал у Нины мгновенное пугающее ощущение ловушки, она заметила, что нервно, инстинктивно оглядывается на фургон, убеждаясь, что он по-прежнему стоит там, в безопасности, по другую сторону шлагбаума.

В ночи поезд выглядел гигантским, бесконечно длинным и темным, как некий железный дракон. Неудивительно, что люди боятся поездов. Он все замедлял и замедлял ход, но все равно оставался темным и зловещим на фоне серых ночных полей, а потом в кабине вспыхнул свет, и Нина увидела веселое лицо Джима и еще кого-то рядом с ним.

Внизу, у поезда, слышались шаги, и Нина недоуменно подумала, кто же мог сидеть в кабине, потому что в свете фар поезда вдруг появился Марек, сверкавший белыми зубами. Нина вспыхнула, увидев его, – как и каждый раз, когда ей казалось, что она видит героя, созданного ее собственными романтическими фантазиями. Нина тут же почувствовала себя ужасно глупо. Но улыбка Марека была искренней, он действительно был рад ее видеть. А его вьющиеся черные волосы падали на глаза с тяжелыми веками.

– Скорей! – крикнул он. – Скорей разгружаться!

Нина улыбнулась так широко, что у нее едва не лопнули губы.

– Бегу!

– Давай-давай! – воскликнул Марек. – И посмотри туда!

Из кабины поезда выскочил Джим.

– Скорей, скорей! – поторопил он. – Мы не можем задерживаться. Ночной пассажирский вот-вот нас нагонит!

– Ну, для пассажирского еще рано, – проворчал Марек. – Да они и не прочь там будут подремать лишку. Ты смотри, смотри! – повторил он Нине.

Нина мельком видела, что из кабины за спиной Джима выбрался кто-то еще. И к ее изумлению, это оказался не кто иной, как Суриндер.

– Сур! – взвизгнула Нина, бросаясь к подруге и обнимая ее. – Ты здесь! Но почему? Я так по тебе соскучилась!

– Это идея Марека, – усмехнулась Суриндер. – Когда они пришли за

книгами. Кстати, не позволишь ли узнать, как тебе удалось убедить этих двух здоровенных мужиков сделать за тебя всю грязную работу?

– Это новое проявление свободы и гордости шотландцев как народа, – заявила Нина, сама удивляясь собственному восторгу.

Ведь она всего неделю назад видела это дружеское лицо – или, точнее, три дружеских лица. Она вдруг поняла, что, несмотря на новые возбуждающие чувства самостоятельности и свободы, бурливших в ней с момента переезда, ей не хватало близких отношений... Просто людей, которых ты понимаешь, подумала Нина, и которые понимают тебя.

– Бегом! – торопил их Марек. – Пошевеливайтесь!

Все они побежали к первой платформе, и Джим, осторожно оглядевшись по сторонам, развязал веревки.

К счастью, вокруг не было ни души. Под брезентом, как знала Нина, скрывались примерно семьдесят коробок с книгами. Она виновато посмотрела на них.

– Я и не представляла, что коробок так много, – соврала она.

– В самом деле? – не поверила ей Суриндер, хватая сразу две коробки. – А как насчет того, что я много-много раз тебя предупреждала, что ты должна куда-то убрать всю эту чертовщину?

Нине стало не по себе.

– Пожалуй, я была худшей соседкой во всем мире!

Суриндер округлила глаза:

– Вообще-то, я слишком поспешила найти новую. Она постоянно верещит в ванной. А когда я ее спрашиваю, все ли в порядке, она говорит: «Все прекрасно, но зачем здесь столько книг?»

– Звучит неприятно, – нахмурилась Нина. – Наверное, у нее депрессия. У меня найдется парочка отличных книг, которые я могла бы порекомендовать в таком случае.

Суриндер бросила коробки в заднюю дверь фургона.

– Ладно, – кивнула она. – Я за них заплачу, когда отправимся обратно.

– Ни в коем случае! – возразила Нина.

Мужчины уже грузили в фургон коробки покрупнее.

– Как же я рада тебя видеть! – сказала Суриндер.

– А как ты с ними познакомилась?

– Отправилась в Инвернесс и оттуда проехала с ними. Классное приключение! А у меня осталась куча дней неиспользованного отпуска. Наша контора развалилась. Чего и следовало ожидать. Мне все равно нужно передохнуть от этого жуткого местечка.

Суриндер проследила за тем, как Марек без видимых усилий поставил в

фургон целую грудку коробок.

– Выглядит он неплохо, – сказала она.

– Суриндер! – потрясенно воскликнула Нина.

Ее мысли были куда более романтичными.

Суриндер повернулась к Нине.

– Эй, только не говори, что ты сама этого не заметила! – с лукавым видом произнесла она.

Нина вдруг подумала о том стихотворении и поняла, что краснеет.

– Не сходи с ума, – сердито сказала она. – Он просто хороший человек и оказывает услугу нам обеим.

– Черта с два это просто услуга – рисковать своей работой! – Суриндер оглянулась на мужчин. – Тебе не кажется, что он немного похож на того актера, Марка Руффало?

– Прекрати!

– Я просто спросила.

– Спросила, не кажется ли мне, что машинист из Латвии похож на Марка Руффало?

– Ну, немножко.

– Эй, вы, обе, поспешите! – крикнул Джим. – Я не хочу, чтобы меня выгнали за незаконные перевозки по Британской железной дороге!

Девушки выпрямились и захихикали.

– И еще у меня есть чай, – добавил он, показывая свой термос. – Так что надо все разгрузить, пока он не остыл.

Подруги побежали к поезду, чтобы перенести оставшиеся книги.

– А разве на поездах не перевозят всякое? – спросила вдруг Нина, когда ее осенила новая мысль. – Множество разных нехороших вещей, которые отправляют по железной дороге в разные стороны? Вроде нелегального спиртного и прочего?

Джим и Марек улыбнулись.

– Только не на нашем поезде, – ответил Джим. – Там, где я вырос, я насмотрелся на то, что творят наркотики. Поэтому я не желаю иметь дело с подобными товарами. Ни за что. Точка!

Марек нахмурился.

– А знаете, – сказал он, – когда мои родители были молодыми, книги на нашем родном языке были запрещены. И сначала я, увы, читал на русском и лишь потом – на прекрасном музыкальном языке моей родины. Вот так. Поэтому все, что касается распространения книг, я приветствую. Это хорошо. Отличное лекарство.

Они немного посидели на ступенях кабины локомотива, говоря в

лунном свете о книгах и передавая друг другу горячий, очень сладкий чай. Нина легко могла бы просидеть вот так до рассвета, но в кабине зазвенела рация, и одновременно где-то позади громко загудел сигнал – это сигналил нетерпеливый ночной поезд, сообразила Нина. Мужчинам пора было отправляться дальше.

Джим прыгнул в кабину и завел мотор, басовито загудевший и заставивший дрожать землю. Суриндер сказала, что чертовски замерзла, и ушла в фургон, чтобы согреться. Тогда и Марек легко вскочил на платформу, а Нина посмотрела на него снизу вверх и улыбнулась:

– Мне просто не отблагодарить вас.

– Вполне можете, – негромко откликнулся он. – Оставляйте мне время от времени книгу. Когда вспомните о нас.

– Да я буду думать о вас каждый день! – слегка розовея, заявила Нина.

– Что ж, каждый день – тоже неплохо, – ответил Марек, тоже чуть-чуть краснея.

– Мне очень понравилась ваша книга стихов. Очень-очень понравилась.

– Поэзия вообще полезна для людей, живущих в чужих краях, – сказал Марек.

– Да, это так.

Поезд громко загудел, а потом медленно, плавно двинулся в путь под звездным небом.

Нина оглянулась и увидела, что Суриндер, явно измученная долгим днем, свернулась в клубок на переднем сиденье фургона и заснула. Нина же стояла около фургона до тех пор, пока шум поезда не затих окончательно, а следом пронесся длинный, вишневый с синим ночной пассажирский, в нем светились окна бара, где веселились какие-то люди, откидные мягкие сиденья занимали рабочие, ехавшие на свою смену, пытавшиеся хоть немного отдохнуть, мелькнули мимо и таинственные темные окна купе первого класса... Когда поезд плавно замедлил ход перед переездом, никого в нем не заинтересовала одинокая девушка, стоявшая в темноте и смотревшая прямо перед собой.

А потом наконец все затихло, рельсы перестали гудеть, вновь наступила тишина, и темные просторы долин горного края снова остались в распоряжении сов, суетливых белок, спокойных оленей, ветра, шелестевшего ветвями, яркой луны над головой... и мир стал абсолютно безмятежным. Нина, хотя и ощущала холод, была также в бесконечной благодарности к своей судьбе и удаче, она и не помнила, когда еще ей было так хорошо.

Глава 14

Суриндер проспала всю дорогу до фермы и лишь ненадолго проснулась, когда они вошли в амбар, чтобы пропищать:

– Это серьезно?! Ты заполучила вот это? Это все твое? И никого в ванной, кроме тебя? Да как такое возможно?!

А потом снова заснула, упав на кушетку.

Но Нине спать не хотелось, хотя был уже второй час ночи. Она выглянула в маленькое заднее окно и увидела, что в большом доме все еще горит свет. Кто-то еще не спал. Пока она смотрела, загорелся свет еще в одном окне, потом еще в одном, потом крепко стукнула дверь, когда Леннокс вышел из дома. Похоже, он ругался. Нина всполошилась. Снова натянув куртку и надев резиновые сапоги-веллингтоны, она выскользнула из амбара.

– Черт побери!

Нина совсем не собиралась подкрадываться к Ленноксу так тихо, как это у нее получилось, и пугать его до полусмерти – но было уже поздно. Он резко развернулся, как будто Нина уже замахнулась на него лопатой.

– Ой, извините, извините!..

– Что... какого черта вы тут делаете?! Середина ночи, будь я проклят!

– Я просто гадала, что вы делаете.

– А вы, черт побери, как думаете, что я делаю?!

Вопрос показался Нине риторическим, потому что она понятия не имела, что ей думать.

– Ну да... Просто я решила, может, вы услышали кого-то постороннего.

– Услышал, – коротко ответил Леннокс. – И это оказались вы.

– Ох! – выдохнула Нина.

Леннокс тоже вздохнул:

– Вы горожанка, так ведь? И вы считаете, что на ферме работают с девяти утра до пяти вечера? Так ведь нет! Если хотите знать, Рорих думает, что на верхнем поле окот овец идет не так, как надо, и я собираюсь выяснить, не пора ли звать Кайла. Он ветеринар. Ветеринары вроде докторов для заболевших животных.

– Ну да, конечно. Я поняла, – пробормотала Нина.

Леннокс уже подошел к «лендроверу».

– Вы все еще здесь? – спросил он.

Нина не знала, что сказать, но ночное приключение прибавило ей храбрости, к тому же ей не хотелось спать. Она пожала плечами.

– Хотите поехать? – Леннокс остановился. – Нам может пригодиться лишняя пара рук.

– Конечно, – услышала Нина собственный голос, сама его не узнавая.

Забравшись в «лендровер», Нина немного удивилась, увидев внутри собаку. Пес лизнул ей руку.

– А как зовут вашего песика?

– Он пес, а не песик! – буквально ужаснулся Леннокс. – Это обученная фермерская собака, рабочая! И очень дорогая, кстати.

– Так у него есть имя или просто штриховой код?

Ладонь Леннокса опустилась на голову пса, как это часто случалось, – он делал это явно бессознательно.

– Парсли.

Для Нины это прозвучало неожиданно – она предполагала услышать что-то вроде «Боб» или «Рекс» и усмехнулась.

– Привет, Парсли! – сказала она. – Чудесное имя!

Парсли негромко фыркнул и опять лизнул ее руку.

– Имя довольно глупое, – заметил Леннокс.

– Ну а мне оно нравится, – возразила Нина. – Симпатичное имя для симпатичного песика. То есть пса, я хотела сказать.

«Лендровер» покати по ухабистой дороге вверх по холму, и Нину впервые не заботило, скажет ли она что-то не так или не скажет, она ничуть не смущалась. В грубости Леннокса ощущалось нечто раскрепощающее. Нина догадывалась, что он точно так же ведет себя со всеми, и это давало ей право быть более дерзкой, чем в любом другом случае. Она повернулась на сиденье, чтобы посмотреть на него. У Леннокса был крепкий крупный подбородок, голубые глаза, окруженные морщинками, потому что он постоянно щурился, оглядывая поля, большой нос, щетина на щеках и густые волосы, торчавшие из-под фуражки. Он не походил на человека, много времени проводящего в помещении, даже автомобиль, казалось, ограничивал его свободу. Леннокс был создан для того, чтобы шагать на длинных ногах по вересковым пустошам, продуваемым ветром. В нем не замечалось никакой мягкости, он весь состоял из углов.

И вдруг, как будто прямо посреди пустоты – вокруг не было никакого света, – Леннокс остановил внедорожник. Вытащив с заднего сиденья фонарь-«молнию», он включил его на всю мощь.

– Рорих? – тихо позвал он.

– Ага, здесь, босс, – раздался голос за его спиной.

– Где именно?

– В пристройке. Ей нелегко приходится. Двойня, похоже. И они перепутались.

Леннокс выругался и быстро пошел вперед. Нина, спотыкаясь, побрела за ним.

– Ты позвонил Кайлу?

– Ага, только на другом берегу реки корова телится.

– Черт знает что! – выругался Леннокс, опуская фонарь.

Пристройка сбоку от амбара не выглядела уютной, но она защищала от ветра, и это было важно. Овца лежала на боку и выглядела безнадежно, она жалобно блеяла.

– Знаю, знаю, старушка, – заговорил с ней Леннокс.

Нина впервые услышала в его голосе нечто похожее на нежность.

– Потерпи, потерпи...

На полу стояла большая банка с какой-то мазью, похожей на вазелин. Леннокс, закатав рукава, вымыл руки в ведре. Нина внезапно вспомнила книгу Джеймса Хэрриота «О всех созданиях – больших и малых».

– Но вы же не собираетесь... – нервно забормотала она, – не собираетесь совать руку в... в это животное? Это ведь не книга...

Рыжий Рорих коротко взглянул на Нину.

– Не обращай на нее внимания, – сказал Леннокс.

– Она кто такая – практикантка? – спросил Рорих с таким акцентом, что Нина едва его поняла.

Потом он добавил еще что-то на гэльском, и для Нины это уже было непонятно на все сто процентов, но Леннокс расхохотался, а Нина сочла это совершенно неуместным при таких обстоятельствах.

– Давай лучше делом займемся, – качнул головой Леннокс.

Рорих ухватил овцу за ноги, чтобы она не брыкалась, а Нина непроизвольно отвела взгляд, когда Леннокс засунул руку внутрь животного.

– Ох, чтоб вам! – сказал Леннокс, раздраженный и удивленный ее реакцией. – Честно говоря, горожане живут в каком-то другом мире. Вы хотите, чтобы эта овца разродилась, или нет?

– Я понимаю, – забормотала Нина. – Но я никогда ничего подобного не видела...

– Ну да, в ваших книжках такого нет, – поддразнил ее Леннокс. И тут же нахмурился. – Никак не могу его ухватить. Моя чертова рука слишком

большая. Иди сюда. Иди сюда, малыш...

Овца снова горестно заблеяла.

– Понимаю, понимаю. Извини, – проговорил Леннокс, продолжая действовать. – Черт побери...

– Может, ты? – оглянулся он на Рориха.

– Да у меня такие же, – ответил молодой человек, показывая свои крупные грубые ладони. – Как я буду и держать ее, и помогать тебе?

– Ну да. Знаю.

Последовала пауза. Потом Леннокс внимательно посмотрел на Нину:

– Я-то думал, что вы сможете нам помочь, но вы, похоже, слишком брезгливы для таких дел.

Нина судорожно сглотнула. Она прочитала множество историй о животных не потому, что именно их предпочитала, просто в детстве она читала все подряд. О каллиграфии, шифровании, чревовещании... в детской библиотеке не осталось ничего, что она бы не проглотила, она не пропустила ни одной книги.

Но Нина никогда не думала о том, чтобы иметь дело с реальными животными в какой-то глуши. С овцами она встречалась только тогда, когда ела баранину в пасхальное воскресенье или мельком бросала на них взгляд, проезжая на поезде где-то через поля. А большое, дурно пахнущее, испуганное существо прямо перед ней... нет, это было нечто абсолютно другое, и Нина просто не представляла, как с ним управиться.

Нина нервно сделала шаг вперед. Она чувствовала на себе взгляд Леннокса и понимала, что он совершенно не ждет от нее помощи. Это слегка придало ей храбрости. Он ведь считает ее бесполезной горожанкой, но Нина не собиралась подтверждать его подозрения.

– Я могла бы... могла бы попробовать, – осторожно произнесла она.

Брови Леннокса слегка шевельнулись.

– Уверены?

– А я не сделаю еще хуже?

– Возможно. Есть вести от Кайла?

Рорих отвел от уха свой телефон:

– Все еще не разродилась.

Леннокс отчаянно вздохнул и снова посмотрел на Нину.

– Хм... – промычал он.

– Вы хотите, чтобы я попыталась, или нет? – сердясь и волнуясь, спросила Нина.

– Ну, эта овца стоит немножко больше, чем вы, вот в чем дело, – ответил Леннокс.

Овца испустила болезненный вопль, и все они поморщились.

– Ладно, хорошо. Идите сюда, – сказал Леннокс. – Только уж и вправду не сделайте еще хуже.

Нина старательно вымыла руки в ведре с мыльной водой, потом намазала их вазелином и постаралась не обращать внимания на запах. Потом осторожно прикоснулась к овце.

– Это же просто овца! – засмеялся Леннокс. – Она вас не укусит.

– Но в ней другое живое существо, – напомнила ему Нина. – И оно вполне может укусить.

– Оно недолго останется живым, если вы не поспешите, – ответил Леннокс.

Несчастливая овца напряглась и задергалась.

Нина глубоко вздохнула и сунула руку внутрь животного. Нина была левшой, так что Леннокс тут же вскочил и обошел ее, чтобы встать с другой стороны.

– Хорошо, – сказал он. – Что вы чувствуете?

– Что-то дергается, – ответила Нина, впадая в легкую панику.

Она чувствовала, как на ее ладонь и всю руку что-то давит.

– Я не могу...

– Хорошо, хорошо. Просто расслабьте руку. Вам ведь не каждый день доводится залезать в овец.

– Верно, – согласилась Нина.

– Попробуйте зажмуриться, – предложил Леннокс. – Вы тогда ощутите больше.

Нина закрыла глаза – и сразу все изменилось. Под ее пальцами обрисовался ягненок: маленькая мордочка, уши и перепутавшиеся ножки.

– Там все спуталось! – сообщила Нина. – Слишком много ног! Ох нет...

– Хорошо, хорошо, – повторил Леннокс.

– Почему ног так много?

Нина уже созрела для истерики. Под ее пальцами словно шевелился какой-то инопланетный паук.

– Вы просто представьте на секунду, что там не один ягненок.

– А, да... – с облегчением выдохнула Нина. – Двойня. Конечно. Вы же говорили. Тогда в этом есть смысл.

Рорих фыркнул, и Леннокс бросил на него злой взгляд. Рорих отошел за свежей водой, и вид у него был скептический.

– Теперь, – продолжил Леннокс, – нужно, чтобы вы собрали вместе четыре ноги одного ягненка. Вы понимаете?

Нина кивнула. Теперь она чувствовала малышом – они сплелись, как в головоломке, как и говорил Рорих, и Нина стала быстро и осторожно выпутывать ножки из-под каждого из ягнят, пока наконец не одержала победу и не собрала в руке четыре копытца. Это было странным ощущением.

– Одного собрала! – сообщила она.

– Отлично! – кивнул Леннокс. – А теперь слегка потяните. Осторожно. Не резко.

Маленькое существо двинулось вперед, потом замерло.

– Он застрял, – сказала Нина, когда овца снова болезненно заблеяла. – Он застрял! Я не могу продвинуть его дальше!

– Не беспокойтесь, – сказал Леннокс, доставая кусок веревки. – Вот, выньте руку и потом наденете петлю на копыта.

– Вы хотите вытянуть ягненка веревкой? – вытаращила глаза Нина.

– А вы бы предпочли кесарево сечение?! – рыкнул Леннокс, быстро завязывая петлю и передавая веревку Нине.

Рука Нины превратилась в нечто отвратительное. Хотя внутри овцы было тепло, в пристройке царил леденящий холод, а Нине пришлось снять куртку и закатать рукава, что ей совершенно не понравилось. Она слегка дрожала, забирая веревку и снова засовывая руку в овцу, но после нескольких неудачных попыток она как-то умудрилась накинуть петлю на копытца.

– Отлично, – в очередной раз кивнул Леннокс. – Вы готовы? Потому что я собираюсь тянуть, но если вы не готовы, мы подождем.

– Фермерское дело совсем не такое, каким я его представляла, – сообщила Нина, беспокойно поглядывая на конец веревки в руках Леннокса.

– Ну, знаете, существует много такого, о чем вы не прочитаете в книгах, – проворчал Леннокс. – Вы готовы или нет?

– Пожалуйста, скорее, – попросила Нина. – Я замерзла до смерти!

– Хорошо. Раз... два... три!

Нина убрала руку, и Леннокс мягко, не дергая и не напрягаясь, потянул веревку – сначала медленно, потом быстрее, – и внезапно наружу выскочил слепой, мокрый ягненок.

– Ой! – вскрикнула Нина. – Ах, боже мой!

Леннокс, прищурившись, посмотрел на нее.

– А вы чего ожидали, черт побери?! – спросил он. – Чего-нибудь упакованного в пеленки?

И тут овца, радостно напрягшись, испустила из себя второго

крошечного ягненка, и тот упал на солому и поднял голову, глядя вокруг себя рассеянными, ничего еще не видящими глазами, и Нина задохнулась.

– Bay!!!

Нина как следует отмыла руки, пока Леннокс обтирал малышей свежим сеном, заглядывал в их рты и носы, предоставив послед мамаше. А потом, что было и вовсе изумительно, крошечные существа поднялись на дрожащие ножки, словно и не испытали огромных тягот появления на свет, и стояли, покачиваясь, издавая тихие непонятные звуки. Они были совершенно очаровательны, Нина просто не могла отвести от них взгляд. Она присела рядом с ними на корточки.

– Боже мой, боже мой! – твердила Нина. – Вы только посмотрите на них! Это потрясающе! Потрясающе!

Она зачарованно таращилась на малышей, а те каким-то чудом, а скорее повинувшись инстинкту, нашли свою мать, расслабленно лежавшую на боку, и точнехонько отыскивали нужные места на ее животе, чтобы тут же начать сосать молоко. У Нины от восторга подступили к глазам слезы. Овца, испытавшая чудовищную боль и совершенно измученная, сумела все же изогнуться так, чтобы начать вылизывать своих малышей.

– Отлично поработала, матушка! – сказала ей Нина. – Просто отлично! Леннокс улыбнулся.

– Мне плевать, если вам хочется посмеяться надо мной, – заявила Нина. – Это ведь и в самом деле ошеломляет!

– Я не над вами смеюсь, – возразил Леннокс. – И я с вами согласен. Хотя я и видел рождение множества ягнят, это совсем не значит, что я не считаю это прекрасным. Они такие симпатяги! – Он грубовато похлопал ягнят. – Идемте, – предложил он Нине. – Выпьем чая.

Только встав на ноги, Нина осознала, что промерзла до костей. Снаружи она с удивлением увидела на краю неба первые лучи рассвета.

– Неужели это тянулось так долго, – проговорила она.

– Ну, в общем да, – кивнул Леннокс. – Уже четвертый час.

– Да разве после трех становится светло? – не поверила Нина. – Что за глупость! Мы что, за полярным кругом? Это там края полуночного солнца!

В фермерском доме тлели поленья в дровяной печи, комната была уютной, а Леннокс поворошил дрова и принес чайник. Нина еще раз, получше вымыла руки, хотя ей все равно казалось, что от нее теперь вечно будет пахнуть овцой.

Ее заинтересовала ванная комната хозяйского дома, в ней все было

безупречно новым, сплошной полированный мрамор, сияющая душевая кабина и ванна с джакузи... Все выглядело как в самом что ни на есть шикарном отеле, везде висели толстые белые полотенца...

– Красивая ванная у вас, – выходя, сказала Нина.

Леннокс коротко кивнул, и Нине пришлось в голову – а должно было прийти раньше, если бы она не так сильно устала, – что, конечно, этим занималась Кейт... ну само собой, это ее работа.

Гостиная тоже ничем не напоминала фермерское жилье, она была оформлена в минималистском скандинавском стиле, все было деревянным. Нина подумала, что, вообще-то, Ленноксу это не слишком подходит, – его одежда, хотя и чистая, выглядела очень старой и вылинявшей, как будто досталась ему по наследству. И сам он казался слишком крупным, слишком грубо сложенным для такого декора. Да, гостиная была строгой и простой, но ее старательно создавали, чтобы она так выглядела: со множеством художественно обработанных веток и железных оленьих рогов, – и в итоге явно перестарались.

Нина поискала взглядом книжные полки, но не нашла ни одной. Вместо них здесь стояли корзины для журналов – белые, конечно же, – битком набитые экземплярами «Фермерской недели», а в глубине под ними завалились старые выпуски журнала «Интерьер». Нина гадала, оставил ли их Леннокс тут по ошибке или просто не заметил.

Она подошла ближе к огню. Парсли уже уютно растянулся перед ним. Нина слегка подвинула его и села рядом, глядя на языки пламени. Леннокс подал ей чашку чая, в которую добавил – как обнаружила Нина, закашлявшись, – немало виски.

– Что это? – спросила она.

– Горячий пунш, – пояснил Леннокс. – Согреет вас.

Нина сделала еще глоток, позволяя текучему теплу разлиться по своему телу.

– О да, – решила она. – Это отлично.

– Вы, кажется, довольны собой?

Нина посмотрела на Леннокса:

– Да, я довольна собой. Я спасла тех ягнят, а теперь уютно сижу перед огнем, попивая виски рядом с чудной собакой. Полагаю, это отличная ночь! – Она отставила чашку.

– Что ж, справедливо, – широко улыбнулся Леннокс. – Только не засните прямо здесь.

Но он опоздал. Голова Нины упала на грудь, и его постоялица, даже не успев того понять, уснула.

– Да, хорошая ночь, – добавил Леннокс, но Нина его уже не слышала.

Глава 15

Нина проспала в доме Леннокса почти до самого обеда.

Проснувшись она на модной кремовой плетеной кушетке, под кремовым кашемировым одеялом, а в окна уже вовсю светило солнце, и поначалу Нина не поняла, где находится. Но постепенно ей припомнилась прошедшая ночь, и хотя она еще не до конца пробудилась, но все же сообразила, что нужно встать до того, как Суриндер станет носиться вокруг, выкрикивая ее имя.

Ни Леннокса, ни Парсли видно не было. Нина подумала, не спят ли они еще. Она улыбнулась, представив, как неловкий Леннокс накрывает ее одеялом. Потом и слегка смутилась из-за этого: надо же, всего глоток виски, и тут же свалилась! Должно быть, Леннокс решил, что Нина не создана для деревенской жизни.

Солнце, безмерно заливавшее комнату, заставило Нину подумать, что она находится в каком-то жарком месте, вроде Испании. Но едва она открыла дверь, как на нее нахлынул холод. Облака неслись по небу с таким видом, словно спешили туда, где им надо было поскорее оказаться.

– С добрым утром, Шотландия! – улыбнувшись, произнесла она.

Сапожки Нина ночью оставила у задней двери, она надела их и прошла через двор, здороваясь с курами, бродившими тут и там, и гадая, как там поживают ее ягнятки. И еще она думала, не позволят ли ей дать им имена, но потом вспомнила, для чего они предназначены – для чего вообще существует ферма, – и решила, что не стоит быть такой наивной и сентиментальной.

У двери амбара стояла маленькая корзина. Нина наклонилась. Корзина оказалась полна яиц, еще теплых. Некоторые выглядели не слишком чистыми, в магазине таких не увидишь. Нина бессознательно улыбнулась, поднимая корзинку. Конечно же ее оставил Леннокс.

Суриндер еще дремала на кушетке, наслаждаясь покоем и тихим днем. Нина занялась кофе.

– Ты ходила куда-то? – сонно спросила Суриндер. – Не похоже на тебя. Ты в выходные обычно сначала пару часиков читаешь, а уж потом отправляешься за пакетом бекона в лавку на углу.

– Ну, во-первых, уже двенадцатый час, – ответила Нина. – А во-вторых, я прошлой ночью вообще сюда не возвращалась.

Суриндер мгновенно села.

– Рассказывай! – потребовала она. – Ты что, погналась за поездом и настигла его в Эдинбурге?

Нина покачала головой, выключила кофеварку и стала нарезать хлеб. Она чудовищно проголодалась.

– Яичницу-болтуню будешь? – со счастливым видом спросила она, с удивлением понимая, что уже не ощущает усталости. – Из свеженьких фермерских яиц.

Суриндер прищурилась и посмотрела на пухленьких представителей семейства куриных, вышагивавших взад-вперед под пейзажным окном.

– Ты хочешь, чтобы я съела то, что только что вывалилось из задниц вот этих куриц? – спросила она.

– Но ты ведь ешь яйца. Ты их ешь постоянно.

– Но эти еще теплые. Из куриных попок!

– Они не из попок выскакивают. Они...

– Фу! – мрачно выдохнула Суриндер. – Черт, это еще хуже!

– Послушай, ты уж слишком чудишь! – расхохоталась Нина. – А откуда еще они могут взяться, как ты думаешь? Из булочной?

– Нет, из булочной вряд ли, – согласилась Суриндер.

– А если я их разобью и выброшу скорлупки? Никакого «фу» тогда на них не останется.

– Ладно, так и сделай. – Суриндер снова закрыла глаза. – И не заставляй меня смотреть на то, как ты их готовишь.

Нина бросила на сковородку пару ломтиков местного бекона – пахнул он изумительно, – положила кусочки хлеба в дорогой дизайнерский тостер и вскоре поставила на деревянный стол две тарелки с завтраком. Суриндер, забыв свой ужас перед свежими яйцами, тут же с жадностью набросилась на еду.

– Ах, боже мой! – внезапно сказала она, останавливаясь. – Что я вообще ела все эти годы?

Нина добавила в ее кофе немного жирного местного молока.

– О чем ты?

– Эти яйца! Этот бекон! Они же ошеломляют! Такого не купишь в каком-нибудь киоске.

– Верно, – согласилась Нина.

Она с сожалением посмотрела на свою тарелку. От жуткого голода она проглотила завтрак, не распробовав его вкуса.

– Да, это хорошо.

– Это лучше, чем хорошо! Это не сравнить с тем прессованным сеном,

какое тебе подают в органических кафе. Здесь что, все такое?

– Конечно, – кивнула Нина. – Они здесь именно такое и производят.

Суриндер моргнула.

– А знаешь, – неуверенно произнесла она, – все ведь подумали, что ты просто свихнулась, когда перебралась сюда.

– И ты только теперь мне об этом говоришь? – удивилась Нина. – В самом деле? Все до единого? А мне казалось, все скажут, что я просто чудо, раз уж решилась полностью изменить свою жизнь.

Суриндер округлила глаза.

– Ну ладно... они ведь всегда что-нибудь такое говорят. Вспомни, что говорили, когда Келли вышла замуж за того француза, с которым познакомилась на рынке.

– О да! Мы все притворялись перед ней, что считаем его классным.

– Вот именно.

Какое-то время они жевали молча.

– А он ведь даже не был настоящим французом, – сказала наконец Суриндер.

– Ой, а я об этом и забыла! – усмехнулась Нина.

Суриндер сцапала еще один тост и махнула рукой в сторону большого окна.

– Но теперь... посмотри на все это! Мне кажется, ты настоящий гений!

– Сегодня солнечно, – отозвалась Нина. – Но солнце тут выглядывает не так уж часто. Ну разве что раз в десять минут. А потом идет дождь, а потом снег, а потом град, а потом снова солнце.

– Ошеломительно! – заявила Суриндер. – Ну теперь рассказывай, чем ты занималась ночью, или я тебя приблю.

– Я принимала роды у овцы. Два ягненка! То есть я ей помогала. Нет, я правда это сделала. С подсказками.

И она подробно обо всем рассказала.

– О, ну и... Я так и знала. Ты четыре года не могла запомнить кварталы вокруг дома, потом ты переезжаешь сюда и через пять секунд уже становишься центром событий! Я так и знала! Ладно, вернемся к фермерскому дому. Кстати, ты не находишь этого фермера сексуальным? Мне казалось, что у них у всех красные лица, резиновые сапоги, посохи и глупый радостный вид.

– Ты просто думаешь о картинках из детских книжек, – ответила Нина. – Там именно так изображают фермеров.

– Ну да. Ладно, удиви меня. Там что-то страшное? Волосы дыбом встают? Как в книжках? Ведь все не так?

– Да, ты права, ничего подобного. Он грубоват. Разводится с женой. Высокий, жилистый и целеустремленный. Немножко грустный.

– Ну да... – пробормотала Суриндер. И ненадолго задумалась. – Он похож на фермера из фильма «Четвероногий малыш»?

– Нет, – качнула головой Нина. – И перестань воображать себе фермеров, которых ты видела по телевизору. Он настоящий живой мужчина. Не старый. Которому просто довелось стать фермером.

– Вот уж и нет, – возразила Суриндер. – Все настоящие мужчины, каких я знаю, одержимы автомобилями и только о них и говорят все выходные, что ужасно скучно. А еще отпускают нелепые бороды и болтают о сайте знакомств «Тиндер» и фитнес-браслетах. Такие вот в наше время настоящие живые мужчины. – Она сделала паузу и понизила голос. – И все они – просто хлам!

– Но тебе они вроде как нравятся.

Суриндер пропустила слова Нины мимо ушей.

– И еще ты заснула у него на кушетке, а он даже попытки не сделал как-то... ну... Это уж и вовсе не похоже на тех парней, которых я знаю. – Она вздохнула. – Ладно. Чем мы займемся сегодня? Только выбрось из головы распаковку книг. Я помогала Мареку их все упаковывать.

– Прекрасно, – откликнулась Нина. – Только я не слишком продвинусь вперед в работе, если буду сидеть и слушать, как ты громко сопишь и вертишься на кушетке.

– Я не верчусь, – возразила Суриндер. – Это самая удобная кушетка, на какой только я сидела в своей жизни. Не думаю, что такие рекламируют по телевизору, обещая при этом невероятно низкую цену.

– Я тоже так не думаю, – кивнула Нина. – Вряд ли такие кушетки вообще рекламируют. Думаю, ты уломаешь ее перебраться к тебе домой в обмен на кучу денег и кровавое жертвоприношение.

– Но если такая кушетка решит, что ты ее недостойна, она и с места не сдвинется, – продолжила Суриндер. – Просто останется в своем дворце. Вот так!

– Ты вроде только что пролила на нее кофе?

– Твоя мебель заставляет меня не на шутку нервничать.

– Меня тоже, – согласилась Нина, оглядываясь по сторонам. – Может, выйдем наружу?

– Нет, я останусь здесь и буду на ней валяться! Я только ради этого и взяла отпуск!

Нина промолчала, просто со страдальческим видом надела сапожки, проглотила свой кофе и вышла на прохладный солнечный свет, чтобы

заняться делом в фургоне.

Она сумела сама, без особых трудностей, установить полки, которые заказала в Инвернесе, – в стенках фургона как раз на этот случай имелись удобные желобки. А потом включила погромче радио и продолжила работу. Она отмывала стенки и пол, пока на них не осталось ни пятнышка, а потом приступила к самой приятной части – начала стирать пыль с книг и определять место для каждой.

Романы справа, решила Нина, потому что большинство людей смотрит именно вправо, входя куда-то, документальная литература – слева, а детские книги – в дальнем конце, чтобы дети забирались в фургон и рассматривали их. Нина купила несколько дешевых ярких кресел-мешков, чтобы дети могли на них прыгать во время чтения вслух. Ее торговый сертификат был с гордостью выставлен в окне фургона. Его получение в Бирмингеме потребовало немалых усилий и нервов, но Нина в итоге была вознаграждена.

Нина напевала под звуки радио, устраивая все как следует, и хотя это заняло весь день, он не показался ей длинным. Наконец она открыла самую последнюю коробку и задохнулась от удивления. Здесь не было книг, зато лежали всякие вещицы, которые Нина собирала годами вместе с книгами. Она и сама иной раз не понимала, зачем ей вся эта ерунда – или отбросы, как говорила Суриндер. Но теперь, окидывая взглядом чистые голые стенки фургона, Нина в точности знала, зачем она копила все это так долго, даже не догадываясь, для чего.

Она развесила тут и там гирлянды фонариков в виде цветов, добавила забавные книгодержатели для малышей, изображавших разных персонажей детской литературы, включая страшного лесного зверя Груффало. Набор огромных бронзовых букв с лампочками внутри составлял слово «КНИГИ», и их можно будет выставлять наружу, когда она остановится где-то во время своих блужданий. Тетради с прекрасными расписными обложками могли послужить в качестве бухгалтерских книг. Картинки в рамках из серии «Матушка Гусыня» изображали старомодных очертаний алфавит для детей. Еще нашлись флажки с отпечатанными на них страницами винтажных книг.

– Да, этот фургон будет зверски дребезжать и грохотать, – заметила Суриндер.

Она прошла через двор, на ходу расплескивая чай и явно опасаясь кур.

– Не будет, – возразила Нина. – Я не намерена ездить быстрее двадцати миль в час. И мне плевать, кто там будет тащиться за мной. Придется им подождать. – Она извлекла на свет баночку синей краски. – Ну вот, и для

тебя есть дело.

– Не-е-ет! – заныла Суриндер. – Я все еще хочу спать! Я все испорчу.

– Испортишь – напишем поверх. Давай, ты отлично это умеешь.

Суриндер выпятила нижнюю губу, но Нина ведь знала, насколько прекрасен почерк подруги. Ее часто просили заполнить приглашения на свадьбы. Суриндер вечно ворчала, но всегда доводила дело до конца.

– В самом деле?

– Следующим утром я снова приготовлю для тебя завтрак, – пообещала Нина. – А еще ты попробуешь сосиски, которые здесь делают.

– Ты серьезно? – простонала Суриндер.

– Да, они лучше всего того, что тебе приходилось есть. И еще, думаю, у меня есть местные бисквиты.

– На что они похожи?

– Это сюрприз, – ответила Нина, она и сама еще не пробовала круглые красные, с серебряными полосками бисквиты к чаю от Таннока. – Ты будешь потрясена. Пойду найду их.

Суриндер нахмурилась:

– Знаешь, когда я надписывала в последний раз приглашения на свадьбу, мне принесли шампанское и всякую всячину.

– Бисквиты и сосиски! – заявила Нина. – Я и так уже тебя балую. – Она направилась к амбару.

– погоди! – крикнула ей вслед Суриндер. – А как он называется, черт побери?

Нина обернулась.

– Ох! – воскликнула она. – Я и не подумала... Может, просто «Книжный автобус»?

– Нет, – возразила Суриндер. – Это звучит как «Библиотека».

– Хм... «Книжный магазин»?

– Фургон развозчика. Для книг нужно что-то другое.

– «Купите здесь свою книгу»?

– Так ты назовешь свой фургон?

– «Книжный автобус Нины»?

– Ты же не в образовательной телевизионной программе для детей! Хотя одеваешься как в этих программах.

Нина вздохнула.

– Ну? – спросила Суриндер. – Давай, ты же думала об этом уже лет сто! Стоит только посмотреть на всю ту ерунду, которую ты собрала! Ни за что не поверю, что такая одержимая книгами и словами особа, как ты, не думала о названии.

– Ну... – смущенно начала Нина, уставившись на собственные ноги.

Она никогда никому этого не говорила, вообще не произносила вслух. Даже себе не признавалась...

– Я так и знала! – воскликнула Суриндер. – Я так и знала! Говори же! Выдай свою тайну!

– Ты сочтешь это глупостью... – пожала плечами Нина.

– Ты перебралась через всю страну с горой книг и фургоном, – сказала Суриндер. – Я давно уже поняла, что ты абсолютно глупа.

– Да... Пожалуй. – Нина слегка пошаркала ногой по земле. – В общем... Я всегда думала, что если у меня появится маленький магазинчик – я хотела очень маленький, – то я могла бы назвать его... «Книжный магазинчик счастья»!

Суриндер несколько мгновений таращилась на нее. Нина почувствовала, что отчаянно краснеет. Молчание затянулось.

Наконец Суриндер шагнула вперед и заглянула в фургон. Нина умудрилась даже провести свет в угол, на полу лежал коврик, закрепленный на липучках, там еще стоял столик и удобный стул рядом с ним, – получилось маленькое местечко для чтения. Суриндер улыбнулась и повернулась к Нине.

– Да, – сказала она. – Мне нравится. Мне действительно нравится. Это я могу сделать.

– Правда?

– Посмотри на этот стол и стул. Весьма умно. Название остроумное. Думаю, подойдет. Думаю, все пойдет прекрасно.

Она взяла краску и кисть, а Нина расплылась в широчайшей улыбке.

– Только имей в виду, это выглядит так, словно тут можно вообще просидеть весь день. А если кто-то и засидится?

– Значит, им это просто необходимо, – ответила Нина. – Но мы с фургоном не будем стоять где бы то ни было целыми днями. Мы будем как волшебное дерево Энид Блайтон, появляться и исчезать незаметно.

– Только не влипни куда-нибудь снова, – закатывая рукава, улыбнулась Суриндер.

– Хм... – Нина немножко беспокоилась, не перестаралась ли она с гирляндами. – Пока что меня больше тревожат предохранители.

Она принесла две банки пива, потом отошла назад и стала наблюдать за тем, как Суриндер сначала мелом нанесла на бок фургона очертания букв – точными, уверенными движениями, а потом изящно написала:

Книжный магазинчик счастья

Нине казалось, что она никогда не была так счастлива.

Наконец Суриндер заявила, что она довольна. Они обе отошли от фургона, и Нина смущенно чокнулась пивом с Суриндер.

– Нам еще нужна лента, – решила Суриндер. – Чтобы подчеркнуть.

Нина во все глаза смотрела на свой магазинчик. Он был прекрасен, гораздо больше внутри, чем могло показаться, с аккуратными рядами книг, креслами-мешками и даже с маленькой библиотечной стремянкой, которую Нина прихватила после того, как новый глава департамента поинтересовался, какая в ней будет польза в новом медиацентре.

Подруги широко открыли дверь фургона, сосчитали до трех и включили освещение.

Гирлянды и большие бронзовые буквы вспыхнули, как на Рождество, флажки затрепетали на ветерке.

– Ура! – воскликнула Суриндер и невольно захлопала в ладоши.

Нина изумленно смотрела на фургон. Ее мечта воплотилась в жизнь и стояла прямо перед ней, а дальше простирались поля и луга, над маргаритками порхали бабочки, где-то вдали ухала сова...

Нина просто не могла поверить во все это и улыбалась во весь рот.

– Пора продать несколько книг! – сказала она наконец. – Откуда начнем?

Как раз в этот момент в ворота, громко сигналя, завернул «лендровер». Нина посмотрела на наручные часы. Было около шести вечера, но все еще светло. Она повернулась. Обычно люди не сигналият всюду на фермах, это может до смерти перепугать кур. Прикрыв глаза ладонью от солнца, Нина увидела группу молодых людей, румяных и веселых.

– Леннокс! – закричал один из них.

Они явно удивились, когда остановили машину и увидели Нину и Суриндер. А Нина была просто потрясена, обнаружив, что все они одеты в килты.

– Ух! – выдохнула Суриндер. – Ну и вид у вас!

– На себя посмотри, – тут же ответил один из мужчин с местным музыкальным акцентом. – Мы-то прекрасно выглядим. А вот ты вся в краске.

– А там что такое? – спросил другой. – Выглядит круто.

– Это наш книжный автобус, – мгновенно сообщила Суриндер.

Молодой человек выскочил из машины:

– И что в нем?

Остальные засмеялись и замаякали по-кошачьи.

– А у вас есть для него игрушечный парнишка Нодди?

– Заткнитесь! Я, по крайней мере, умею читать! А вы только и можете, что рассматривать фото голых баб в Интернете, весельчаки!

– Успокойтесь, – предложила Нина. – Э-э-э... хотите заглянуть туда?

За их спинами снова раздалось мяуканье, но один из парней с радостью забрался в фургон и стал рассматривать полки, тогда и остальных одолело любопытство, и они тоже решили посмотреть, что там такое.

– Здорово! – шаркая ногой, заявил один из грубиянов.

Нина постеснялась спросить мужчин, не отправляются ли они на какое-то особенное мероприятие, или на них всегда килты. Но похоже, случай и в самом деле был из ряда вон выходящий. Килты выглядели удивительно красиво. Нина знала, что клетки на пледах и юбках означают принадлежность к определенным кланам, ей больше понравились старые, в поблекшую красно-зеленую клетку, хотя и роскошное сочетание пурпурного с черным тоже радовало глаз, тем более в комплекте с кремовыми чулками на крепких ногах. Мужчины были дюжими, здоровыми, и когда они говорили, становилось ясно, что все они фермеры.

– Да постучите же к Ленноксу, черт побери! Чем он там занят?

– Он всю ночь принимал роды у овцы, – сообщила Нина в защиту Леннокса.

Мужчины расхохотались.

– Ой-ой, а мы, можно подумать, всю ночь дрыхли, в такое-то время года! – сказал один из них.

– И куда ж это вы собрались? – спросила Суриндер.

– На танцы молодых фермеров, – ответил парень с ярко-рыжими волосами и зелеными глазами. – А вы разве туда не собираетесь? Я думал, вы для того и приехали. Там всегда не хватает девиц.

– Танцы... кого? – не поняла Суриндер. – Как в песне тридцать второго года?

Нина немного отвлеклась. А из дома в этот момент, слегка смущаясь своего щегольского вида, вышел Леннокс, и молодые мужчины разразились одобрительными криками.

На Ленноксе была светло-зеленая куртка поверх простой кремовой рубашки. Килт на нем был светло-зеленым, с тонкой красной клеткой, в цвет им кисточки на чулках и пряжки на крепких башмаках. Волосы он пригладил, правда, не слишком успешно, потому что часть завитков уже успела тут и там выбиться.

– Поспеш, парень!

Нину немножко задело то, что Леннокс даже не упомянул при ней о

танцах. Впрочем, он был прав, тут же подумала она. Ей там делать нечего. Он был хозяином жилья, а она – арендатором. И последнее, что он мог бы сделать, – это пригласить ее на танцы. Здесь, в конце концов, шла своя общественная жизнь. А Нина была новичком, посторонней. Ей следовало идти своей дорогой.

– А ты что, не пригласил девушек? – спросил кто-то.

– Да я и не знал, что тут две девицы, – ответил Леннокс, подходя к Суриндер и пожимая ей руку. – Рад познакомиться.

– О-ох! – пробормотала Суриндер, бросая взгляд на Нину. Она не скрывала изумления. – Я в жизни не видела никого в килте! Я тоже рада с вами познакомиться. Гм... сэр.

Нина подавилась смехом, и Суриндер злобно покосилась на нее.

Леннокс вскинул брови. Потом заметил фургон, рядом с которым смущенно топталась Нина.

– Вау! – воскликнул он, рассматривая фургон. – Вот это да!

Молодой человек, который находился внутри, с победоносным видом вышел, размахивая тремя книгами о Второй мировой войне.

– Гляньте-ка на это! Я их куплю!

– Вот-вот, вечно он читает, вместо того чтобы танцевать с девушками, – проворчал один из мужчин.

– Не могу сказать, что мне это не нравится, девушки-то нам достанутся, – насмешливо произнес кто-то. На него тут же зашикали. – Да я просто хотел сказать, что они все такие милые! – густо краснея, поспешил исправить ошибку парень.

Нина с радостным видом получила деньги за книги – прекрасные новенькие томики в твердых переплетах, блестящие, свежие.

Она подумала, что парню эти книги доставят удовольствие.

– Ну, хватит! – заявил рыжеволосый, которого звали Хэмишем. – Пора нам двигаться дальше. Сами знаете, какая там будет толпа. Так вы с нами?

Он посмотрел на Нину и Суриндер.

Нина инстинктивно глянула на Леннокса.

– Вы... вы можете поехать, если хотите, – ответил он с таким видом, словно ему совершенно все равно. – На таких вечерах всегда маловато девушек.

– Вам бы поехать в Бирмингем, – сказала Суриндер. – Там девушек пруд пруди. Много, даже слишком.

Последовало неловкое молчание. Все нервно топтались во дворе фермы.

– Ну да, конечно, мы поедем, – решила наконец Суриндер.

– Правда? – забеспокоилась Нина.

Мысль о большом шумном сборище, где она никого не знала, вызвала в ней крайнюю неуверенность. Она бы с куда большим удовольствием провела вечер с Суриндер, попивая пиво, а потом почитала бы какой-нибудь роман эпохи Регентства...

– Да идем же, тупица! – сказала Суриндер. – Я не для того притащилась в такую даль, чтобы весь вечер сидеть и смотреть, как ты читаешь.

Хэмиш посмотрел на часы:

– Вы можете собраться побыстрее?

– Два часа и еще немножко, – ответила Суриндер. – Да шучу я!

– Ух ты! – воскликнула Суриндер. – И что бы ты без меня делала?

Они, стоя рядом перед зеркалом в ванной, красили губы.

– Не знаю, – ответила Нина. – Хранила бы достоинство?

Суриндер пропустила ее слова мимо ушей:

– Интересно, насколько они на самом деле изголодались по женщинам?

– Суриндер!

– Да ладно! Это просто мужчины. Симпатичные деревенские парни. То есть простак. Что-то я не видела ни одной женщины с тех пор, как сюда приехала. Во всяком случае, таких привлекательных, как мы с тобой.

– Суриндер, прошу тебя... Я же только что сюда переехала!

– Да, но я-то в отпуске! Интересно, там будет ликер «колада»? Ром, ананас, кокос?

– Очень в этом сомневаюсь.

О чем Нина совершенно не думала, собираясь в дорогу, так это платье для вечеринок. Оно стояло в самом конце очень длинного списка вещей, которые, как полагала Нина, могли ей понадобиться.

Вместо вечернего она нашла милое простое платье в цветочек. Оно совершенно не выглядело парадным, да и никаких украшений к нему у Нины не было.

Нина зачесала волосы назад, немного в стиле Второй мировой, добавила ко всему яркую красную губную помаду из запасов Суриндер и решила, что сделала все, что могла.

Суриндер же всегда была готова к любому повороту событий, так что на ней красовалось нечто блестящее, как будто она собиралась на большой прием.

Молодые люди рассыпались в комплиментах, когда девушки двадцать минут спустя появились перед ними и сели в «лендровер».

Леннокс почти все время молчал, и Нина заподозрила, что он уже слегка сожалеет о том, что пригласил их. Ну что теперь поделать... Солнце все еще высоко стояло в небе, обливая золотом поля, ветер был скорее свежим, чем холодным, и все в мире выглядело благополучно. Нина в последний раз оглянулась на «Книжный магазинчик» и невольно улыбнулась.

– Вы им гордитесь? – заметив ее взгляд, спросил Леннокс.

– А чему тут удивляться?

– Нет-нет, я не удивляюсь. – И он снова замолчал.

Они петляли по сельским дорогам, время от времени поднимаясь на изумительные холмы, с них было видно все до самого моря, пятна света и теней тянулись на многие мили. Огромная армия ветряков, как стражи, маршировала через холмы.

– Поверить не могу, что ты мне не напомнила о том, чтобы взять куртку! – сказала Суриндер. – Здесь же все насквозь продувается!

– Верно, – почти самодовольно согласилась Нина. – Это стократ хуже, чем череда одинаковых домов и магазинов распродаж!

Шум вечеринки они слышали задолго до того, как увидели ее. В конце крутой и узкой дороги рядами выстроились тракторы вперемешку с забрызганными грязью «лендровеерами» – перед гигантским амбаром, украшенным цветами. Вокруг него сидели на тюках сена люди – молодые мужчины, в килтах, само собой, – они пили пиво и курили.

– Такое случается раз в квартал, – сверкая зелеными глазами, сообщил Хэмиш. – Прежде предполагалось, что здесь можно найти себе жену.

– Серьезно? – Суриндер наклонилась вперед.

– Ну, конечно, теперь это не совсем так, это же не рынок скота.

– Значит, в наши дни никто не ищет себе пару?

Мужчины смущенно заерзали на местах.

– Э, ну ладно... Большинство парней, пожалуй, ищут...

– Похоже, мне начинает нравиться тридцать второй год, – бодро заявила Суриндер.

От множества тел в амбаре было невероятно жарко и вовсе не пахло коровами, наоборот, воздух благоухал дезодорантами, освежителями после бритья и крепкими духами, а заодно здесь пахло пивом и трубочным табаком.

А еще здесь было невообразимо шумно. В углу устроился небольшой оркестр – скрипка, ирландский барабан боуран, дудка и аккордеон, – музыка которого разносилась на всю округу. С одной стороны устроили

примитивный бар, положив на козлы доски, и там посетителей обслуживали подростки, со скоростью молнии наливая в кружки местный эль «80 шиллингов» и буквально швыряя по прилавку огромные порции джина с тоником и стаканы с вином. А деньги просто бросали в здоровенный горшок. К бару выстроилась длинная очередь. С другой стороны комнаты люди... – сначала Нина просто не поняла, чем они занимаются. Это казалось бессмысленным, пока она не сосредоточилась как следует. Мужчины бешено крутили вокруг себя женщин, и Нине понадобилось некоторое время, чтобы понять: они танцуют. Выглядело это просто зверски.

– Вау... – пробормотала она.

Понять такое оказалось сложно.

Мужчин в амбаре было явно больше, чем женщин, но когда Нина присмотрелась к этим женщинам, то сразу поняла, что сама она одета слишком уж просто. У женщин были высокие прически и настоящие длинные вечерние туалеты, некоторые даже из тканей типа парчи, лифы густо украшали черные кружева, а уж на косметику местные дамы и вовсе не поскупились. И все были на высоких каблуках.

Нина по сравнению с ними была одета вообще не для вечеринки. Но на самом деле она, зная, что не собирается производить на кого-то впечатление – что иногда заставляло ее сильно тревожиться в каких-то случаях, – чувствовала себя легко и свободно в этом жарком душистом помещении, и ей было все равно, когда Суриндер, окинув ее взглядом, заявила:

– Слушай, да ты выглядишь как настоящая деревенская девчонка!

Нина сообразила, что это своего рода комплимент.

Они взяли выпивку и болтали с парнями, хотя те то и дело поворачивали головы вслед разнаряженным, залитым духами девушкам, гордо проходившим мимо. Нина была абсолютно счастлива, слушая их разговоры о сортах удобрений, деталях для тракторов, мясе, которое готовится на продажу, и прочих делах, совершенно ей непонятных.

После пары порций спиртного молодые люди были готовы танцевать. Нина и Суриндер отклонили несколько приглашений, поскольку явились сюда не для поисков сексуального партнера. То есть Нина не для того пришла, Суриндер же пока сомневалась, и еще потому, что они представления не имели, как здесь танцуют.

Издали местные танцы выглядели пугающе. Парни крутили девушек вокруг себя, и часто кто-нибудь налетал на разборный стол или шлепался на пол. Но все это воспринималось только с веселым смехом, так что

уровень шума продолжал нарастать, а площадь пола, занятая бешеными танцорами, все расширялась и расширялась. Тут и там уже валялись сброшенные туфли на высоких каблуках.

Леннокс, как заметила Нина, просто стоял на краю танцевальной площадки. Она попыталась улыбнуться ему и уже собиралась спросить, как дела у тех ягнят. Но тут Леннокс окликнул какого-то знакомого, мужчину в простых клетчатых штанах, и они тут же погрузились в беседу.

Молодые люди рядом с Ниной заговорили о кормовых смесях, начиная понемногу набираться дерзости благодаря весьма крепкому джину с тоником, и Нина тихонько отошла к Ленноксу.

– Привет! – сказала она. – Я хотела спросить, как поживают ягнята.

Оба мужчины весьма невежливо уставились на нее.

– А... отлично, – ответил Леннокс, как бы отмахиваясь от Нины, и снова повернулся к своему другу.

Нина была уязвлена. Она целую ночь помогала этому человеку, а он сначала не хотел брать их с Суриндер на танцы, а теперь просто не обращал на нее внимания.

– Вы не танцуете? – довольно дерзко спросила она.

Леннокс нахмурился.

– Нет, спасибо, – коротко ответил он.

Второй мужчина при этом уставился куда-то вдаль.

– Я не приглашаю, – сказала Нина, раздраженная и смущенная. – Я просто спросила, вот и все.

– Нет, – так же коротко произнес Леннокс. – Это не для меня.

Молчание стало уже неловким, и Нина соображала, как ей поизящнее отступить, – но тут, к счастью, подошел какой-то молодой человек и слегка нервно пригласил ее на танец. Нина намеревалась вежливо отклонить приглашение, но вдруг, к немалому своему удивлению, увидела Суриндер, двинувшуюся к танцполу с каким-то парнем.

– Что ты вытворяешь?! – прошипела ей в спину Нина.

– Да брось ты! Идем! – крикнула Суриндер. – Почему нет? Мы ведь здесь ненадолго. Можем мы чуточку развлечься?

Нина покачала головой.

– Ты сумасшедшая, – пробормотала она.

И только после этого заметила, что юноша, пригласивший ее, – его звали Арчи – выглядит пришибленным и, похоже, чувствует себя идиотом. Нина поняла, что все его приятели выстроились в ряд и наблюдают за ними с другого конца комнаты, так что она, покосившись влево, где все так же увлеченно разговаривал с другом Леннокс, протянула юноше руку.

– Конечно, с удовольствием! – громко произнесла она.

Арчи покраснел так, что его лицо цветом слилось с волосами. Когда он вел ее к танцевальной площадке – казавшейся Нине немножко похожей на арену гладиаторов, – она прошептала:

– Только вам придется подсказывать мне. Я совершенно не представляю, что нужно делать.

На это Арчи, уже слегка оправившийся от страха, раздул грудь.

– Да вы не беспокойтесь, – ответил он. – Вы же теперь со мной! Просто слушайтесь, и все.

Поначалу Нина была не в состоянии следовать за кем бы то ни было. Все это слегка напоминало вальс на какой-нибудь ярмарке, где нужно было визжать, если вы хотели двигаться быстрее. И визг, и крики вокруг оглушали, можно было подумать, что это настоящая рукопашная: игра в регби на танцполе.

Потом, когда Арчи стал терпеливо показывать ей повторяющиеся движения, Нина постепенно поняла последовательность приседаний, поворотов и хлопков в ладоши, но еще до того, как она их толком освоила, Арчи уже крутил ее вокруг себя. Нину захватил ритм музыки, она засмеялась от возбуждения, но стоило ей во всем разобраться, как оркестр умолк, и она разочарованно остановилась.

Следующий танец Нина усвоила сразу, потому что все танцоры встали в круг и начали отплясывать то в одну сторону, то в другую, на счет «восемь». Арчи широко улыбался, вырывая Нину из круга, а когда она вернулась на место, то увидела, что он теперь кружит другую девушку, а ей так же широко улыбается молодой парень с густой бородой, готовясь закружить ее.

Осмелев от разогретой атмосферы, алкоголя, оттого, что она была невообразимо далеко от дома, оттого, что она словно превратилась в кого-то другого, Нина теперь охотно отдавалась танцу. Она всегда была грациозной, но ей не хватало уверенности для того, чтобы танцевать у кого-то на глазах. Но здесь никто не обращал на нее внимания, никому ни до чего не было дела. И суть была не в том, чтобы хорошо выглядеть, или быть сексуальной, или какой-то особо выдающейся, суть была в том, чтобы просто кружиться в танце так, словно тебе плевать на весь мир, на все тревоги и даже на всякие мысли. Этот танец был как катарсис, и Нина очень быстро поняла, что ей все это чрезвычайно нравится.

Обстановка в амбаре вызывала у нее головокружение, Нина слышала, как громко хохочет Суриндер, налетая на столы невдалеке от нее, – но у

Нины возникло ощущение, что она движется в танце как часть чего-то большого, не разделенного на индивидуальности, а музыка в ее ушах звучала все громче и жарче.

Когда этот танец закончился, Нина присоединилась к огромному кругу аплодирующих, потом присела в реверансе и жадно отпила местного сидра из новой бутылки, принесенной Арчи.

– А теперь, – сообщил один из оркестрантов, – пришло время для «Лихого белого сержанта»!

Нина, приподняв брови, посмотрела на Арчи, и тот с энтузиазмом кивнул. Вокруг них началась суматоха, люди разбивались на группы.

– Что происходит?

– Это танец тройками. Нам нужна еще одна девушка. Или еще один парень, – пояснил Арчи.

Они посмотрели по сторонам. Всех девушек уже расхватили. В глубине комнаты стояли парни, явно не желавшие танцевать, они предпочитали сосредоточенно наливать пиво. Лица у них были ярко-красными.

Нина огляделась. Никого. Если только... Она посмотрела на Леннокса, но тот был занят. Отлично. Он ей и ни к чему, сказала себе Нина. Арчи сумел ухватить Фэта Тама, который ехал с ними в «лендровере», и они объединились с компанией, где были две девушки, образовав группу из шести человек.

Арчи быстренько объяснил Нине, в чем состоит танец. Сначала они все должны встать в две линии лицом друг к другу. Потом начнут кружиться «как спицы в колесе» на счет «восемь». Потом положат руки на плечи друг другу в своих тройках и будут танцевать на месте – четыре такта вправо, четыре – влево. Потом центральный в тройке – это Нина – будет танцевать по очереди с каждым из парней, что находятся рядом с ней, и с центральным парнем из второй группы. Они должны сначала двигаться из стороны в сторону, потом кружиться, держа друг друга за талию, потом – движения назад и вперед. И наконец они пройдут под поднятыми руками второй группы, и все начнется сначала, с новой компанией.

Нина нахмурилась. Выглядело это довольно запутанно. Но танец начался, Нина начала улавливать его рисунок, простую красоту сходящихся кругов, поклонов... Наверное, сверху это походило на то, как раскрываются лепестки цветка.

Легкое цветастое платье Нины идеально подходило для танца, мужчины крутили ее, и туфли-лодочки ничуть ей не мешали. Щеки Нины порозовели, придав красок ее обычно бледному лицу, волосы метались вокруг головы, впервые долгое время Нина ощущала себя абсолютно

раскованной.

Суриндер, заметившая Нину, когда они танцевали в большом круге, подумала, что если Шотландия смогла такое сотворить с застенчивой Ниной, то, пожалуй, здесь куда интереснее, чем ей казалось.

К концу танца Нина нырнула под чьи-то руки и выскочила в другую группу – очутившись прямо перед Ленноксом. Рядом с ним танцевали две девушки – он был центральной фигурой, как и Нина. Девушки были весьма навеселе, они хихикали и заигрывали с Ленноксом, но он как будто и не замечал этого. Но Нина сразу увидела, что Леннокс прекрасный танцор, не выпадает из ритма музыки, легко кружит и подхватывает пищащих девиц. Он полностью владел собой.

Когда настал черед Нины танцевать напротив Леннокса, она сердито посмотрела на него.

– Так, значит, вы не танцуете? – спросила она.

И тут же пожалела о своих словах, – выглядело так, словно ее хоть чуточку интересовал этот грубый старый фермер, предпочитавший отплясывать с какой-то глупой блондинкой, а не с Ниной.

Но тут вдруг Леннокс обхватил ее за талию и закружил, и Нина сообразила, что ее ноги оторвались от пола. Она почувствовала себя пушинкой, летящей в воздухе, ее волосы развевались, платье полоскалось... Нина посмотрела на Леннокса, когда он поставил ее на пол, но он снова подхватил ее, как будто она ничего не весила, и она опять полетела, а потом встала точно на то же самое место, и ей ничего не оставалось, кроме как улыбнуться, присесть в реверансе и продолжить танец. Нина заколебалась, как маленькая, и попыталась поймать его взгляд, но Леннокс уже исчез, и она больше не видела его в оставшуюся часть вечера.

Нина и Суриндер сидели в кузове грузовика, который кто-то раздобыл для того, чтобы вернуть их домой. Грузовик грохотал в утреннем тумане, тащась к деревне, а поля мягко светились розовым и золотым, и роса превращала все вокруг в сияющую паутину. Нина с изумлением обнаружила, что был уже пятый час утра, когда музыканты наконец собрали свои инструменты, а девушки принялись искать в соломе свои туфли. Нина была измучена, но, как ни странно, счастлива, хотя от танцев у нее ныло все тело.

Она сразу заметила, что Суриндер предпочитает сидеть рядом с Фэтом Тамом, так что передвинулась туда, где уже спали трое волосатых мужчин.

– Они отсюда отправятся сразу на работу, – пояснил бодрый Арчи.

Его рубашка была расстегнута, добродушное веснушчатое лицо сияло.

– И я тоже.

– В самом деле?

– Ага. Фермерам некогда валяться в постели.

Они уже доехали до мощеной дороги, что вела к ферме Леннокса. Арчи посмотрел на Нину.

– Моя остановка, – сказала она. – Спасибо. Огромное спасибо за прекрасный вечер. Мне это действительно было нужно, очень нужно.

Арчи наклонился вперед:

– Можно мне... могу ли я, может быть...

– Нет, – качнула головой Нина. – Спасибо. Сегодняшняя ночь – это как раз то, в чем я нуждалась. Но я думаю... Думаю, ее вполне достаточно. Хотя ты замечательный учитель танцев.

– Спасибо, – улыбнулся Арчи и внимательно глянул на Нину. – Ты не местная.

– А ты только теперь заметил?

– Нет-нет... Я просто хотел сказать... Я знаю, что ты не из этих краев. Но у меня такое чувство, что ты отлично подходишь... Не всем удастся.

Нина расцвела от удовольствия.

– Спасибо, – еще раз сказала она.

Арчи хлопнул по кабине, грузовик остановился. Нина ткнула Суриндер, и та тоже остановилась.

– А-а-а... – промычал Фэт Там.

– В другой раз, – заявила Нина, спрыгивая вниз и подавая руку подруге.

Суриндер выпила куда больше сидра, чем Нина.

– Великолепное местечко! – бормотала Суриндер. – Это просто... все хорошо. Мне нравится Фэт Там.

– Ты ему тоже нравишься. Он на тебя накинулся, как на хороший завтрак.

– Да? Правда? – Суриндер держала в руке свои туфли. – Как ты думаешь, может, он просто очень проголодался? А кстати, ты можешь приготовить мне завтрак, прямо сейчас? Пожалуйста!

Глава 16

На следующий день обе девушки долго спали. Нина встала около одиннадцати, когда Суриндер приготовила кофе, а потом они устали на нечто купленное Ниной, под названием «картофельные лепешки». В итоге они решили поджарить их и сдобрить маслом, и это оказалось наилучшим решением из всего, что они могли бы вообразить, так что девушки с удовольствием съели завтрак, поглядывая в окно.

– День прекрасный! – воскликнула Нина.

– Ветер сильный, – уточнила Суриндер.

– Да, – терпеливо ответила Нина. – Зато тебе не будет слишком жарко.

– Ты уже становишься по-настоящему местной, – заявила Суриндер.

– Не больше, чем ты, – возразила Нина. – Местных генов у меня нет.

– Когда это ты стала такой дерзкой? – удивилась Суриндер, заглатывая очередную картофельную лепешку. – Ах, боже мой, как вкусно!

– Не знаю.

Нина и сама об этом думала. Она уже заметила в себе нечто новое. Открыв дверь, Нина встала на пороге, наслаждаясь солнечным теплом и прохладным ветром.

– Мне кажется... мне кажется, это случилось, когда мы привезли книги. Нашли им дом.

– Пожалуй, ты права, – кивнула Суриндер. – С тебя свалился психологический груз.

– А заодно и реальный груз, – напомнила ей Нина. – Но – да. Мы теперь снова можем быть обычными подругами, тебе не нужно постоянно меня ругать.

– Да это потому, что ты чуть не обрушила потолок! – сказала Суриндер.

– Да, точно. Груз исчез.

– Я и еще кое-что заметила, – сообщила Суриндер.

– Что именно?

– У тебя нет книги в руках.

– Ну... Я как раз собралась пойти в книжный фургон. Где лежат все мои любимые книги. А потом я собираюсь куда-нибудь отправиться и часть из них продать.

– Знаю. Но ты не читала за завтраком.

– Я разговаривала с тобой.

– Ты не взяла книгу с собой в постель.
– Но мы были пьяными, и был пятый час утра!
– Ты перестала цепляться за них везде, как за гарантию безопасности.
– Я так не делала!
– Мм... – промычала Суриндер.
– Да и в любом случае, что плохого в чтении?
– В чтении нет ничего плохого, – согласилась Суриндер, – и я тебе говорила об этом миллион раз. Но в итоге ты как будто занималась этим одновременно: читала-жила-читала-жила. И так далее до бесконечности.

Нина посмотрела на дикие цветы на лугу слева от нижнего поля. Они мягко колыхались на ветру. Издали, со стороны леса, доносился слабый аромат пролески.

– Мм... – точно так же, как Суриндер, промычала Нина.

– Ты прекрасно знаешь, что я права, – сказала Суриндер. – Ты наполняешься счастьем. Я ведь вижу.

– Не в этом дело, – возразила Нина. – Просто я хочу съесть еще одну картофельную лепешку.

– И еще у тебя появился аппетит, – заметила Суриндер. – А это тоже, уж поверь, очень-очень хороший знак.

– Заткнись! Черт побери, я хочу отправиться на прогулку! Да! А ты можешь валяться здесь.

– Именно это я и собираюсь делать, – кивнула Суриндер. – Возьмешь с собой что-нибудь почитать?

– Заткнись! И еще раз заткнись. А если мистер Раздражительный там окажется?..

– А?

– Нет, я ничего не говорила. Он просто задница.

– Точно.

Глава 17

День наступил ветреный, но солнечный, и Нина натянула джемпер поверх серого платья и рейтуз. «Книжный магазинчик счастья», лишившийся книг о Второй мировой в твердых переплетах, в свете нового дня по-прежнему выглядел таким же огромным, каким казался Нине прежде. Нина убедилась в том, что вдоль полок, чтобы книги не посыпались на пол, надежно натянуты брезентовые ремни, и села за руль, трижды проверив, как она теперь всегда делала, ручной тормоз, передачу – нейтральная! – и лишь после этого вообще подумала о том, чтобы двинуться с места.

Глубоко вздохнув, Нина завела мотор.

По соседству, в Охтердабе, был ярмарочный день, – Нина все выяснила заранее и собиралась следовать за людьми, которые туда направляются. Так что до места она добралась без труда. Да, действительно, она увидела ряды палаток и прилавков и толпу людей, собравшихся для того, чтобы продать домашние сыры, а иногда и немного непастеризованного молока, спрятанного под прилавком, – если вежливо попросить, его достанут. Здесь же красовались соломенные куклы, теплые еще яйца и огромные колеса бисквитных пирогов, похожих на мягкие подушки, набитые невероятными начинками. Нина присмотрела один с корицей, на потом.

Здесь продавались и домашние колбасы – из оленины, говядины и даже из страусятины. И ранний урожай артишоков и картофеля, на котором еще не высохли комочки темной земли, темно-зеленая капуста, свежий нежный салат, кое-кто умудрился уже вырастить томаты, маленькие и невзрачные, зато цветная капуста и морковка были великолепны. Нине также говорили о сезоне клубники, когда ягоды просто вываливаются из корзин, – но и сейчас их было достаточно.

«Лендроверы», джипы и всевозможные машины, заляпанные грязью, стояли вдоль узкой мощеной улицы под светло-серыми каменными стенами, но Нина достаточно легко нашла местечко и для себя и радостно поставила там фургон. Еще до того, как она включила большие светящиеся буквы, вокруг столпились покупатели. А когда Нина широко открыла дверь фургона, они – особенно женщины – буквально вломились внутрь, чтобы все увидеть.

Нина с гордостью оглядывалась. Книжные запасы выглядели аккуратно

и соблазнительно, некоторые особенно красивые обложки были повернуты лицевой стороной к покупателям. Утром, в момент напавшего на нее безумия, Нина подвесила к потолку небольшую люстру. Но теперь лишь порадовалась этому, потому что люстра очень мило раскачивалась на ветру.

Одна из женщин смотрела по сторонам, вытаращив глаза.

– Бог ты мой! – с улыбкой воскликнула она. – Просто не знаю, с чего начать!

– Вполне вас понимаю, – откликнулась Нина.

Женщина посмотрела на своего неугомонного малыша, едва начавшего ходить, – он уже пытался погрызть кресло-мешок.

– Я вроде как... Я читала только детские книжки, когда была беременна, а теперь вообще отвыкла...

Сердце Нины подпрыгнуло, она бросилась в атаку.

– Что ж, – сказала она. – Возможно, вам пригодится вот это.

И она сняла с полки прекрасную книгу, переведенную с русского языка, – «Теперь мы все большие девочки». Это был сборник коротких историй об опыте материнства, с яркими иллюстрациями в стиле средневековых сборников молитв и псалмов, с календарем, – истории располагались по порядку, начиная от момента зачатия, далее шли страшные сказки о Бабе-яге – ими бабушка автора пугала ее в детстве, а еще в книге говорилось о трудностях обращения с едва научившимся ходить малышом, который в январский день в Санкт-Петербурге не желает надевать теплую одежду, и о многом другом. Это была книга, и у самой Нины вызывавшая глубокие материнские чувства, хотя она и не думала о детях, – но ей еще не приходилось встречать молодую маму, которая не пришла бы от этой книги в восторг.

Лицо женщины вспыхнуло радостью, когда она увидела изумительные иллюстрации.

– Прекрасно! – воскликнула она. – Томас, прекрати! Перестань сейчас же!

Но Томас и не думал прекращать, он уже заметил на одной из полок и ухватил огромную блестящую книгу об автобусах и грузовиках, об экскаваторах и грузоподъемниках.

Нина отвела взгляд, чувствуя себя неловко: она совершенно не привыкла к тому, чтобы люди платили за книги, разве что они слишком поздно их возвращали, да и то, если человек выглядел откровенно бедным или огорченным, она обычно не заставляла его платить штраф.

Женщина посмотрела на ребенка, а потом сказала:

– А знаете что? Похоже, это может заставить его сидеть тихо, пока я делаю покупки, и не хватать всякие липкие булочки.

Она взяла и вторую книгу. И тут Нина поняла, что на самом деле нет никакой проблемы в том, чтобы брать деньги и отсчитывать сдачу.

Потом к ней подошла пожилая леди и со вздохом сказала, что она даже не подозревала, что книги стали такими новыми, никто теперь не пишет в старомодном стиле, если Нина понимает, о чем она. Ведь это просто стыд, потому что ей хочется иметь современную книгу со старомодными ценностями...

Так уж вышло, что Нина прекрасно ее поняла, и тут же предложила ей очаровательную книгу из серии «Святой Свитун» – о молодой медсестре, начавшей работу в госпитале. Но вместо бесконечных отчетов и реорганизаций эта медсестра с прелестным именем Маргарет сумела наладить существование в нынешнем мультикультурном мире, просто с любовью заботясь о своих пациентах, откуда бы они ни были, да еще успевала при этом совершать смелые поступки, спасая людей. И еще у нее начинался целомудренный, но волнующий роман с прекрасным и дерзким хирургом доктором Рейчел Мельхитт.

– Попробуйте это, – с улыбкой предложила Нина. – Если не понравится, сможете обменять, а если понравится – найдется еще сорок семь книг серии.

Женщина уже читала аннотацию на заднике обложки.

– Нет, думаю, это то, что надо, – сказала она. – А у вас есть издание с крупным шрифтом?

Нина мысленно выругала себя. Проблема была в том, что экземпляры с крупным шрифтом пользовались большим спросом, их постоянно брали в библиотеке, и они находились не в лучшем состоянии.

– Нет, – ответила она. – Но обещаю, я найду такие для следующего раза.

После этого люди пошли сплошным потоком, некоторые просто хотели посмотреть, что здесь такое, у некоторых были на уме какие-то особенные книги. Если же они сами не знали, что им нужно, Нина старалась понять, что им понравилось бы, и направляла в нужную сторону. Выдавая книги и принимая деньги – или кредитные карты, с помощью маленького, невероятно умного устройства, который она с помощью Суриндер установила на свой айфон, – Нина заметила девушку, топтавшуюся снаружи. Девушке было на вид лет шестнадцать, она была в очках и слегка, на детский манер полновата. Длинные рукава своего кардигана девушка

натянула до самых пальцев.

– Эй! – мягко окликнула ее Нина.

Девушка испуганно уставилась на нее и попятилась.

– Все в порядке, – сказала Нина и улыбнулась девушке. – Ты можешь зайти сюда. Я не против. Просто зайди и посмотри, ты не обязана что-то покупать.

– Не, нормально... – пробормотала девушка и ушла, опустив голову.

Это был куда более успешный день, чем Нина могла бы вообразить, и позже она ехала обратно, переполненная радостью, и с бутылочкой просекко, чтобы отпраздновать огромный – относительно! – успех.

– А ведь это я сделала надпись на фургоне! – заявила Суриндер.

Потом они сидели в гостиной, и Нина составляла список проданного и разбиралась в том, что еще из книг ей нужно заказать.

– Это самая скучная часть собственного бизнеса, – заметила Суриндер.

– Ничего, справлюсь, – ответила Нина. – Ох, как же я устала!

– Так ложись спать.

– Собиралась... Я подумала, может быть, доехать до железной дороги? Помахать Мареку.

– Ты серьезно? – удивилась Суриндер. – Это что, фильм «Дети железной дороги»?

– Нет. Просто я нашла книгу, которая может ему понравиться.

Это было очень старое, но вполне приличное по состоянию издание романа Анн Хольм «Я – Дэвид». Нина понятия не имела, читал ли Марек эту книгу, но подумала, что она должна прийти к нему по вкусу. В конце концов, он кое-что знал о том, что такое странствия по свету.

Суриндер строго посмотрела на нее:

– Ты уверена, что дело в этом?

Нина вспыхнула. Она не хотела признавать, как много думала об этом человеке, о его мягкой, меланхоличной, поэтической натуре. Он казался таким загадочным, таким печальным...

– Ну, я просто подумала... – протянула она.

– Что ж, будет неплохо, если ты хоть немного поспишь. Возможно, эта мысль и потом тебя не покинет, – заявила Суриндер.

Глава 18

После нескольких дней, куда более хлопотливых, чем могла бы предположить Нина, она решила, что пора начинать часы чтения. Серое небо теперь повисло низко, и Нина даже не смогла задолго до начала торговли выставить наружу грифельную доску с объявлением, когда перед фургоном понемногу собирались семьи.

Она читала детям сказку о девяти принцах, которые соткали небо, дети слушали, восторженно ковыряя в носках и время от времени присвистывая через дырки от выпавших зубов. А Нина после этого продала кучу книг, но, видит бог, дети оставили после себя чудовищный беспорядок, особенно те, что поменьше. Нина как раз пыталась одновременно и навести порядок, и управиться с последними покупателями, когда снова увидела ту девушку.

Нине был знаком ее взгляд. Глаза девушки горели жадностью, она изголодалась по книгам, ей отчаянно хотелось дотянуться хоть до чего-нибудь.

– Эй, это опять ты! – весело сказала Нина. – Я уже подобрала кое-что для тебя, просто для чтения. Заходи, посмотри.

Девушка очень неловко – двигалась она ужасно тяжело – одолела две ступеньки и зашла в фургон. Но ее лицо тут же засияло. Оно совершенно изменилось: у девушки была изумительная улыбка.

– Тут хорошо, – сказала она так тихо, что Нина с трудом ее расслышала.

Она зачарованно подошла к полкам, провела пальцами по корешкам книг, улыбаясь некоторым книгам, как старым друзьям.

– Ты ищешь что-то конкретное?

– Ох... – Лицо девушки вытянулось. – Я, вообще-то, не могу позволить себе покупать книги. Эй, эта не на месте!

Она достала книгу Дэниела Клоуза, затесавшуюся между двумя томами Фрэнка Дарабонта.

– Спасибо, – с удивлением поблагодарила Нина.

Девушка протянула ей книгу и снова стала рассматривать опытным взглядом полки.

– Ты любишь книги?

– Больше всего на свете! – кивнула девушка. – Просто жуть, что здесь закрыли библиотеку. А у меня дома ни одной книги нет.

– Вообще ни одной?

– Не-а. Мама сразу продала бы их. Если бы нашла.

Девушка произнесла это без жалости к себе, она просто констатировала факт.

Нина отметила, что одежда на девушке дешевая и недостаточно теплая для такой ветреной погоды. Она задумчиво посмотрела на беспорядок, оставшийся после часа чтения.

– Ну, – задумчиво начала Нина, – знаешь, мне бы время от времени понадобилась здесь помощь... Но начнем с того, что я не смогу платить тебе слишком много.

Она не могла платить даже самой себе, если уж на то пошло, особенно после того, как купит бензин и отложит кое-что на новые книжные запасы и иногда – на сэндвич для себя.

– Например, ты бы помогала мне полчаса время от времени и за это брала бы книгу. Подойдет?

– Вы серьезно? – просияла девушка.

– Это не постоянная работа, – поспешила объяснить Нина. – Я вовсе не хочу тебя эксплуатировать. Так, иногда небольшая уборка.

Но девушка уже принялась аккуратно расставлять по местам детские книги в совершенно правильном порядке и с учетом роста – чтобы мелкие легко могли дотянуться до самых ярких обложек.

– Э-э-э... а как тебя зовут?

– Эйнсли. – Девушка даже не повернула головы.

– Отлично, спасибо, Эйнсли.

Нина ушла к ступенькам фургона, где продала целый набор всякой ерунды эпохи Регентства местной леди с огромным лабрадором, в платье из шерстяного твида и с весьма причудливым акцентом. Вообще-то Нина сказала, что она не принимает чеки, но эта женщина купила целую гору книг, к тому же вид у нее был устрашающий, поэтому на этот раз она согласилась. Когда же леди достала большую чековую книжку, Нина выяснила, что перед ней леди Кинросс. И даже растерялась.

– Эта шикарная особа живет там, дальше по дороге, – махнула рукой Эйнсли, когда леди ушла. – У нее в доме сто комнат! Она даже не в каждую из них заходила.

Через двадцать минут Эйнсли привела все в идеальный порядок и начала подметать пол. Нина была смущена и настояла на том, чтобы девушка выпила кофе, а потом стала осматривать полки, выбирая для нее книгу. Наконец Нина в точности поняла, что ей нужно, хотя книга и была чудовищно дорогой: «Первая», роман в комиксах для взрослых,

написанный молодой женщиной из Южной Америки, – автор писала о женщине-супергероине, жившей в Рио, которая отбирала кое-что у безумно богатых и отдавала это беднякам в фавелах, трущобных пригородах. Книга была забавной, чарующей и местами дерзкой, и лицо Эйнсли вспыхнуло при виде нее, как лампочка.

Ее горестный, подавленный вид мгновенно куда-то испарился.

– А можно мне еще раз прийти? – прошептала она.

– Да, – кивнула Нина. – Приходи снова в воскресенье, это рыночный день.

Эйнсли буквально дрожала от радости. Нина отметила, что девушка с невероятным старанием спрятала книгу, засунув ее на дно своей сумки, между неаккуратными бумагами и потрепанными тетрадями для домашних работ. Нина понимала, что девушка хочет скрыть книгу от слишком внимательных глаз. Эйнсли поймала ее взгляд и, сильно покраснев, быстро ушла. Нина проводила ее задумчивым взглядом.

– Мне нужно оставить сообщение Мареку, – сказала Нина. – Я серьезно, нужно.

– Хочешь сказать, начинается обмен контрабандой? – фыркнула Суриндер.

Она любезно занялась бухгалтерией в обмен на питание, пока они в самых разных местах энергично пробовали изумительные местные продукты: свежую рыбу, сыры, фрукты и всякие овощи.

– Видишь ли, мне не кажется, что это правильно.

– Но я не знала... – вздохнула Нина. – Не представляла, что мы будем настолько заняты.

И это было правдой. Куда бы они ни отправились с «Книжным магазинчиком счастья», на каждом рынке на них налетали люди, давно уже не имевшие в своих деревнях книжной лавки или библиотеки.

– Знаю, – согласилась Суриндер. – А ты помнишь, как уходила с работы в четыре часа?

– Только по средам! – возразила Нина. – Не каждый день. Всего один день в неделю. Да, кстати, а когда собираешься вернуться на работу ты?

– О, у меня припасена тонна выходных! – пожала плечами Суриндер.

– Да, но я думала, ты собиралась в Лас-Вегас, в Лос-Анджелес или в Майами – ну, в какое-то более подходящее для тебя место, – сказала Нина. – Ты же сама так говорила. А вовсе не твердила: «Посижу-ка я в шотландской глуши, чтобы развлекаться с бухгалтерией!»

– Да, конечно, только...

Суриндер как будто слегка смутилась и уставилась на собственные ноги. А на них были...

– У тебя что, новые сапожки?

Суриндер действительно обзавелась парой симпатичных новеньких веллингтонов в цветочек.

– Вряд ли в Лас-Вегасе нынче мода на веллингтоновскую резину, – предположила Нина.

– Откуда тебе знать?

Нина сочла это справедливым замечанием, но все равно, прищурив глаза, уставилась на Суриндер.

– Ты встречалась с Фэтом Тамом? – просила она.

– Не твое дело!

Разговор зашел в тупик. Нина по долгому опыту знала, что теперь лучше всего сменить тему.

– В общем... я тут все думала, – немножко нервно начала она. – Как ты считаешь, что, если я попрошу Марека...

– Ты навлекаешь на него неприятности, – предостерегающе сверкнула глазами Суриндер.

– Да просто Гриффин сообщил мне о другой библиотеке, которая перед закрытием избавляется от огромной части своих запасов, и они готовы продать мне книги очень дешево! – Нина пока что не обсуждала вопрос с самим Мареком. – Библиотеки продолжают закрываться, – грустно добавила она.

– Это просто стыд! – заявила Суриндер.

– Сама знаю.

– Но ты не можешь так рисковать, подвергая Марека опасности. Мне казалось, он тебе нравится.

– Мне нравится думать о возможности безопасно эвакуировать книги, – ответила Нина. – Выпустить их в открытый мир, неужели не понимаешь? Это благое дело.

– Вот только это противозаконно. Что, если Марек тайком перевозит динамит?

– Книги не динамит.

– А как насчет «Майн кампф»?

– Суриндер!

– А что? Я просто так сказала. Ты просишь его сделать что-то неправильное.

– Не думаю, что он будет возражать.

– Он не станет возражать потому, что это ты его просишь. А это еще

хуже.

– Ладно, – сдалась Нина. – Пожалуй, ты права.

– Я действительно права.

– Я лишь хотела у него спросить. И думала, ему и самому захочется это сделать.

– Уверена, захочется. Тебе и просить не придется. Нина! Я понимаю, ты теперь весьма успешная деловая леди, но повторяю: это неправильно.

Нина довольно долго молчала.

– Ладно. Не стану просить. Попытаюсь найти какой-то другой способ.

– Вот и отлично.

– А ты что будешь делать вечером?

– Вообще-то... – Суриндер с легким смущением отвернулась. – Вообще-то, я собираюсь кое-куда пойти. Ну, вроде того... У меня вроде как свидание.

Нина встала:

– Это невозможно! Я так и знала. Невозможно!

– Что именно? Никто не должен звать меня на свидание?

– Конечно, они будут звать тебя на свидания, идиотка! – воскликнула Нина. – И кто это? Надеюсь, Фэт Там?

– Нет, Ангус... или Фергус? Ну, один из тех парней.

– Ты даже не знаешь, который именно?

– Здоровенные сильные руки. Широкая грудь. Густые волнистые волосы.

– Ты говоришь так, словно назначила свидание какому-нибудь дереву! А что не так с Фэтом Тамом?

– Ну, меня предупредили на его счет, – неопределенно ответила Суриндер. – Нет, это другой милый парень с той вечеринки. Я ни слова не поняла из того, что он сказал, включая и его имя, так что в принципе это не имеет значения.

– И куда вы намерены отправиться?

– В ресторан со звездой Мишлен, после представления в Вест-Энде, – сообщила Суриндер. – Шучу! В паб, конечно. Куда еще здесь пойдешь?

Суриндер собралась уходить, и Нина слегка ей позавидовала. Сама она могла бы заняться приведением в порядок книг, но Эйнсли уже это сделала за нее, да и книжный запас теперь заметно уменьшился. Так что вместо того она решила разогреть для себя суп и перечитать что-нибудь – что угодно – из молодежных книг, которые всегда поднимали ей настроение.

– Нина, я серьезно. Не думай даже повидать Марека. Не натвори чего-нибудь! – повторила Суриндер, закончив сборы.

– И ты, кстати, не натвори чего-нибудь с парнем, даже имени которого ты не знаешь.

– Я и не предполагала. В смысле, я же не всерьез... И не думай, что если ты большой специалист по потере службы, то и все такие же.

– Не буду думать.

Тут на гравийной подъездной дороге вспыхнули фары, подъехал большой автомобиль.

– О! – выразительно произнесла Суриндер. – Это экспресс в Хогвартс!

Она расцеловала Нину в обе щеки и выпорхнула за дверь как раз в тот момент, когда из внедорожника вышла высокая фигура, чтобы открыть перед ней дверцу. Они уехали в туманный вечер, совершенно еще светлый в восемь часов.

Нина попыталась читать, но впервые не могла сосредоточиться. Слова расплывались перед ее глазами, Нину отвлекало блеяние овец на лугу, и она гадала, нет ли среди них той самой овцы с персональными ягнятами Нины. Потом она задумалась о своих книжных запасах, но в Шотландии она просто не могла раздобыть то, что нужно. Нина стала шарить в Интернете, едва не провалившись в кроличью нору, набитую прекрасными первыми изданиями и древними манускриптами, что продавались в Эдинбурге.

Нет, она, конечно, знала, где находится источник почти бесплатных книг, которые будут рады встрече с ней и по-настоящему поддержат ее бизнес. И знала, как до них добраться. Все, что ей следовало сделать, это...

Нина решила испечь немного песочного печенья, чтобы отвлечься. Просто масло, сахар и мука, смешанные вместе, – вкусно и легко приготовить. И она испекла его уж слишком много. Потом Нина смотрела на гору печенья... и решила уложить часть его в красивый пакет, который у нее случайно нашелся, а еще в подарочную коробку, которую ей купила Суриндер. Было всего четверть десятого вечера и все еще светло. Могла же Нина прогуляться немножко? Она не собирается встречать поезд, да и время еще неподходящее. Она просто погуляет.

Нина надела сапожки и пошла вдоль луга, глядя на ветряки, медленно вращавшиеся вдаль, и ягнят, резвившихся у изгороди.

Нина сорвала пучок сладкой луговой травы и протянула ее овечке с ленивым взглядом, та подошла и стала безмятежно жевать траву, а малыши тут же нырнули под нее и принялись сосать молоко. Картина была такой мирной, что Нина улыбнулась. А потом она пошла дальше. Ей необходимо было размяться после того, как она целый день провела в фургоне.

Становилось прохладно, и Нина поплотнее закуталась в куртку.

Нина была даже изумлена собственным горячим желанием продолжать дело. Ей хотелось, чтобы ее магазин и дальше работал так же эффективно, и Нина уже знала, что есть люди – есть везде! – которые любят книги так же, как любит их она сама. Так где же ей, черт побери, пополнять запасы?!

Нина увидела что-то висевшее на дереве задолго до того, как подошла близко. Висело оно высоко, и если не искать специально и не знать, где искать, то можно было ничего и не заметить, даже если ноги сами собой принесли вас прямо к переезду.

Это была старая серая сумка, простая, с квадратным дном, аккуратно заброшенная на ветку с помощью длинной веревки, – поезду даже не пришлось сбавлять при этом ход...

Нина осторожно влезла на дерево, помня то, что говорил о нем Леннокс, и сразу заглянула в сумку. Она была до краев полна диких цветов: желтый утесник, пролеска и колокольчики, нарциссы, а еще ландыши и перекати-поле...

Это было прекрасно!

Нина, не позволяя себе думать о том, что делает, привязала пакет с печеньем и книгой к концу ветки. Если они приостановят поезд, им легко будет его достать...

Нина соскользнула с дерева. Теперь уже определенно темно. Она сунула лицо в сумку с цветами и глубоко вдохнула их аромат. Внизу лежало много лаванды, а еще чувствовался богатый запах вереска вместе с более легким и нежным ароматом пролески. Райское наслаждение...

Всю обратную дорогу Нина размахивала сумкой.

На скамье перед большим домом сидел в уже почти угасшем свете Леннокс. Нина сначала не поняла, чем он занят, и просто кивнула ему. Леннокс что-то проворчал в ответ. Нина присмотрелась. Он вроде бы...

Нина невольно улыбнулась.

– Он очень похож на тебя, – сказала она.

Леннокс снова поднял голову, на мгновение оторвавшись от дела: он кормил из детской бутылочки крохотного ягненка.

– Думаешь, мертвая овца – это смешно? – огрызнулся он.

Нина вытаращила глаза.

– Не ты ли сам мне говорил, что нужно трезво смотреть на фермерское дело? – спросила она. – А что с ним такое, кстати?

Леннокс опустил взгляд с неожиданным для него нежным видом.

– Мать от него отказалась. Такое иногда случается.

– А почему? У нее есть другой ягненок?

– Нет, только этот. Но иногда они не хотят кормить. Далеко не всем матерям нужны их чада.

– Так ты его усыновил?

– Нет, – пожал плечами Леннокс, – просто держу ночную смену, пока парни не вернулись.

На Нину это произвело глубокое впечатление.

– У фермера работа никогда не кончается...

– Ага, – кивнул Леннокс. – Никогда. Ты с кем-то встречалась? А теперь спать?

Нина всего одно мгновение позволила себе подумать о длинных ресницах Марека и его высоких скулах...

– Нет. Но спать еще рано.

Леннокс опустил ягненка на землю, и тот побрел к собачьей конуре, где, похоже, ночевал вместе с Парсли.

– А для меня не рано, – коротко сообщил Леннокс. – Спокойной ночи.

Нина отправилась домой и сразу легла спать, она не проснулась, даже когда – чрезвычайно поздно – возвратилась Суриндер, явно нетрезвая, и, громко хихикая, велела кому-то не шуметь.

Глава 19

– Ты витаешь где-то в облаках, – сказала Суриндер.

Нина сердито покосилась на нее:

– Ну, поскольку в твоей постели валяется какой-то лодырь, мне приходится отводить взгляд.

Как-то так получилось, что небольшой отпуск Суриндер превратился в весьма продолжительный. Погода установилась на диво прекрасная, что было совершенно необычно для Шотландии: над ней сияли чистые голубые небеса, по которым изредка пробежали белые, похожие на овечек облачка.

Нина, верная своему слову, ничего не делала: она не связывалась с Марекком и не просила его об услуге.

Однако книги все равно прибыли.

Гриффин с помощью Марека сам все устроил, забрав книги из очередной закрывшейся библиотеки. Он приложил к ним маленький счет за доставку и довольно ядовитую записку, сообщив в ней, что если Нине нужны какие-нибудь служащие, то пусть она свяжется с ним, потому что те детки-переростки, с которыми ему приходится работать, доводят его до безумия. И он решительно предпочел бы снова работать с книгами вместо того, чтобы не давать хулиганам возможности обмануть охранную систему библиотеки ради того, чтобы добыть в компьютерах побольше порнографии, – чем он и занимается теперь почти все свое рабочее время.

А Марек просто оставил книги у железнодорожного полотна, – Джим предупредил об этом Нину по электронной почте, и она утром все забрала.

– Ты стала настоящим книжным контрабандистом, – заметила Суриндер. – Это совершенно неправильно. А если полиция его поймает... Или диспетчеры заметят, что он постоянно останавливается у этого переезда? Он же потеряет работу. Тебе и тогда это будет казаться веселой игрой?

Каждая коробка книг сопровождалась чем-то от Марека: шуткой, стишком, даже милым рисунком какой-нибудь собаки. Почти ежедневно она насыщала книжные аппетиты в Ланхис-Дауне или Фелбрайт-Уотере, в Ляхнесе или Карденби, в Брефуте или Тьюксе, в Донибрисле или Бэлвери – везде, где только могла остановиться со своим фургоном, чтобы продать нежные романы, мрачные детективы или новейшие кровопролитные

японские серии – как всегда, их покупали люди с мягкими, сдержанными манерами. Нина уже по опыту знала, что здесь, видимо, сказывался некий закон космического равновесия: чем благоразумнее человек одет, тем сильнее он жаждал чего-то острого. И каждый день она распаковывала новые коробки от Марека и находила что-то еще.

Еще Нина продала множество экземпляров «Кулинарной книги отшельницы», написанной какой-то женщиной, перебравшейся на крохотный островок на Гебридах и не употреблявшей в пищу ничего, кроме местных растений. Большинство из них нужно было варить. Но зато они помогали быстро похудеть. Суриндер могла ворчать сколько ей вздумается, но она все же не могла отрицать того, что Нина понемногу добивается настоящего успеха.

Эйнсли с обычным для нее застенчивым видом вскрыла последнюю коробку и восторженно вздохнула.

– Что там? – наклоняясь, спросила Нина.

– Здесь полная коробка «По крышам»! – сообщила Эйнсли. – Полная коробка! Да это же клад!

– Но не первое же издание?

– Я не знаю... в моей старой школе была одна такая книга, но мне даже дотронуться до нее не разрешали.

– О боже... – выдохнула Нина. – Они и сами не знали, что у них есть! Иначе могли бы их продать.

– Но вы их как раз и купили, – напомнила Эйнсли.

– Я купила сто коробок книг не глядя на библиотечной распродаже, – возразила Нина. – Ты и сама не понимаешь, на что натолкнулась! Это... это сокровище!

Да, это были связки книг в твердом переплете, первое издание знаменитой истории о троих ребятах, которые пересекли Лондон, не спускаясь на землю, переплеты книг сияли позолотой, в них имелось множество изящных рисунков...

– Ой-ой! – приговаривала Нина, рассматривая книги. – Может, мы запрем дверь и посидим здесь, почитаем вслух любимые места?

– Эйнсли! – раздался снаружи чей-то голос.

Они обе оглянулись.

– Кто это?

– Никто, – нахмурилась Эйнсли. – Можем мы запереть дверь?

– Не сейчас. – Нина шагнула к выходу.

– Эйнсли!

– Не сейчас, Бен! – внезапно крикнула девушка, куда громче, чем можно было ожидать. – Я занята! Уходи!

Нина быстро спустилась вниз по ступенькам. У фургона стоял маленький мальчик, грязнее какого Нина в жизни не видела. Волосы ему явно подстригали кухонными ножницами. Щеки у него были липкими, ногти – черными.

– Привет! – сказала Нина.

Мальчик, которому на вид было лет восемь, надулся, покосившись на нее.

– Эйнсли! Я хочу позавтракать!

Хмурая Эйнсли вышла наружу:

– Я же тебе велела не приходить сюда!

– Завтрака нет!

– Я тебе оставила яичный крем в боковом шкафу.

– Я его вчера съел!

– Ну, значит, сам виноват.

Мальчик скривился, словно собираясь заплакать.

– Это... твой брат? – осторожно спросила Нина, не желая выглядеть назойливой.

Эйнсли теперь стала приходить к ней по утрам, перед занятиями в школе, и Нина начала платить ей маленькое жалованье.

– Ага, – кивнула Эйнсли.

Она неохотно достала из кармана те деньги, которые Нина дала ей накануне.

– Я могу пойти в булочную? – спросил мальчик.

– Иди, только сюда не возвращайся.

Нина молчала, боясь сказать что-нибудь некстати, но ей очень не понравилось то, как все это выглядело.

– А где ваша мама? – мягко спросила она.

Бен обжег ее взглядом.

– Заткнись! – ответил он и выхватил деньги из руки Эйнсли.

Эйнсли вернулась к расстановке книг, она замкнулась, понять выражение ее лица было невозможно. Нина не стала ни о чем ее спрашивать, а вместо того сосредоточилась на явившемся постоянном покупателе – он читал только книги о мире после апокалипсиса. Ему было все равно, кто погубил этот мир – зомби, вирусы или ядерные взрывы, – лишь бы в живых не осталось почти никого.

Нина позволила своему взгляду скользнуть в открытую дверь фургона – сегодня он вернулся в Кирринфиф, где жила Эйнсли. Мальчик все еще

топтался на площади, он жевал булочку с сосиской и таращился на фургон. Нина ободряюще улыбнулась ему. Когда покупатель ушел, она подошла к Эйнсли, чтобы вместе с ней заняться прекрасными золочеными томиками «По крышам».

Мальчик вдруг появился снова и заглянул через плечо Эйнсли:

– Это что?

– Убирайся! – прошипела Эйнсли. – Сколько раз нужно повторять: не приходи сюда!

– Нет, ты можешь приходить, – возразила Нина, не обратив внимания на взгляд Эйнсли.

– Скучно выглядит, – заявил Бен.

Он продолжал таращиться на картинку на обложке: трое детей и почтовый голубь Роберт в цилиндре, – их силуэты вырисовывались на фоне купола собора Святого Павла.

– Отправиться к дальним берегам... и увидеть королеву Моргану... – мечтательно произнесла Эйнсли. – Как же это здорово было – прочитать ее в первый раз...

Нина сочувственно кивнула:

– Каждый раз, когда я закрываю эту книгу, я поверить не могу, что не умею летать.

– У вас еще будет целая деревня детей, которые этого не читали.

– Но ведь это и до сих пор читают и должны читать! – сказала Нина. – А иначе откуда им узнать, что это такое – полет?

– Люди не умеют летать, – презрительно бросил Бен.

Он теперь держал в руках пакет картофельных чипсов и набивал ими рот, роняя крошки на пол фургона.

Эйнсли нахмурилась:

– В этой книге летать умеют. Ты просто ничего в этом не понимаешь, балбес.

– Чего не понимаю? Что это глупые выдумки?

– Можешь посмотреть, если хочешь, – предложила Нина, хотя ее очень беспокоили липкие пальцы мальчика.

Ведь эти книги были весьма ценными.

– Глупость все это. – Бен пожал плечами и отвернулся.

– Да, тебе именно так и кажется. Он не хочет ходить в школу, – сказала Эйнсли.

– А ты разве не можешь его заставить? – удивилась Нина. – Или ваша мама?

– Ха! Он никого не слушает!

– Чтение – это для младенцев, – неожиданно выпалил Бен. У него покраснели уши. – Это глупость! И мне плевать!

Он вдруг бросил на пол свой пакет и выскочил из фургона, чтобы умчаться через площадь.

Эйнсли вздохнула и повела плечами.

– Вот и все, ничем другим он не занимается, – сказала она. – И я не могу с ним справиться.

– Но разве школа вам не помогает? – Нина посмотрела вслед мальчику. – Это же неправильно.

– Они просто умыли руки, – пояснила Эйнсли. – Он не хочет туда идти. А маме все равно. И школе все равно. Он, видите ли, «плохо влияет» на других. – Эйнсли грустно опустила голову. Для нее это была очень длинная речь. Но она продолжила: – А другой школы рядом нет, на пять миль вокруг. Да я и не думаю, что до него кому-то есть дело.

– Хочешь, я позвоню в социальную службу?

Эйнсли даже подпрыгнула на месте, на ее лице отразился настоящий ужас.

– Нет! Пожалуйста, не надо! Вы не можете! Они нас разлучат!

– Что ты, они теперь работают по-другому, – возразила Нина. Ей часто приходилось иметь дело с социальными работниками во время службы в библиотеке. – Они по-настоящему добры, они помогают. Честно.

Эйнсли покачала головой, в уголках ее глаз уже поблескивали слезы.

– Пожалуйста, не надо! – повторила она. – Пожалуйста... не делайте этого. Пожалуйста. У нас все в порядке, правда. Все в порядке.

Она выглядела такой надломленной и испуганной, что Нина не представляла, что тут делать.

В фургон вошла девочка, нарядная и ухоженная, с матерью.

– О, смотри! – сказала женщина. – Я ее не видела уже много лет! «По крышам»! Вау! – Ее строгое лицо внезапно смягчилось. – Я так любила эту книгу! От нее у меня возникало чувство полета.

Девочка с любопытством посмотрела на мать:

– А можно мне ее взять?

– Конечно, милая! Мы будем читать ее вместе. Думаю, ты тоже ее полюбишь.

Эйнсли с каменным лицом смотрела на Нину, когда та брала деньги за томик – самую большую сумму, какую она когда-либо получала за одну покупку.

Глава 20

Дни начали приобретать устойчивый ритм. Закончив работу, Нина подсчитывала выручку, а потом начинала думать о том, что оставит для Марека на их дереве. Это уже превратилось в нечто вроде настоящего ухода. Иногда Нине хотелось чего-то забавного, иногда она предпочитала серьезное. В иные дни она просто писала Мареку, о чем думает, и он отвечал записками. Нина вдруг осознала, что много-много лет не писала писем, она просто отщелкивала несколько слов электронного письма, но даже не пыталась сесть и выразить свои мысли на бумаге. На бумаге она писала куда медленнее, и ее чувства были более глубокими.

Нина постоянно вспоминала большие добрые глаза Марека, его нежную заботу о ней. Он писал ей о том, как скучает по дому, о всяких смешных делах, которые замечал в окнах домов... Его английский был не слишком хорош, он делал много ошибок, но умел при этом чудесно и даже удивительно выражать свои мысли, и Нина прекрасно его понимала.

И не важно, как часто повторяла ей Суриндер, что все это ненастоящее, что она живет в фантазиях, – Нина не могла удержаться. И хотя рядом была Суриндер и каждый день Нина в своем фургоне знакомилась с новыми людьми, она все равно чувствовала себя одинокой, она стала совершенно новым человеком в этом маленьком зеленом уголке на оконечности мира. А грезы о Мареке каким-то образом согревали ее, она постоянно думала о том, что могло бы ему понравиться, что рассмешило бы его и что можно положить в сумку с посылкой... Один раз это была маленькая фигурка медведя, Нина купила ее за пару пенсов на рынке, в другой раз – пособие по резьбе по дереву, которым долго никто не интересовался, еще – маленькая рекламная бутылочка виски, ее вручили Нине в одном из городков покрупнее, а иногда – просто душистый вереск.

А Марек посылал ей пакеты сладостей со своей родины, и резной карандаш, который, как подумала Нина, он мог сам сделать, и еще – несколько новеньких листков почтовой бумаги ручной выработки – Нина берегла их как сокровище.

Но однажды, когда Нина не спеша шла по лугу вдоль железнодорожного полотна, гадая, как это может быть так светло в половине одиннадцатого вечера, она развернула очередное послание, написанное знакомым почерком – как будто авторучка была уж слишком

маленькой для здоровенной лапы Марека, – и прочитала:

Суббота. Ночного пассажирского нет.

Просто и коротко.

Сердце Нины тут же забилося сильнее. То, что выглядело изящной и необычной игрой, внезапно превратилось в нечто куда более реальное.

Нина каждый вечер ложилась в постель с мыслями о Мареке, о его необычных иностранных манерах, о его хладнокровии. И о тех взаимоотношениях, что зародились так неожиданно. Нина знала, что дерево рядом с рельсами, пусть и прогнившее, было таким же важным для Марека, как и для нее самой. Его записки, полные поэзии, в которых иногда проскакивали слова на его родном языке, вызывали у Нины глубокие и романтические чувства, и она хранила их, все до единой.

Те вечера, когда Марек не работал, или когда на дереве ничего не появлялось, весьма разочаровывали. А те вечера, когда на ветру мягко покачивался пакет, наполняли Нину восторгом.

Но теперь... встреча? Снова оказаться лицом к лицу? Сердце Нины колотилось от волнения.

На Суриндер, как и следовало ожидать, это особого впечатления не произвело.

– И что ты собираешься делать? Миловаться в локомотиве? А если перемажешься в угле?

– Нет, конечно... – Нина судорожно сглотнула. – Это будет просто... Ну, это возможность немножко поговорить, и все.

Суриндер фыркнула.

– Ну что ты, Сур... Это просто... Все так долго тянется...

– А как насчет Ферди?

– Ферди не в счет.

Вообще-то говоря, последний кавалер Нины, Ферди, был на вид бледным поэтом, болтавшимся в библиотеке в Бирмингеме, а Нина оказалась единственным человеком, способным его слушать. Кончилось все чем-то вроде свидания, хотя Ферди был крайне расстроен тем, что Нина не вслушивалась в его стихи по-настоящему, а они, по правде говоря, были ужасными – с рифмами типа «розы-морозы». С другой стороны, так Нине оказалось легче порвать с ним, она заметила, что не понимает метафоры его последнего сочинения, озаглавленного «Все черное (17)», отчего Ферди впал в ярость и обозвал Нину мещанкой. Она слышала, что после этого он забросил поэзию, подстригся и нашел работу в каком-то

банке в Астоне, но не знала, так ли это на самом деле.

– Он и так уж слишком долго топтался рядом.

– То есть это не были настоящие отношения? А Дэмьен из университета? Ты ему заявила, что у тебя и без него дел хватает, а потом засела в своей спальне наверху, чтобы читать несколько лет напролет.

– Верно. Но теперь я здесь, и все такое новое, и столько возможностей! Ты же сама постоянно твердишь, что нельзя сидеть на месте.

– Да, но не с парнем, с которым ты познакомилась в поезде!

– А почему нет? Люди знакомятся в самых разных местах. Ты встретила со своим Гасом в амбаре!

– Да, но потом мы познакомились гораздо ближе.

– Ты пользуешься моим роскошным жилищем!

– Мы живые! Мы не бродим, как лунатики, и не вешаем стишки на деревья, как какие-нибудь смешные человечки из сказки для подростков!

– В том-то и дело. Мы теперь намерены какое-то время провести вместе. Лучше узнать друг друга.

– Но почему он просто не явится сюда в дневное время? – спросила Суриндер.

На этот вопрос Нина не имела ответа.

– Вот видишь? Просто он такой же чокнутый, как и ты. Это маленькая придуманная жизнь, в которой он присылает тебе милые цветочки, и он может так делать, сколько ему захочется, потому что это только в твоей голове! Не сомневаюсь, выглядит все очень мило и так далее, но это не настоящее! И встреча посреди ночи в каком-нибудь сарае ничего не изменит.

– Это не сарай, а железнодорожный переезд. Это... романтично.

– О, как раз для тебя! – Суриндер закатила глаза к потолку. – Гас заезжает за мной, мы сооружаем что-нибудь съестное, что можно взять с собой – ну, вроде еды на вынос. Мы бы и купили что-то, если бы здесь продавалась такая еда, только этого нет, – и смотрим кино.

– Может, вообще переберешься сюда? С Гасом?

– Я в отпуске, – строго заявила Суриндер.

Таким тоном она по утрам отвечала на звонки из офиса, когда ее вежливо спрашивали, намерена ли она когда-нибудь явиться.

– А ты не собираешься выяснить первую часть его имени? – спросила Нина.

– Не думаю, что это так уж важно при данных обстоятельствах.

– Ладно, но ты уж позаботься об этом до того, как выйти за него замуж.

Уже приближалась середина лета. И хотя после захода солнца по-прежнему нужна была куртка, поля и луга ошеломляли своим великолепием: дикие цветы, зреющее зерно, волнуемая высокая трава, напившаяся воды за время долгой зимы, а теперь пышно разросшаяся у каждой живой изгороди и вообще везде, где только нашла местечко, – настоящее буйство цветения и роста везде, куда падал взгляд.

Нина чувствовала себя так же – после долгой зимы она тоже была готова воспрянуть, гордо сбросить старую одежду – защитный панцирь из книг, серые колготки и опущенную голову. Она так нервничала, что плохо соображала, и ничего не могла с этим поделать. А еще Нина сердилась на Суриндер, разве та сама не повторяла постоянно, что нужно просто жить? Перестать прятаться? Ну вот, она и перестала. И выходит теперь в жизнь. В настоящую жизнь, не в кино и не по телевизору. Она больше не слушает, как кто-то жалуется на отсутствие возможностей для поэтов в Бирмингеме и на то, что их никто не понимает. Теперь перед ней были огромные корзины цветов и поэзии, настоящей поэзии. Нина искренне верила в это и в глубокие чувства. И собиралась встретить ночной поезд.

Глава 21

Было неожиданно тепло, и Нина сидела на шлагбауме, слегка покачиваясь, наслаждаясь тихим поскрипыванием на фоне других звуков, что доносились из ночного леса. Она как будто устроилась на далеком волшебном дереве, и лес что-то нашептывал ей...

Нина закрыла глаза и сосредоточилась на своем желании, на губах ее играла улыбка, а сердце нервно постукивало в груди, а вокруг все наполнилось жизнью, и когда Нина очнулась от полусна, вдали внезапно вспыхнули огни огромного поезда, тяжело громыхавшего колесами.

Сердце Нины заколотилось еще быстрее, когда поезд замедлил ход. Она быстро все проверила. Макияж в порядке. Хорошее белье... Тот факт, что она пришла подготовленной, вызывал у нее странное чувство. Но с другой стороны... Ладно. Это свидание. Весьма необычное. Но тем не менее свидание. Нина не просто читала об этом: она в этом участвовала. Она вытерла ладони о юбку. Юбка была пышной, в стиле пятидесятых, с поясом, и к ней Нина надела простую блузку и кардиган.

Поезд затормозил сильнее, его тормоза взвизгнули, испустив странный резкий запах асбеста, который никогда не нравился Нине, но теперь он напоминал ей о той ночи, когда они с Марексом встретились впервые. Наконец поезд, содрогнувшись, остановился. Как будто медленно выдохнул.

Ночь и воздух тут же стали очень тихими, и Нина ощутила волну адреналина. Она прижала ладонь к губам. Поезд замер. Но никто не появился.

Нина давно знала расписание и то, что сегодня Джима не могло быть в кабине, там мог быть только Марек. И никакого ночного поезда следом. Никакой угрозы нарушить график. Только они двое посреди Горной страны, сами по себе.

Дверь кабины тихо открылась, Нина сделала шаг вперед. Потом еще один. От волнения и возбуждения она тяжело дышала.

Но Марек не вышел, и Нину на мгновение охватила паника, ей показалось, что его там просто нет, что там кто-то другой и он сейчас скажет ей, как это опасно – топтаться прямо на рельсах.

Никого... Взяв себя в руки, Нина скользнула под опущенный шлагбаум. Здесь не бывало по ночам людей, и наверняка этой ночью тоже

никого нет. Это было бы уж слишком жестокой неудачей. Но нет, дорога, как обычно, была пустынной, фермеры и рабочие наконец-то заснули в своих постелях, заслужив отдых.

Нина направилась к локомотиву, за которым подрагивал невероятно длинный состав. Она сосредоточилась на маленьких ступеньках. А подойдя к ним, посмотрела вверх.

В дверях кабины стоял Марек. Его глаза с тяжелыми веками смотрели чуть-чуть неуверенно, выющиеся волосы были растрепаны, как всегда. Увидев Нину, он широко улыбнулся.

– Я не был уверен, что ты придешь, – моргнув, сказал он.

Марек как будто изумился тому, что Нина стояла там, – словно она появилась из какого-то сна.

– Но ты меня пригласил, – сказала Нина.

– Ну да...

Они еще секунду-другую просто смотрели друг на друга. А потом, в тишине великой ночи, Марек осторожно, медленно протянул Нине руку, чтобы помочь ей подняться, и Нина сжала ее.

В крошечном пространстве кабины они оба просто не знали, что сказать и как себя вести.

– Я... я прихватил закуски, – часто моргая, заговорил наконец Марек.

Нина улыбнулась. Она на этот раз ничего не принесла, думая лишь о том, что в конце концов увидит Марек.

– Звучит заманчиво, – ответила она. – А у нас есть время?

Марек пожал плечами:

– Думаю... все будет в порядке. – Он нежно похлопал по пульта. – Я сообщил в диспетчерскую о технической остановке. Они не против.

– Ладно, хорошо. То есть прекрасно.

Они снова спустились из кабины вниз и устроились на маленькой полянке мягкой травы, сидели они на одеяле, которое Марек расстелил с довольно важным видом. А огромный поезд портил пейзаж за их спинами, но зато укрывал от ветра.

– Вау! – улыбнулась Нина. – Полночный пикник!

Марек торжественно открыл плетеную корзинку и достал блюда, каких Нина никогда в жизни не видела: маленькие мясные шарики, блинчики, пикули... Нина попробовала кое-что, включая острый свежий редис. А еще Марек поставил на одеяло маленькую бутылочку шипучего вина, с соломинкой.

Нина восторженно пискнула.

– Я-то сам не могу пить, пока на поезде, – застенчиво сказал Марек. – Но я подумал, что ты, может быть...

Он с великой осторожностью открыл бутылочку, а Нина хихикала, потому что все это выглядело ужасно глупо, но прекрасно. Марек тоже отпил глоток, изобразив восторг, а потом настоял на том, чтобы Нина попробовала еще что-нибудь из маленьких контейнеров, и Нина решила, что все это великолепно, и они начали болтать о том о сем.

Покончив с едой, оба вдруг замолчали, и Нина заметила, что невольно уставилась на крупные сильные руки Марека, поросшие темными волосками, и думает о его коротких записках, о стихах и о грудях диких цветов. Но теперь Марек неожиданно оказался так близко... Нина гадала, что может произойти, если она просто возьмет его за руку...

Она подняла взгляд на Марека. Он смотрел на нее мечтательными темными глазами, полными надежды. Он пытался выглядеть безразличным, но ему это не удавалось.

Нина позволила своей руке чуть-чуть, почти незаметно, придвинуться к его руке.

И тут же его рука двинулась вперед, и внезапно легла на руку Нины, полностью скрыв ее, и стала нежно ее гладить... Нина слегка качнулась в его сторону, а Марек обхватил ее за талию и притянул к себе так, что она практически оказалась на его коленях. Потом он сжал подбородок Нины и повернул ее лицо к своему, и она вдруг обнаружила, что они целуются! Только тогда Нина осознала, что все то, что она воображала и строила в своих фантазиях, теперь действительно происходит.

Но это было ее последней отчетливой мыслью перед тем, как сильные руки Марека обняли ее, и Нина забыла обо всем, она прижималась к Мареку, отвечая на его поцелуи, и весь окружавший их мир просто перестал существовать.

И вдруг, ошелолив их, на холме вспыхнул ослепительный свет, к переезду с ревом примчался «лендровер». Но шлагбаум был опущен, и водитель яростно нажал на сигнал.

Нина и Марек резко отодвинулись друг от друга, тяжело дыша. Нина посмотрела на автомобиль. Голос, донесшийся из его кабины, был громким и знакомым, он разнесся по всем окрестностям.

– Какого черта здесь происходит?! Угони этот хренов поезд!

Марек вскочил и подбежал к шлагбауму, где перед «лендровером» уже стоял разъяренный Леннокс.

– Простите, у нас техническая неполадка...

– Убери этот поганый поезд!

Нина тоже подошла к шлагбауму.

– О, мне следовало догадаться, что ты в это впутана! – раздраженно воскликнул Леннокс. – Что за чертовщина?!

– Но почему ты такой злой? – дерзко спросила Нина. – Да еще посреди ночи? И куда ты так торопишься?

И только в этот миг она заметила, что Леннокс держит на руках барашка. А его куртка запачкана кровью.

– Что с ним?! – в ужасе спросила она.

– Какой-то дурной пес, – пробормотал Леннокс. – Уроды! Должно быть, спустили его с цепи... Надо было его пристрелить.

– Ты бы застрелил собаку?

– Конечно – если она будет гоняться за моими овцами. Да убери же этот проклятый поезд!

Марек уже сидел на месте машиниста и запускал локомотив. Он с отчаянием посмотрел вниз из кабины.

– Поехали со мной, – сказал он.

Нина посмотрела на него. Она буквально разрывалась... Темные глаза Марека умоляли. Леннокс рычал от нетерпения.

– Я... я не могу, – выдавила она.

Марек моргнул и кивнул.

Они снова посмотрели друг другу в глаза.

– А я должен...

– Я знаю, – не отводя взгляда, ответила Нина.

Она слышала, как Леннокс буквально подвывает от разочарования рядом с ней, – но поезд наконец медленно сдвинулся с места.

И вдруг Нина, едва осознавая, что делает, и сама немало тому удивившись, вскочила на подножку перед кабиной и через окно крепко поцеловала изумленного Марека в губы, одновременно погладив его по щеке. Губы Марека были мягкими и теплыми, и Нине ничего не хотелось больше, чем остаться с ним, – но она понимала, что не может, и когда он снова слегка притормозил локомотив, она легко спрыгнула обратно на землю.

Леннокс вернулся к «лендроверу» и наблюдал за тем, как поезд постепенно набирает скорость. Когда тот миновал переезд, Леннокс бросил на Нину презрительный взгляд и открыл дверцу машины.

Нина побежала к нему.

– Не могу взять тебя с собой, – сердито бросил Леннокс. – Я еду к Кайлу, не забыла?

У барашка, как теперь заметила Нина, была большая рана на боку, и он

жалобно, тихо блеял.

– О! – выдохнула она. – Могу я его взять? Несчастное существо...

– Нет, – резко ответил Леннокс. – Тебе что, мало железной дороги для приключений?

– Почему ты такой злой?

– Потому что пытаюсь спасти жизнь этого животного. Уж извини, если помешал твоей чрезвычайно глупой любовной истории.

– Вот уж тебя-то это не касается! – побледнев от злости, ответила Нина. – Ты мой домохозяин, а не полисмен.

Леннокс завел мотор «лендровера»:

– Ты черт знает для чего останавливаешь поезда, а мне, пожалуй, можно иметь собственное мнение.

Фары «лендровера» осветили остатки пикника, бутылочку шампанского, грустно лежавшую во влажной траве. Оба они уставились на нее.

Леннокс в последний раз повернулся и посмотрел на Нину, дрожавшую от гнева и ночного холода.

– Ты хоть что-то о нем знаешь? – спросил Леннокс. – Потому что я встречал мужчин, которым приходится уезжать далеко и работать долгие одинокие часы. И это всегда... это всегда ради их семей.

«Лендровер» рванул с места и умчался, оставив Нину в одиночестве и ярости.

Нина смотрела на красные огни, таявшие вдали. Чертов проклятый ожесточенный старый брошенный болван! Да как он посмел?! Какого черта суется не в свои дела? Что он может знать?

Ну да, она не слишком расспрашивала Марека о его прошлом, но все шло так чудесно, она просто отдалась романтике событий. Марек никогда не говорил о Латвии, а она и не спрашивала. Нина не хотела думать об этом: о том, что где-то далеко, на холодной заснеженной равнине, в какой-то маленькой деревушке или в советском многоквартирном доме есть люди, ждущие его... Люди, на него полагающиеся.

Нина уже повернулась, чтобы поспешить домой, когда вдруг вернулся «лендровер». Дверца открылась.

– Ну вот, я не могу оставить тебя здесь одну, в темноте, хотя он явно смог.

– Все нормально.

– Да, но тебе также кажется нормальным лазать на гнилые деревья и отплясывать на рельсах, так что уж извини, я не уверен, что твоему

рассудку можно доверять.

Леннокс молча и быстро довез ее до дома, а потом снова уехал с барашком, закутанным в его куртку. Нина не успела даже поблагодарить его.

Заснуть Нина не смогла. Она вспоминала ощущение губ Марека на своих губах. Думала об этом и о его больших сильных руках... Она знала: в душе Марек поэт. Была уверена. Они не могли много общаться, но Нина не сомневалась, что понимает его. А если нет?..

Около четырех утра она увидела, как по крыше дома скользнул свет фар «лендровера», вернулся Леннокс, – но это лишь снова рассердило ее. Она услышала негромкое блеяние, когда открылась дверца машины, потом мягкое бормотание, вызвавшее в ней еще более сильное раздражение. Да, Леннокс бесконечно добрый и нежный – если у тебя четыре ноги...

Нина продолжала сердиться и тогда, когда два часа спустя до нее донеслось кудахтанье кур, – Леннокс приступил к работе. Только тогда она сообразила, что не спала ни минуты. Она была так напряжена – такое с ней не случалось в городе. Нина выползла из постели и целую вечность стояла под душем, – но от этого ей только сильнее захотелось спать. Нет. Пора заняться делами.

Зато Суриндер безмятежно спала на диване, когда Нина побрела к дорожке кофеварке, а потом потащилась к фургону. Погода категорически отказывалась соответствовать ее настроению, солнце сияло с невероятной силой. Нина, поморгав, надела солнцезащитные очки – практически впервые с тех пор, как перебралась сюда.

Глава 22

«Книга для рассерженных» – Нина чуть не рассмеялась, увидев ее, потому что это было как раз то, что она искала: огромный том историй мести и наказаний, от вливания расплавленного серебра в глаза вора до преследования пиратских кораблей.

«Мне плевать, – думала Нина. – Мне плевать на него».

Но ей хотелось снова увидеть Марека, снова целоваться с ним под луной.

Нина вздохнула и посмотрела на наручные часы. Эдвин и Хьюго уже тащились через мощеную площадь, чтобы выпить пива на солнышке, и Нина помахала им. Они бодро махнули в ответ и поинтересовались, не хочет ли она к ним присоединиться. А Нина представления не имела, как объяснить, что она не может пить, потому что: а) она должна вести фургон и б) сейчас всего девятый час утра.

Впрочем, она знала, чего им хочется на самом деле, и нашла это: новейшая запутанная сага с субконтинента, Хьюго просто обожал такие. Это было благодарностью со стороны Нины за все то, что они сделали для нее, помогая купить фургон. Хьюго всегда настаивал на том, чтобы заплатить за книгу, и Нина следила за тем, чтобы на переплете не была обозначена цена, и, поджимая губы, говорила: «Мне ужасно жаль, Хьюго, но она стоит фунт пятьдесят», а Хьюго явно огорчался, и тогда Нина еще больше сбрасывала цену, но он галантно отказывался от скидки. Так что старики получали книги невероятно дешево, таким образом Нина могла их отблагодарить, и все были счастливы.

Эйнсли обычно в это время уже осторожно подкрадывалась к фургону, и хотя Нина каждый божий день тепло приветствовала ее, девушка продолжала вести себя так, словно ее здесь никто не ждал, и слонялась у фургона, как будто прячась. Но сегодня ее не было видно.

Зато появился кое-кто другой. Неряшливая нахальная фигурка в рваной футболке и шортах, из-под которых виднелись ободранные коленки: младший брат Эйнсли.

– Бен?

Мальчик фыркнул. И с вызывающим видом подошел к Нине:

– Эйнсли сегодня не придет.

– Почему?

– Она... это... не знаю.

– Что ж... – нахмурилась Нина. – Это связано со школой?

– Ага.

– У нее экзамены?

– Нет, – покачал головой Бен. – Ей сказали, она не может сдавать экзамены. Она просто жуть как расстроена. Да ведь чушь эти экзамены!

Нина посмотрела по сторонам. На площади пока что не было слишкомлюдно, из-за дурного настроения Нина явилась слишком рано. Она зевнула. Вдали виднелись только несколько стариков, гулявших с собаками, и женщины, отправившиеся за покупками.

– Но почему она не может сдавать экзамены? – спросила Нина. – Это ужасно! Она такая умная девочка!

– Не знаю, – пожал плечами Бен.

Нина подумала.

– Ладно, – сказала она наконец, вспомнив ужас Эйнсли, когда Нина попыталась узнать побольше о ее домашней жизни. – Спасибо тебе большое за то, что пришел и предупредил меня.

Бен продолжал топтаться на месте. Нина видела, что он заглядывает в фургон, таращась на красные и желтые кресла-мешки. Она немного подождала.

– Хочешь войти?

– Не-а.

Нина снова помолчала.

– Ладно.

Но Бен по-прежнему не спешил уйти.

– Думаю, я немножко посижу здесь, на ступеньках, – осторожно произнесла Нина. – Погреюсь на солнышке. И может, немножко почитаю.

Бен снова громко фыркнул.

Нина уже хотела спросить, не нужно ли ему идти в школу, но сообразила, что его, наверное, постоянно об этом спрашивают, и промолчала. Вместо того она просто взяла экземпляр «По крышам» – она продала уже все эти книги, кроме двух, включая ту, которую придержала для себя, – и вышла с ней на ступеньки, прекрасно помня, как читала эту книгу в детстве и как ее охватывало необычное чувство. Нине тогда казалось, что если бы она только встретила правильного волшебного голубя и, следя за собором Святого Павла как за компасом, помнила бы, что север – истина, запад – бодрость, юг – источник, но держать нужно всегда на восток, то все в конце концов обернулось бы к лучшему.

– Восток, всегда на восток, – сказала она вслух, внимательно следя за

Беном.

Он изобразил равнодушие, но и не подумал уйти.

Хэтти, местная женщина, у которой было четверо детей, – Нина уже с ней познакомилась – не спеша подошла к фургону.

– Ох, батюшки, ты уже здесь, так рано! – с восторгом произнесла она.

– Да и ты тоже, – заметила Нина.

– Шутишь? Почти половина девятого! Я четыре часа как на ногах. Так что для меня уже вроде как время обеда. Эван! Прекрати! Оставь в покое собаку! Тидли! Тидли!

Близнецы в коляске дружно взревели. Хэтти никуда не выходила без своих крошек.

– У тебя час чтения?

Хэтти постоянно пыталась убедить Нину устроить час чтения, чтобы оставить у нее всех своих детей, но Нина энергично отказывала ей, бормоча, как некое защитное заклинание: «Здоровье и безопасность!», на что Хэтти однажды грустно ответила:

– Ну, я не против, если ты потеряешь одного из них, у меня все равно останется целая куча!

А потом она засмеялась, пожалуй, слишком визгливо.

Нина моргнула:

– Ну, я могу устроить, если хочешь, но тебе придется остаться.

– Всего один крошечный перерыв? – сказала Хэтти. – Я ничего другого не прошу! Всего один малюсенький перерывчик на сорок восемь часов?

– Мне бы хотелось, чтобы это было по силам моей волшебной книге, – ответила Нина. – Но вообще я могу порекомендовать тебе кое-что совершенно необыкновенное о кругосветном путешествии. Вдруг поможет.

– Ну да! – кивнула Хэтти. – Я буду это читать по две секунды в день, когда получится. Обычно тогда, когда они еще не сообразили, что я заперлась в ванной комнате.

Нина снова села и начала вслух читать «По крышам», и близнецы моментально затихли – не потому, что понимали смысл, а потому, что ровный, ритмичный голос читающего всегда оказывает на малышей такое действие. У Гриффина даже была теория, что дети эволюционно настроены на то, чтобы слушать разные сказки, потому что это мешало им убежать в лес, где их могли слопать страшные звери.

А Нина, читая о том, как трое маленьких героев книги оказались на крыше своего дома, одолев тысячу ступеней, заметила, как нахальный Бен придвигается все ближе и ближе к ней, и вот он уже, скрестив ноги, уселся прямо перед Ниной у ступенек.

Глава закончилась, Нина закрыла книгу, и Хэтти благодарно посмотрела на нее.

– Мне нравится эта книга, – сказала она. – Спасибо. Десять минут покоя и тишины! Это мой рекорд за последнее десятилетие.

Нина улыбнулась. Дети загомонили, требуя продолжения.

– Ох, хорошо, – усмехнулась Хэтти. – Булочная открылась. Пойду и куплю им что-нибудь вязкое, чтобы закрыли рты. А потом придется их купать. Это уж точно займет меня до половины десятого. Кстати, просто так, из любопытства: в котором часу ты вечером открываешь бутылочку вина и когда у тебя перерыв на обед?

– Увидимся потом, – усмехнулась Нина, тактично отводя от книги липкие пальцы.

– Я возьму такую книгу, – решила Хэтти.

После этого у Нины оставался только один, последний экземпляр. Она с сомнением посмотрела на Хэтти.

– Мне она нужна! – заявила женщина.

– Ладно, – кивнула Нина, с неохотой продавая книгу.

Она посмотрела вслед шумной компании.

– А потом? – спросил детский голос у ее ног. – Что случилось потом?

Нина посмотрела на мальчика.

– Ну, много всякого разного, – ответила она.

Бен надулся:

– Я хочу узнать. А есть такое кино?

– Есть, – кивнула Нина. – Но фильм просто ужасный.

– Почему ужасный?

– Дело даже не в самом фильме. Но ты ведь знаешь: когда смотришь кино, ты просто видишь, что происходит, так?

Бен кивнул.

– Ну вот, это совсем другое. А когда читаешь книгу, тебе кажется, что ты и сам там, внутри ее.

– Вроде компьютерной игры?

– Нет, не так, как в компьютерной игре. Игры на компьютере – это весело, но ты ведь просто смотришь на происходящее и нажимаешь кнопки. А чтение – это участие в событиях.

Бен прищурился:

– То есть как будто ты на самом деле там?

– Да, как будто ты на самом деле там. Ты погружаешься в мозг писателя. Остаешься наедине с героями. Только ты и они. И переживаешь то же самое, что и они.

Бен какое-то время молча смотрел на нее, потом пошаркал ногой по мостовой. Пауза затянулась.

– Звучит неплохо...

Нина решила, что ей нужно выпить еще кофе, и налила себе немного из термоса. Потом принесла из фургона «Идем ловить медведя» и взглянула на Бена.

– Хочешь посмотреть?

Бен оглядел площадь, убеждаясь, что на него никто не смотрит и вокруг нет других мальчишек. Потом пожал плечами:

– Ладно.

– Тогда садись рядом.

И они устроились на ступеньках под утренним солнцем и стали медленно смотреть книгу, Бен постоянно ворчал.

Наконец оба встали. У мальчика был такой вид, словно он готов поблагодарить Нину.

– Ты теперь куда пойдешь? – осторожно спросила Нина. – Домой вернешься?

– Может быть, – снова пожал плечами Бен.

Ох, боже... Нина подумала, что ей действительно нужно позвонить в социальную службу. Или еще куда-то. Но Эйнсли так горячо просила ее не делать этого.

– Ты мог бы пойти в школу, – произнесла Нина так мягко, как только смогла: Бен казался ей диким зверьком, готовым умчаться прочь при любой попытке прикосновения. – Ты ведь знаешь. Если хочешь, конечно.

– Там плохие дети, – ответил Бен. – Они зовут меня грязнулей.

Но он действительно был невероятно грязен. Нина вздохнула. И решила, что можно дать Эйнсли чуть больше денег, чтобы она купила брату новую рубашку.

– Ты можешь умыться в кофейне, – предположила она. – Они не станут возражать. А потом пойти в школу. И не обращай внимания на других детей. Какое тебе до них дело?

– Ненавижу школу, – ответил Бен. – Там глупые люди говорят глупости, они твердят, что надо есть овощи и еще всякую чушь.

– Знаю, – согласилась Нина.

Маленькая фигурка ушла через площадь, Нина смотрела ей вслед. Бен не стал заходить в кофейню... А потом появился очередной покупатель. Фермер Макнаб приходил раз в неделю и покупал по четыре космических вестерна – к счастью, в коробках нашлось их множество, на них был ограниченный спрос, так что в ближайшее время не приходилось ждать

новых изданий. Нина пыталась предложить Макнабу настоящие вестерны или космическую оперу, но его это совершенно не интересовало. Поэтому Нина отправила Гриффину электронное письмо с соответствующей просьбой, а сама между тем отчаянно пыталась найти новый источник через Интернет, изучая любое изображение ковбоя в космическом шлеме.

К тому времени, когда она выслушала объяснения мистера Макнаба о том, как некто с помощью нейтронных удил обуздал марсианскую лошадь, Бен уже исчез.

Нина все утро испытывала беспокойство, обслуживая покупателей, – многие из них стали постоянными, и это ее радовало.

– Это ты виновата! – заявила миссис Гардинер.

Она взмахнула толстенным романом о коренной американке – индейской женщине, которая чудесным образом перенеслась во времени и очутилась при дворе Генриха VIII, который тут же предпринял безрезультатную попытку сделать ее своей седьмой женой.

– Это ты меня посадила на всю эту книжную дребедень!

– Вот и хорошо, – кивнула Нина.

Но и тогда, когда в фургон заглянула Суриндер, чтобы утащить Нину на обед, она продолжала думать о Бене.

– Везучая ты... – заговорила Суриндер, присматриваясь к Нине.

Они уселись в маленьком дворике паба и заказали рыбный суп-пюре, с грубым темным хлебом и местным копченым лососем, вкус которого ничуть не походил на ту маслянистую резину, что Нина иной раз покупала в супермаркете, – это вообще было нечто совершенно другое. Этой едой они обе были теперь просто одержимы.

Нина, наслаждаясь солнечным светом и попивая смесь простого пива с имбирным, почувствовала, что ее настроение понемножку поднимается.

– И в чем же мне так везет? – спросила она. – Я что-то ничего такого не чувствую.

– Ну, ты ведь можешь прямо сейчас закончить работу. Разве нет? – сказала Суриндер. – Ты продала уже кучу всего. Можешь пойти домой и подремать.

Такое даже в голову Нине не приходило – она по привычке продолжала работать целыми днями, к тому же невозможно было закрыть магазинчик, если оставался хоть небольшой шанс продать что-то еще. После многих лет службы Нину и саму удивляло то, с каким искренним интересом она вела собственное дело. Она с удовольствием рассматривала свои запасы, ей нравилось подбирать книги по вкусу самым разным людям. Тем же самым Нина с радостью занималась и в библиотеке, но почему-то куда большее

удовлетворение испытывала теперь, когда видела, что люди уходят с книгами, которые сохраняют у себя навсегда.

– О да, – согласилась она.

– А что, разве не так? Ты ведь уже достаточно сделала?

Нина, нахмурившись, рассказала Суриндер об Эйнсли и Бене.

– О боже! – ужаснулась Суриндер. – Ты должна сообщить куда надо.

– Но Эйнсли просила меня не делать этого.

– Да, но ты ведь не знаешь, что там происходит. У них дома может быть по-настоящему ужасная обстановка. Может, там какой-то отчим издевается над детьми? Девочка может страдать стокгольмским синдромом или чем-то вроде него. Дети в этом отношении странные существа: они защищают свою семью, даже если там все давно развалилось.

– Ну да, – кивнула Нина.

– Ладно, а вчера вечером... – сменила тему Суриндер.

– Ох... – Нина опустила голову и рассказала подруге обо всем.

– Ой-ой-ой! – воскликнула Суриндер. – А ведь Леннокс может быть прав. Почему, спрашивается, Марек не пригласил тебя в какое-то нормальное место?

– Леннокс просто скучная задница!

– Или Марек отсылает все свои деньги семье.

Нина промолчала.

– Ладно, пойдем дальше, – продолжила Суриндер. – Как ты думаешь, что может произойти дальше? Марек намерен дерзко унести тебя куда-то в сильных мужских руках?

Нина и на это не захотела отвечать.

– А может, он собирается бросить тебя на пол в кабине локомотива и кое-чем с тобой заняться?

– Тебе незачем выражаться точнее.

– Но ты ведь думала об этом? – Суриндер засмеялась и покачала головой. – Твоя воображаемая жизнь вырвалась из-под контроля, подружка!

Нина почувствовала, что розовеет.

– Знаю...

– Я хочу сказать, это ведь все не настоящее?

Нина вспомнила мягкие губы Марека на своих губах, удивление на его лице...

– Да, – кивнула она. – Но мне так хочется немножко романтики. Разве это плохо?

Суриндер повела плечом:

– Да вокруг романтики хоть отбавляй! Здесь парней в пять раз больше, чем девушек. Можешь выбрать из целого миллиона. А ты безнадежно уцепилась за того, кто пронесется мимо в полночь и не может остановиться. Я не о Мареке. Я о тебе.

Нина почувствовала, как ее лицо само собой становится вызывающим.

– Ха! – отреагировала Суриндер. – Тебе нравится выглядеть слабой, но внутри ты жесткая, как старый башмак!

– Внешность бывает обманчива, – возразила Нина.

– Это не про меня! – заявила Суриндер.

И Нине пришлось допустить, что подруга, возможно, права.

– Послушай, – заговорила Суриндер.

Тон ее голоса заставил Нину вскинуть голову. Она все поняла до того, как Суриндер продолжила.

– Послушай... я должна уехать. Они на этот раз меня всерьез собираются уволить.

Они не спеша ехали домой. Нина вдруг ощутила себя невероятно усталой. И резко остановила фургон посреди дороги.

– Нет! – сказала она. – Тебе действительно нужно?

– Ох, все, чем я здесь занималась, так это ела тосты и доставляла тебе хлопоты, – вполне справедливо напомнила Суриндер. – Я должна вернуться на работу. К тому же я чувствую себя виноватой при виде того, как ты усердно трудишься.

– Но я так рада тому, что ты здесь... А как насчет Гаса?

На губах Суриндер заиграла улыбка.

– Ну... – протянула она. – Приятно знать, что он есть. Но что еще? Понимаешь? Это же просто привлекательный парень, который мне действительно нравится.

Когда они въехали на холм, внизу под ними раскинулась ферма, и каменные стены старого дома золотились на солнце.

– Я буду по-настоящему скучать по этим местам, – сказала Суриндер. – Да, тебе повезло.

– Ты так думаешь?

– Да, – подтвердила Суриндер. – А еще я думаю, что ты нашла именно то, чем тебе следует заниматься, и то место, где тебе следует быть. Ведь большинство людей так ничего и не находят. Им не доводится отыскать что-то в этом роде.

– Но я одинока, – напомнила Нина.

– Ты каждый день заводишь друзей, – возразила Суриндер. – Но не

полагайся на выдуманных дружков, ладно? Познакомься с живыми, настоящими. Здесь их более чем достаточно.

Они увидели Леннокса, шагавшего по полю невдалеке от них.

– Ты можешь даже попытаться закрутить с твоим сексуальным домовладельцем, – предположила Суриндер.

– Он не сексуальный, – возразила Нина.

– Давай посмотрим. Шесть футов два дюйма ростом, стройное тело – как раз из тех, что тебе нравятся, – мускулистый, синеглазый, челюсть как у борца... – Суриндер загибала пальцы, перечисляя. – Спасает новорожденных животных, ходит как настоящий мужчина, имеет шикарный амбар. Нет, конечно, что уж тут сексуального?

– Он не сексуальный, потому что глупый!

– Ну и тот парень, с которым ты крутила в школе, тоже был таким.

– Во-первых, то было в школе, во-вторых, он в тюрьме.

– Что доказывает мою правоту.

Дома Нина грустно наблюдала за тем, как Суриндер собирает вещи.

– А ты... тебя отвезет Марек? – не удержалась она от вопроса.

– Отдыхай! Нет, я другим путем доберусь. Полечу из Инвернесса.

– Инверниша, – рассеянно поправила Нина.

Она уже успела привыкнуть к местному произношению, общаясь с многочисленными покупателями.

– Тебя подбросить?

Тут во дворе фермы раздался сигнал автомобиля. Это был Гас. Суриндер выбежала ему навстречу, обняла его за талию, а тот пылко поцеловал ее. Нина вздохнула, как тут было удержаться? Ей ведь хотелось именно этого... Просто нежного романа. Чтобы кто-то был рад ее видеть. И почему бы не Марек?

– Не уезжай! – просил Гас.

– А ты приезжай в Бирмингем, – предложила Суриндер, бросая свою сумку в багажник внедорожника.

– Ну, не уверен. Я к городам не привык, – ответил Гас. – И куда я дену свою собаку?

– К любимым городам?

– К любимым. Там гулять негде. Слишком много людей на дороге.

Они снова поцеловались, и Нина вышла, чтобы попрощаться.

– Уговори ее вернуться, – попросил Гас.

Его смешные веснушки на солнце стали еще ярче.

– И поскорее! И навсегда!

– Я не могу ее заставить сделать хоть что-то, – улыбнулась Нина.

– Ну, извини, но это не для меня, – сказала Суриндер, высываясь из окна машины. Она коснулась руки Нины. – Это твое место. Честно. Думаю, ты здесь как дома.

– Значит, я никогда больше не омрачу твой дом своим присутствием? – усмехнулась Нина.

– О господи, да тебе просто придется! Мы еще не до конца разобрались с твоими чертовыми книгами!

Глава 23

Летние каникулы означали множество детских книг и больших, толстых летних романов – и рыцарских, и более серьезных, потому что люди находили наконец время для себя, чтобы прочесть книги, которые давным-давно собирались прочесть. А Нина вдруг пристрастилась к классике.

Когда она разъезжала по маленьким городкам, люди постоянно рассказывали ей, где они собираются провести отпуск и что намерены прочесть, и она раздавала рекомендации направо и налево. Ее так часто спрашивали, собирается ли она на праздник летнего солнцестояния, что она уже стала задумываться об этом.

И еще Нина позвонила в социальную службу насчет Эйнсли и Бена – чувствуя себя при этом чудовищно виноватой, – и ей ответили, что детей внесут в список, но у них такая очередь, что заняться ими прямо сейчас невозможно.

Нина пыталась осторожно расспросить Эйнсли об экзаменах, но девушка тут же надулась и четыре дня не появлялась в фургоне. Нину пугала мысль, что она может потерять и Эйнсли тоже, так что больше ничего такого говорить не стала, она просто подсовывала девушке побольше денег, насколько могла себе позволить.

И еще многое было у нее на уме. В особенности маленькая записка, оставленная на ветке старого дерева в прекрасной резной деревянной шкатулке, записка была короткой:

Пожалуйста, приходи.

Нина не знала, как ей быть. Она не хотела упускать постоянных покупателей, терять хлопотливые дни продаж.

С другой стороны, ей хотелось побывать в своем прежнем доме, проверить, покажется ли он ей изменившимся или нет, и, конечно, повидать Суриндер – все в деревне то и дело спрашивали о ней, подруга явно произвела здесь впечатление, а Гас тосковал и покупал кучи книг об одиноких бродягах, ведущих преступную жизнь на дорогах. А еще Гриффин писал о кое-каких книжных запасах, которые должны были поступить на аукцион в Бирмингеме. И Нина наконец набралась достаточно храбрости, чтобы совершить долгое путешествие в фургоне.

Но больше всего ей хотелось снова увидеть Марека. Ей так этого хотелось... Она только о нем и думала.

В общем, она решилась. Надо было бы сообщить Ленноксу, что она уезжает на несколько дней, но Нина не увидела его и потому подумала, что это не имеет значения, ему ведь все равно. Но она купила косточку для Парсли, чтобы тот ее не забыл.

Странно было вновь очутиться в городе. Нина поняла, что уже привыкла к тому, что в деревне все ее узнавали и знали все и о ней самой, и о ее бизнесе. Скорость, с которой это произошло, была удивительной и весьма трогательной. Так приятно, когда тебя окликали по имени на почте или в банке и готовы были в любую минуту помочь.

Суриндер, крепко обняв Нину, тут же нахмурилась.

– Это просто чудовищно! – заявила она. – Здесь слишком жарко, и на каждом клочке травы прогуливаются жуткие жирные мужики с жуткими жирными руками, и все словно натянули на себя одежду для малышей. Брюки в три четверти! Сандалии! Волосатые пальцы на ногах! Кошмар! Я так скучаю по Шотландии!

– Как-то здесь странно пахнет, – заметила Нина. – Или я просто не замечала этого раньше?

– Да, я тоже обратила внимание, – согласилась Суриндер. – Когда вернулась. Это мусорные баки, протухшая еда и плохой воздух.

Вскоре они отправились на прогулку. Асфальт был липким от жары. Воздух – горячим и неподвижным. Люди бесцельно сидели на крылечках перед домами. Паб на углу был переполнен желающими выпить, они громко разговаривали, кричали. Везде было полно людей, и жарко, и душно...

– Я уже отвыкла от такого количества людей, – нахмурилась Нина. – Их здесь уж слишком много!

– Да, точно, – согласилась Суриндер. – Может, наш филиал откроют в Кирринфифе? Только не думаю, что смогла бы ездить на работу так далеко.

– Да уж, верно, – улыбнулась Нина. – Нам там только этого и не хватало – чтобы огромный город устроился прямо у нас под носом. Но ты могла бы переехать в Перт.

– Это вряд ли, – вздохнула Суриндер. Тон ее голоса изменился. – Я не такая храбрая, как ты, Нина. Я не смогла бы резко бросить все и начать новую жизнь. И как же моя матушка?

– Она тебя поддержит, – предположила Нина.

– Да, но вряд ли я и в самом деле смогу так поступить.

Гриффин приветствовал их в переполненном баре, энергично замахав рукой. Без бороды он выглядел странно, и еще на нем была глупая футболка с изображением енота и нелепая круглая шапочка.

– Гриффин!

Он подошел к девушкам с тремя бутылками сидра в руке и обнял сразу обеих.

– О, слава богу! Старушки мои! Ура! – Гриффин отодвинул Нину на расстояние вытянутой руки и всмотрелся в ее лицо. – Что это с тобой произошло? Ты изменилась!

– Ничуть, – возразила Нина. – Если не считать того, что я теперь много бываю на открытом воздухе.

– Нет, – покачал головой Гриффин, – не в этом дело. Ты выглядишь... у тебя румянец на щеках.

– Я что, растолстела?

– Нет. Но ты кажешься... окрепшей.

– Да пошел ты, Гриффин!

– Ну да, звучит как-то не так, но я ничего такого... Ты кажешься... сильнее. Более солидной. Не такой воздушной.

– Ну, знаешь, я тебе не фотография из журнала «Назад в будущее»!

– Я сам не понимаю, что говорю. Не обращай внимания. У меня голова забита работой. А ты выглядишь прекрасно. Более чем прекрасно.

И Нина по взгляду Гриффина поняла, что он действительно так думает.

– И ты тоже, – сказала она, хотя Гриффин казался слегка свихнувшимся.

Он явно пытался как-то подстроиться под свою крутую молодую команду. Даже уши проколол.

– Как работа?

Гриффин скривился и сделал огромный глоток сидра.

– Не начинай, – попросил он. – Так приятно тебя видеть, но если ты сейчас начнешь болтать о том, какая у тебя теперь прекрасная жизнь и как ты сама планируешь свои дни и раскатываешь с прелестной книжной лавкой по окрестностям, я покончу с собой!

– Ладно, – кивнула Нина. – Все ужасно.

– Неправда. Суриндер мне все рассказала. Она говорит, там все прекрасно и живописно, и когда она снова получит отпуск, то опять поедет туда.

– Или просто прогуляю службу, – вставила Суриндер.

– А почему бы и тебе тоже не приехать? – спросила Нина.

– Нет, – покачал головой Гриффин. – Если там настолько хорошо, мне этого не вынести. Да я и не могу. Я должен каждое утро являться на работу в семь, там я сразу начинаю рыться во всяких документах, потом хожу на какие-нибудь совещания по поводу новых путей развития, потом возвращаюсь и занимаюсь компьютерами – они постоянно ломаются из-за перегрузки, а еще мне нужно учить девятистолетних олухов пользоваться этими компьютерами из-за того, что все сельские банки закрылись и люди просто не могут получить свои деньги. Похоже на то, что целое поколение выброшено в мир, которого оно не понимает и в котором ничто не имеет смысла, а им твердят: учитесь работать на клавиатуре или умрете с голода. – Он отпил еще сидра. – А помнишь, как было забавно, когда в библиотеку приходили дети?

– Да ты же ненавидел эти детские дни! – рассердилась Нина. – Дети всегда оставляли отпечатки липких пальцев на твоих Фрэнках Миллерах!

– Ну да, я так говорил, – подтвердил Гриффин.

– Так и было. Ты их терпеть не мог!

– Но то было истинным раем по сравнению с тем, что я имею сейчас. Это было прелестно! Люди приходили, чтобы поговорить или выбрать книгу, поделиться чем-то... А теперь они приходят потому, что они в отчаянии. Не имея Интернета, они отрезаны от мира, либо их лишили помощи, и они теперь не могут свести концы с концами, и нет никого, кому было бы до этого дело! Потому что они отрезаны, отрезаны, отрезаны! Я библиотекарь, но теперь я помощник по компьютерному делу, а заодно психолог и советник по социальным вопросам. Да еще у меня девятнадцатилетние помощники, которые рыдают в туалетах из-за того, что не чувствуют себя самореализованными.

Нина молчала. Она просто не знала, что сказать.

– Тебе нужно переехать туда, – заявила Суриндер.

– Ага, и тебе тоже! – рявкнул в ответ Гриффин. – Вот только мы не такие крутые, как Нина!

Нина вовсе не ощущала себя крутой, но и возражать не стала.

Наконец они вышли из паба. У стены сбоку назревала драка, и какая-то девица с чрезвычайно светлыми волосами топталась рядом, желая поучаствовать в событиях.

На углу группа подростков шумно и громко ссорилась, никто никого не слушал, все они выглядели агрессивными и встревоженными. Люди входили в бар, выходили из него. Нина осознала, что снова напряжена. Сердце стало биться быстрее, ее буквально ошеломяло огромное

количество людей вокруг, запах тяжелой усталости, гул автомобильных сигналов, визгливые голоса и весь этот вечерний пятничный шум летнего уик-энда.

Нина подумала о том, как может закончиться этот вечер: перепуганные девушки, крики на улицах, завывание сирен машин экстренной помощи... и предательски подумала, что лучше бы Суриндер поскорее захотелось вернуться домой.

Но ей не пришлось ждать долго. Гриффин перебрал и впал в сентиментальность, похоже было, что он готов заплакать. Но тут вдруг невеста откуда появилась целая толпа симпатичных молодых людей, весело хихикавших, и так уж вышло, что один из них работал с Гриффином и окликнул его.

Гриффин мгновенно преобразился и стал бодрым и жизнерадостным, он начал бросать выражения вроде «парадоксального рефлекса» и «это же элементарно, это основа!».

Суриндер и Нина переглянулись и по обоюдному желанию быстро ускользнули.

Они медленно возвращались домой сквозь сырой и теплый вечер, а вокруг них сгущалась тьма.

– А ведь еще совсем светло там... – Нина сообразила, что чуть не сказала «там, дома». И быстро закончила: – На севере.

Они прошли мимо двух котов, сцепившихся на какой-то стене, а сверху из окна кто-то злобно кричал на них, желая, чтобы коты заткнулись. Из окна следующего здания разносилась громкая ритмичная музыка. Там тоже кто-то из соседей орал, требуя тишины. По дороге пронесся автомобиль с опущенным верхом, – пронесся слишком быстро, и из него тоже неслась оглушительная музыка. Ехавшие в этой машине громко хохотали, потом освистали группу женщин, шедших в противоположную сторону.

– Вот так у нас... – вздохнула Суриндер. – Наверное, не терпится вернуться?

Нина покачала головой:

– Я собираюсь сначала набить битком фургон, а уж после, думаю... когда дела здесь будут закончены. Я только что купила гору всего на аукционе.

– Не знаю, в чем тут дело, – сказала Суриндер. – Я ведь думала, там окажется нечто вроде ледяной пустыни... Думала, что я вроде как навещу тебя и посмеюсь над мужчинами в юбках, а еще выясню, что такое хаггис^[1], и, может быть, спою какую-нибудь патриотическую песню из репертуара группы «Проклэймерс»...

– Эти песни прекрасны! – возразила Нина.

– Да ты уже становишься туземкой! – заявила Суриндер. – Это глупо.

– Но они действительно прекрасны.

Ясно было, что Суриндер еще не высказалась до конца.

– Но все оказалось... оказалось совсем не так, – медленно продолжила она.

Полицейский вертолет осветил ночь и наполнил воздух грохотом.

– Там... там есть нечто особенное. Что-то такое, что тебя захватывает. Эти большие поля, и солнце, которое как будто никогда не заходит, и то, как люди заботятся друг о друге...

– Ну, нам приходится, – напонила ей Нина. – Там же на шестьдесят миль вокруг не найти парамедиков и спасателей.

– И кажется, там ты можешь дышать свободно... как будто все эти нелепые повседневные проблемы и тревоги больше ничего не значат. И что у тебя действительно появилось время задуматься над своей жизнью, понять, чем ты хочешь заняться, вместо того чтобы просто нестись с работы в бар на свидание с очередным болваном.

– А еще там все мужчины сексуальны, – улыбнулась Нина.

– И это тоже, – с усмешкой согласилась Суриндер. – Если тебе нравятся веснушки. Мне нравятся.

– Так возвращайся вместе со мной. Места там хватит.

Суриндер выразительно покачала головой. Они уже входили в калитку перед ее маленьким домом с террасой. Кто-то оставил прямо на верху низенькой стены кучку. Девушки одновременно посмотрели на нее и вздохнули.

– Кстати, ты назначила свидание своему темноглазому иностранцу?

Нина беспокойно дернула плечом:

– Я оставила ему записку. Надеюсь увидеть его завтра ночью. – Она достала свой телефон. – Жду, что он со мной свяжется современным способом.

– Ха! – хмыкнула Суриндер. – Да ты посмотри на себя! Ты же воспринимаешь только то, что написано на бумаге.

– Нет, это не так, – возразила Нина.

Но на самом деле ей трудно было оставить их тайный почтовый ящик, отказаться от волнений и романтики...

– К тому же он ничего мне не написал.

– Может, и написал, только ты сама стала настолько средневековой, что не в состоянии разобраться в собственном телефоне.

Нина показала ей язык:

– А вот возвращайся к нам и живи со мной!

– Не могу, – ответила Суриндер. – Я слишком труслива. Я не могу бросить работу, не могу оставить ипотеку и все прочее. К тому же чем мне там заняться? Там ведь не нужны гениальные администраторы, сама знаешь.

– Уверена, ты что-нибудь найдешь.

– А если нет? И придется получать гроши за работу, которая мне противна. Я и сейчас ненавижу свою работу, но мне хорошо платят. А ты сколько заработала?

Нина поморщилась:

– Ну, не слишком много.

– Вот! Ты никогда не сможешь купить какую-то собственность, или отправиться путешествовать, или приобрести новую машину.

– У меня есть фургон!

– Конечно. И он тебе нравится. Ты всем довольна. А я на такое не способна. – Суриндер уставилась на свой маленький заросший палисадник. – Выпьем чая?

Нина обратилась за помощью к своим преданным друзьям, и те снова откликнулись на ее призыв. Гриффин явился на следующее утро, вид у него был похмельный и слегка пристыженный, и, как отметили обе девушки, на нем была та же футболка, что и накануне вечером. Как оказалось, он закрутил с одной из девушек из той компании и теперь отчасти смущался, а отчасти невероятно гордился собой. Нина не совсем это одобряла, но ей все же нравилось то, что Гриффин как будто слегка воспрянул духом.

– Хотя я и не знаю, как теперь лучше с ней связаться, – сообщил он, пытаясь изобразить пристыженный вид, когда Нина заказывала для всех кофе и роскошный завтрак. – Эсэмэску написать или что?

Нина думала о том, что до сих пор не получила сообщения от Марека. Возможно, он передумал. Просто забыл о ней. Решил, что они зашли слишком далеко. Она пыталась успокоить свои пальцы – они как будто сами собой каждую пару секунд хватались за телефон.

– Отправь ей через «Инстаграм» фото чашки кофе, – предложила Суриндер. – Если, конечно, она что-то поймет.

Гриффину это понравилось.

– Точно, так и сделаю.

Склад аукциона располагался в старом сыром строении под сводами

заброшенной железнодорожной станции.

Хранитель что-то коротко проворчал и кивнул, когда Нина показала ему документы. Внутри лежали огромные груды книг с домашних распродаж. Там стояли коробки, коробки... Нине хотелось бы усесться среди них и открыть одну, другую, но у нее не было на это времени, она должна была вернуться к работе. Но после подсказки Гриффина она, прежде чем внести плату, тщательно просмотрела списки онлайн и достигла цели. Многие скупщики библиотек старых имений искали прежде всего редкие первые издания, но Нине нужны были хорошие экземпляры современных книг для продажи. Списки ее не разочаровали: груды недавних романов и документальных сочинений, которыми владели прежде аккуратные читатели, не перегибавшие в обратную сторону переплеты. Нине определенно повезло.

День снова стоял жаркий и влажный, асфальт буквально таял на дорогах. И странным казалось то, что можно было выходить на улицу без куртки. Нина так к этому привыкла, что теперь ей как будто чего-то не хватало.

Нина ощутила на затылке чей-то взгляд, и что-то ее кольнуло еще до того, как она его увидела. Она повернулась: Суриндер и Гриффин весело перебранивались в полумраке помещения. Сначала он был просто некоей темной фигурой, медленно шагавшей по дороге. Но потом он стал виден отчетливо, и Нина вскочила.

– Марек? – недоверчиво произнесла она.

Он улыбнулся своей неторопливой, ленивой щенячьей улыбкой и протянул к ней руки:

– Я пришел.

– Но как ты...

– Твоя подруга Суриндер – она говорит, тебе сегодня нужна помощь. Она нашла меня. – Голос Марека смягчился. – А когда Нине нужна помощь, я прихожу.

Нина моргнула. Она слишком ярко помнила, как целовала его, помнила его нежные губы на своих губах, и как ей отчаянно хотелось прижаться крепче к его большому, как у медведя, телу.

Нина поняла, что краснеет.

– Я так рада видеть тебя...

Марек подошел ближе, чтобы поцеловать ее, но угодил ей в ухо, и к этому времени появились Гриффин и Суриндер. Суриндер хлопнула Марека по спине, а Гриффин поздоровался со слегка подозрительным видом, и если бы Нина обратила на это внимание, она сообразила бы, что,

невзирая на молодых леди, с которыми Гриффин знакомился в барах, ему все еще не до конца безразлично, с кем встречается Нина.

– Как там Джим? – спросила Нина.

Но Марек в ответ лишь улыбнулся и пожал плечами. В фургоне уже лежали остатки книг, хранившихся в доме Суриндер, и они начали перетаскивать туда большие коробки из-под чая, набитые книгами.

Нине не терпелось заглянуть в них, потому что она уже заметила старые томики детских сказок, обернутые в тонкую бумагу, и печать в виде золотого листка на обложках, и новенькие переплеты. По состоянию книг можно было предположить, что владелец этого собрания, кем бы он ни был, просто покупал все подряд, не заботясь о том, будут эти книги прочитаны или нет. Нина гадала, каково это: иметь такую кучу денег, чтобы покупать десятки книг, не думая о цене.

Нина то и дело замечала какую-то книгу, в которую ей хотелось погрузиться немедленно, но она держала себя в руках до тех пор, пока не была закончена основная часть работы. Возвращение в Шотландию со всем этим грузом должно было стать воистину нелегким трудом для водителя, но зато теперь Нина была обеспечена товаром на многие месяцы.

Потом они отправились в какой-то маленький парк и с некоторым трудом нашли для себя местечко, не заваленное всяким мусором, где могли посидеть и съесть мороженое, купленное в лавке на колесах у входа в парк, – мороженщик включил на всю громкость радио, чтобы привлечь к себе внимание.

Вокруг гуляли мужчины без рубашек, они проходили так близко, что Нина ощущала запах их лосьона после бритья. Солнце жгло голову, и Нине хотелось, чтобы подул хотя бы легкий ветерок.

Гриффин улегся на живот, по телефону обмениваясь сообщениями со своей новой подружкой, смеясь при этом немного истерично и уж точно слишком громко, как подумала Нина. Наконец он вскочил и заявил, слегка вытаращив глаза:

– Прошу прощения, важный звонок... точнее, это Джуди...

И все вежливо улыбнулись.

Потом Суриндер посмотрела на Нину и спросила:

– У тебя ведь остались ключи?

Когда Нина кивнула, Суриндер заявила:

– Отлично, тогда я пойду немножко развлекусь... увидимся позже. Но не слишком поздно!

Нина чмокнула ее в щеку и посмотрела подруге вслед: та грациозно пробиралась сквозь толпу в парке и между горами мусора, которые

оставались здесь в каждый погожий день, когда солнце начинало слегка клониться вниз по небосклону. Нина почувствовала, как ее сердце забилось еще сильнее, и посмотрела на Марека: он опустил голову, не глядя на Нину. Оба молчали.

– Э-э-э... – протянула наконец Нина, чувствуя, что обязана хоть что-то сказать. – Как... как у тебя дела?

Марек повернулся к ней, пристально посмотрел:

– Нина... Пойдем погуляем.

Нина встала. Она видела, что Марек так же нервничает, как и она сама, но эта мысль, вообще-то, ее ничуть не утешила. Они пошли под удлинявшимися тенями деревьев парка, вышли за ворота, к каналу, по которому лениво скользили лодки с туристами. Вокруг за столиками перед барами и ресторанами сидели люди, кто-то выгуливал собак или громко говорил по телефону, не глядя, куда идет. В общем, это была обычная городская суeta в жаркий летний день.

Но Нина полностью сосредоточилась на руке Марека, висевшей вдоль его бока, и гадала, следует ли ей взяться за эту руку. Казалось странным то, что они шли рядом при дневном свете, как обычная пара на свидании. Нина бросила на Марека быстрый взгляд. Он тоже посмотрел на нее, и Нина улыбнулась.

– В эту сторону, – тихо сказал Марек, и Нина удивленно повернула вместе с ним.

Они очутились на боковой улице. Нина вдруг совсем занервничала, но Марек улыбнулся, и она успокоилась. А потом задохнулась от изумления, когда улочка вывела их на маленькую зеленую площадь. Нина никогда прежде ее не видела. На самом деле эту площадь невозможно было найти, если не знать заранее, где она находится. Ее окружала ограда с калиткой, над которой красовалась небольшая доска с надписью: «Сад общины Крейгхарт». Табличку явно написали от руки несколько детишек, украсив ее рисунками бабочек и цветов.

За изгородью красовались грядки с капустой и морковкой. Бабушки и парочка детишек пропалывали их тяпками, их мелодичная болтовня наполняла вечерний воздух, но, кроме них, людей вокруг почти не было. Гудели толстые шмели, ощущался аромат поздней жимолости, которую кто-то посадил сбоку, рядом с цветочными клумбами.

– Ой! – выдохнула Нина. – А я и не знала об этом месте! Оно великолепно! Такое прекрасное!

– Как и ты, – просто сказал Марек, увлекая ее в уединенный уголок площади, в сторону от грядок.

Нина заглянула в его темные глаза. Это был самый чудесный вечер в ее жизни.

– Нина... – снова заговорил Марек, беря ее за руку. – С тех пор, как я приехал в эту страну... так далеко, и здесь все было такое чужое... Но я встретил тебя... ты такая умная, добрая и нежная, моя Нина! Как же мне нравится получать от тебя сообщения, а в ответ посылать тебе разные мелочи!

Нина заметила, что невольно слегка склоняется к нему.

– Я... я живу в одной комнате с другими мужчинами. Это так тяжело! Я работаю ночами, а днем не могу спать, потому что нет тишины, и я постоянно грустен и тоскую... Ах, как же я тоскую по дому и по своему маленькому сыну, так тоскую! Здесь трудно, люди недружелюбны, и все так дорого. Но ты, Нина, сделала для меня куда больше, чем представляешь, ты так много сделала для моего счастья...

Марек взял ее за руку, но Нина вдруг застыла. Она отдернула руку, как будто ее укусили.

– У тебя есть маленький сын? – спросила она, тут же подумав, что предположение этого чертова Леннокса, похоже, могло оказаться правдой.

– О да! – вздохнул Марек, явно не поняв нового тона в голосе Нины. – Давай я покажу тебе его фото.

– И он живет со своей матерью? – задала Нина новый вопрос, все еще осторожно пытаясь выяснить, не разведен ли он. Это ведь случается?

Марек достал из внутреннего кармана старый потертый бумажник.

– Вот. – Он вытащил фотографию.

Мальчик был полной копией Марека, с такими же щенячьими глазами и длинными темными ресницами. Рядом с ним сидела очень красивая, стройная светловолосая девушка, застенчиво улыбающаяся в объектив фотокамеры.

– А это кто?

Нине казалось, что ее сердце вот-вот выскочит из груди.

– Это мой сын, Арас, – ответил Марек со слезами в голосе. – А это Брония.

Нина прищурилась на снимок:

– Твоя жена?

– Нет-нет... моя подруга. Мать Араса. Она живет с моей матерью.

Марек на мгновение потупил взгляд.

– Но вы все равно вместе?

– Что ты имеешь в виду? – недоуменно спросил Марек.

– Вы – пара?

– Да. Но я работаю здесь уже больше года. Так далеко от дома! И я так одинок, Нина. Так одинок! Но я встретил тебя, и вдруг... как будто солнце вошло! Мне теперь есть с кем поговорить, и кому написать, и о ком думать...

– Но ты пишешь и домой?

– Да, я звоню домой каждый день. Но что им сказать? Я зарабатываю деньги. Мне грустно. Им грустно. Моя мать и моя подруга ссорятся. Арас вытворяет всякое, а меня там нет. Он начал говорить, а меня там не было. Я звоню, но они все там, всем им грустно, и они сердятся, а я сижу в той комнате с другими мужчинами. А из дома мне говорят: «Ох, Марек, ты что, постоянно торчишь в барах? Тебя вечно нет ночами, ты развлекаешься, а мы сидим тут, и нам нужно больше денег!» – Марек умолк на мгновение. – Это так тяжело, Нина!

Нина сглотнула. Ее чувства развернулись на сто восемьдесят градусов, от гнева и замешательства – к бесконечной жалости.

– Но разве ты не... разве тебе не приходило в голову, что я, возможно, не захочу иметь друга, у которого есть женщина и ребенок? У тебя есть семья, Марек! Разве я могу встать у них на пути?

– Не знаю, – пожал плечами Марек. – Здесь все по-другому, наверное? Вообще по-другому? – В его голосе послышалась надежда.

– Нет, не по-другому, – покачала головой Нина, готовая разрыдаться. – Я не... Я не из тех, кто...

– Но я и не думал о тебе так! – перебил ее Марек. – Никогда так о тебе не думал! Ты всегда была особенной, Нина. Такой особенной. Непохожей на других девушек.

Теперь его щеки покраснелись, он по-прежнему держал в руке открытый бумажник. Нина осторожно коснулась его пальцев:

– Ох, Марек...

Он бросил на нее долгий взгляд, и надежда в его глазах медленно угасла.

– Мне так жаль... – пробормотал он. – Мне жаль. Мне не следовало думать...

– Именно, – кивнула Нина, стараясь удержать слезы. – Не следовало. Надо было соображать.

Марек все так же смотрел на нее.

– Когда ты поцеловала меня там, в поезде, я был так счастлив...

Нина качнула головой:

– Думаю, тебе нужно вернуться домой, Марек. Там ты будешь счастлив. Дома.

– Когда заработаю побольше денег. Когда смогу заботиться о своей семье и найти хорошую работу по специальности. Я должен делать то, что делаю. Это значит быть хорошим человеком.

Нина осторожно обняла его.

– Мне кажется, ты очень хороший человек, – сказала она. – И думаю, у тебя все будет в порядке.

– Я не хороший человек, – грустно возразил Марек.

– А ты думай об Арасе, – предложила Нина. – Думай о том, как он нуждается в тебе и как тебе нужно увидеть его.

– Я знаю, – кивнул Марек. – И как только смогу водить поезда в Латвии, вернусь домой.

Они пошли дальше, бесцельно, мимо старых женщин, игравших с внуками, потом вернулись на шумную жаркую улицу.

– Но мне будет этого не хватать, – сказал Марек. – Не Бирмингема, нет. И не мужчин в одной комнате со мной... Это все ни при чем. Я буду скучать по Шотландии. Там пахнет, как дома, дожди, ветер в траве и звезды над головой... Буду скучать по всему этому. И по тебе.

На его лице отразилось такое отчаяние, что Нине захотелось взять его под руку. Но они уже приблизились к тому месту, где она оставила набитый книгами фургон.

– Мне пора, – сказала Нина.

Марек кивнул. Его лицо вытянулось, весь он как будто отяжелел от грусти.

– Хочешь, чтобы я и дальше привозил тебе книги?

– Нет, – ответила Нина. – Я должна... Ты уже очень помог. Но у тебя могут быть неприятности. Ты слишком рисковал из-за меня. Слишком. А я была эгоистична и напрасно не обращала на это внимания, и нужно было раньше расспросить тебя о твоей семье. Мне говорили, что нужно это сделать, а я не слушала. Я сама виновата.

– Твоей вины тут нет, – возразил Марек. – Я должен был сам это сделать.

Суриндер валялась на диване, когда Нина вернулась вся в слезах.

– А я тебя предупреждала!

– Знаю. Знаю, что предупреждала. Просто я... слишком многое о нем выдумала.

– Читаешь слишком много.

– Я его воображала чем-то вроде затерявшегося романтического героя...

– Он не затерялся, он водит поезда.

– Ты прекрасно поняла, что́ я имела в виду. Мне так этого хотелось... Хоть раз. Такое ведь случается? Случается нечто хорошее?

– Мне искренне жаль, ты знаешь. – Суриндер села. – Знаю, он тебе нравился. И мне он понравился.

– Мне нравился тот, кого я воображала.

– И ему безусловно понравилась ты. Искренне. Люди очень редко без причин рискуют огромными грузовыми поездами, если только им кто-то не понравился.

– Думаю, он ухватился бы за любую, проявившую к нему доброту.

– Вряд ли. Мужик хорош собой. Он может пойти в любой бар и выйти с женщинами, которые прилипнут к нему, как репейники. Думаю, он тоже романтическая душа. Вы оба мечтатели.

– Ну, теперь уже слишком поздно, – вздохнула Нина. – У него ребенок и подруга, а отсюда вытекает все остальное.

Суриндер крепко обняла ее:

– Мне жаль. Правда, жаль. Как было бы мило, если бы у вас что-то получилось!

– Знаю, – уныло откликнулась Нина. – Знаю...

– Но посмотри на все по-другому: не он один восхищался тобой. Подумай о Гриффине.

– Гриффин восхищался мной просто потому, что никого другого рядом не было. А Марек, скорее всего, предполагал, что до меня легко добраться.

– Нет, это не так. Хотя ты могла бы попробовать...

– Эй, заткнись!

– Ты действительно хочешь уехать прямо сегодня? – Суриндер посмотрела на часы. – Ты же теперь сама себе начальник.

– Я должна ехать, потому что движение сейчас будет небольшим, а мне придется сидеть за рулем много миль. К тому же мне необходимо вернуться к работе и заработать реальные деньги, чтобы заплатить за бензин и время от времени за бутылочку пино гриджио. Вот так!

Суриндер внимательно посмотрела на нее:

– Нет. Это не мешает тебе ненадолго задержаться здесь и выпить на прощание. Я куплю закуски.

– Нет, – повторила Нина. – Я не хочу об этом думать. Хочу вернуться домой, включить погромче радио и вообще никогда больше не видеть никаких поездов.

Она поцеловала Суриндер, крепко обняла ее, попросив как можно скорее снова приехать на север. Суриндер, обнимая ее в ответ, заявила, что

приедет, когда в Бирмингеме похолодает, потому что тогда будет все равно, где мерзнуть, и велела Нине больше не сходить с ума, если получится.

– Ты просто поищи что-нибудь реальное, настоящее, – шепнула она. – Что-то настоящее!

Проезжая в шумный субботний день мимо железнодорожного депо, Нина посмотрела на длинные поезда, стоявшие на запасных путях, и не удержалась от слез. Неужели с ней никогда такого не произойдет? Все остальные встречают кого-то, но когда ей это довелось, тут же оказалось, что она познакомилась с чужим другом, или же, скорее, увидела некую идею человека, а не его самого.

«Поищи что-нибудь реальное», – сказала Суриндер.

Но как она найдет, если даже не представляет, что это такое?

Глава 24

– Ты готова? – спросила Лесли, женщина из местной бакалейной лавки.

Лесли сначала весьма презрительно отнеслась к книжному магазинчику и к советам Нины, высказывая большие сомнения насчет всего этого предприятия. И хотя уже становилось очевидным, что ее предсказания краха не осуществляются, ей все равно нравилось приходить и, неодобрительно фыркая, рыться в книгах. Однако Нина почему-то была полна решимости найти что-то такое, что понравится Лесли.

Пока что история, рыцарские романы, комедии и жуткие истории о похищении детей не имели успеха. Настоящие преступления пробудили мимолетный интерес, но ничто не заставляло Лесли восторженно воскликнуть: «Да! Это та самая книга, которую я искала, она может изменить мою жизнь!» Ее, похоже, вообще мало что радовало.

– Готова к чему? – спросила Нина.

На складе аукциона в Бирмингеме, где хранились книги, лежал также огромный рулон коричневой оберточной бумаги. Нина спросила сторожа о ней, и тот ответил, что она никому не нужна, он вообще не имеет к ней отношения, так что Нина этот рулон тоже погрузила в свой фургон. Она теперь стала настоящим мастером упаковки книг – для подарка, или просто для того, чтобы донести до дома, – она перевязывала пакеты дешевым фермерским шпагатом, которого в городе было в избытке.

Лесли прищурилась:

– К воскресенью, конечно!

– Не-а, – ответила Нина. – А надо?

– Сколько ты уже живешь в этой деревне?

– Десять минут.

– Так вот, это же летнее солнцестояние, англичанка паршивая! Ночь середины лета. Праздник!

– Что-то все только и говорят, что об этом празднике.

– Ты кто, язычница или как? Каждый год в самый длинный день проходит праздник, это всем известно. И если не польет дождь, будут танцы, вечеринки и так далее. А если будет дождь – все это будет в амбаре Леннокса.

– Ну, тогда и мне лучше пойти, – сказала Нина. – Я ведь там живу.

– Ай, знаю я! – фыркнула Лесли. – Все это знают. Как он поживает,

бедняга?

– Бедняга? – пробормотала Нина. – Ну, он... он очень груб и неприятен, ты и сама должна это знать.

– Ага, – кивнула Лесли. – Но ему пришлось пережить ужасное время из-за этой его Кейт.

– А что она собой представляет?

– Сплошная напыщенность, – сообщила Лесли. – Такая шикарная! На тебя не похожа.

– Большое спасибо, – усмехнулась Нина.

– Ей все здесь не нравилось. Жаловалась на паб и на стариков, которые постоянно сидят то внутри, то снаружи.

Нина подумала, что в этом она, возможно, могла и согласиться с Кейт.

– Жаловалась на наш городок, говорила, что здесь нечем заняться.

– Да здесь куча дел! – удивилась Нина.

И это было правдой. Нельзя было пройти по улице без того, чтобы не наткнуться на что-то. То какой-то праздник, то выступление хора, то школьная ярмарка, то две местные команды сражались в нечто вроде хоккея на траве – это была шотландская игра «шинти». Жизнь просто бурлила, что изумляло в таком небольшом поселении. Чем дольше Нина здесь жила, тем более она понимала, что все это потому, что здесь нет развлечений больших городов, а еще потому, что погода не всегда благосклонна к людям, так что им приходится в долгие зимние вечера и в трудные дни полагаться только друг на друга. Это была настоящая община, а не просто ряды домов, где люди случайно оказались живущими по соседству. Все было по-другому, Нина просто не осознавала этого прежде.

– Ну ладно, – сказала Лесли. – Тебе, может, вечеринка и не понравится. А здесь, похоже, ничего для меня не найдется.

Нина как раз достала книгу, которую хорошо знала. Она посмотрела на Лесли, трудившуюся день и ночь, – Лесли жила прямо над своей лавкой – похоже, одна – и всегда злилась на то, как обошлась с ней жизнь. Нина немножко подумала.

– Попробуй это, – мягко предложила она, протягивая ей экземпляр «Разбитого сердца».

Женщина одарила обложку подозрительным взглядом.

– Не думаю...

– Ты просто полистай эту книжку и скажи мне, что думаешь о ней. – Нина понизила голос, чтобы ее не услышал кто-нибудь еще. – Если не понравится, платить не нужно.

Для нее это уже стало вопросом профессиональной гордости: найти

что-то такое, что удовлетворит Лесли. Лесли выглядела женщиной, которая явно нуждалась в правильной книге. А Нина была горячо убеждена, что такая книга существует для каждого.

– Ненавижу этот самый длинный день! – заявила Эйнсли.

Она с живостью набросилась на новые коробки с книгами и распаковывала их крайне почтительно, испуская радостные восклицания при виде каждой новенькой блестящей обложки, драгоценного раннего издания или неповрежденного переплета. Это оказалась изумительная коллекция. Нина пообещала девушке, что она сможет брать кое-что просто почитать, если будет аккуратно обращаться с каждой книгой.

– А почему, что случилось?

– Потому что все наряжаются в разные глупые наряды и бегают вокруг, поют и танцуют всю ночь, как последние идиоты, – вздохнула Эйнсли. – Это же чушь!

– Серьезно? Вообще-то, звучит довольно мило.

– Ну, это не так. Не понимаю, почему бы людям не оставаться дома и слушать свою любимую музыку, а не эти дурацкие волынки и трубы.

– Трубы?

– Да, огромные длинные трубы! А еще барабаны и всякое такое. И потом они разжигают огромные костры. Это уж и вовсе глупо.

– Но вам лучше туда пойти, – сказал доктор Макфарлан, врач общей практики.

Он стоял рядом и буквально облизывал губы, наблюдая за тем, как Эйнсли открывает большие коробки, – ждал, а вдруг в них окажется какой-нибудь мрачный американский гангстерский роман двадцатых годов, который он еще не читал.

– Все ведь идут, – добавил он.

– Ну да, это главная причина делать что-то, – закатила глаза Эйнсли.

Нина краем глаза заметила, что в фургон прокрался Бен. Она держала свой последний экземпляр «По крышам» возле кассы, чтобы Бен мог его взять, и увидела, как мальчик схватил книгу, уселся поудобнее и стал, шевеля губами и проводя пальцем по строчкам, читать то, что было написано на задней стороне переплета. Нина улыбнулась и решила пока что ему не мешать.

– А что за наряды? – спросила она.

– Ой, ну, знаете... парни в килтах, как обычно, но девушки... они выглядят просто скандально, – ответил доктор Макфарлан.

Нина прожила в Шотландии уже достаточно долго, чтобы понять: это

комплимент. С тех пор как она начала работать в книжном магазине, она и сама стала одеваться по-другому. Нина посмотрела на Эйнсли: девушка сегодня подвела глаза ошеломительным пурпурным карандашом, что контрастировало с глазами. Нина сочла это хорошим знаком. Эйнсли начинала приходить в себя, Нина решила не упоминать об этом. Она уже сделала новую попытку поговорить с Эйнсли об экзаменах, но девушка тут же опять замкнулась.

– Вот это великолепно!

Доктор Макфарлан внезапно выхватил из стопки одну книгу – на обложке красовалась девица, которую схватил пришелец с лучевым ружьем.

– О да, вот это!

– Ой, погодите, я еще с ценой не определилась! – возразила Нина. – Вы слишком торопитесь.

Но доктор уже протянул ей какие-то деньги и добавил:

– С нетерпением жду вас сегодня вечером!

– А мне можно пойти? – жалобно заныл Бен, когда Эйнсли потащила его прочь.

– Нет! – ответила она.

Рабочее время шло незаметно, но вот возвращаться в пустой амбар, где уже не было Суриндер, чтобы взбодрить ее, не предстояли уже полуночные прогулки, и ни к чему было думать о стихах и маленьких веселых рисунках, подвешенных на ветку дерева... это было по-настоящему нелегко.

В течение дня Нина видела много, очень много людей, но потом ее ждали бесконечные белые ночи, они тянулись и тянулись, и надо было приказывать себе ложиться в постель в половине одиннадцатого, будь снаружи хоть день, хоть ночь... Нине казалось, что эти часы давят ее тяжким грузом.

Она больше не получала вестей от Марека и не ходила на переезд, чтобы проверить, оставлено ли там что-нибудь. Она не хотела этого знать. Но чувствовала при этом, что Марек и сам понимал, насколько далеко они зашли и как близки были к тому, чтобы совершить чудовищную ошибку.

А может, он и не понимал этого, как-то вечером подумала Нина, когда ей вдруг стало особенно сильно жаль себя. Возможно, он просто счел ее вольной британской девицей, отказавшей ему, и теперь уже занялся кем-то другим. Возможно, он и вовсе о ней не думает. Нина вздохнула. Ей становилось еще хуже при мысли о том, что Гриффин и Суриндер были

уверены: ей в Шотландии невероятно хорошо. От этого казалось, что обратной дороги нет, даже если бы вдруг захотелось вернуться. Чего Нина, впрочем, не хотела. Но какой же одинокой она себя теперь ощущала!

Продолжая вздыхать, Нина включила свой весьма неторопливый Интернет и открыла свою страницу в «Фейсбуке». Открыть эту страничку ее заставила Суриндер, и Нине поначалу казалось, что это нелепая идея, но на самом деле страничка оказалась очень полезной, теперь любой мог узнать, куда именно Нина поедет в тот или другой день, так что людям было легче ее находить.

В дополнение к этому Нина получила сообщение от кого-то, назвавшегося «Библиотека Оркни», – конечно, это не настоящее имя, решила Нина. В сообщении говорилось, что если Нине захочется расширить сферу своей деятельности, местные посетители также были бы рады разъездному книжному магазину, в дополнение к тому, что уже есть в Керкуолле. Нина с улыбкой смотрела на это письмо. Она уже чувствовала себя слишком удаленной от остального мира, Оркни явно находился на самом краю света. На всякий случай она сохранила сообщение.

В дверь амбара постучали. Нина озадаченно оглянулась. К ней мало кто заходил, разве что иногда заглядывали местные дети, которым просто позарез нужны были – и немедленно – новые «Гарри Поттеры», «Мэлори тауэрсы», «Нарнии», и Нина, как правило, могла их выручить.

Нина открыла дверь. К ее удивлению, за ней оказалась Лесли из бакалейной лавки.

– Привет, – сказала Нина. – Э-э-э... Привет. Я могу быть чем-то полезна? Фургон сейчас, вообще-то, закрыт, но если тебе что-то нужно...

– Нет, – ответила Лесли. – Послушай, я просто хотела сказать... Я дочитала ту книгу, которую ты посоветовала.

По щекам Лесли почему-то сползали слезы.

Нина посмотрела на часы:

– Ого! Быстро ты справилась.

«Разбитое сердце» было отважным зовом из самой глубины души некоей брошенной женщины, написанным на самом краю пропасти, в которую она по очереди швыряла все мирское, медитируя на его смысле. Книга захватывала откровенностью и остроумием. Тот факт, что автор впоследствии отчаянно влюбилась в издателя своей книги и вышла за него замуж, только прибавлял ей популярности, – в целом эта книга заслуживала мировой славы.

– Это... Она так точно все ухватила. В точности как это переживается...

Нина смотрела на наглухо застегнутую женщину, с которой так долго пыталась наладить отношения, и изумлялась – не в первый раз – тому, какие эмоциональные бури могут кипеть под самой строгой внешностью. Ведь, глядя на Лесли, вы могли видеть просто хозяйку лавки, женщину средних лет, тихо и спокойно ведущую свои дела.

Но то, что Лесли так остро сопереживала незнакомой американке, которая в жгучей тоске бродила по горным склонам, а потом сменила пол и вышла на луну вместе с волчьей стаей, изумляло. Да, в каждом человеческом существе скрывается целая вселенная, такая же огромная, как Вселенная вокруг него. А книги, насколько знала Нина, и иногда музыка – это наилучший способ сломать барьер, соединить внутренний мир с внешним, – слова действуют как проводник между двумя вселенными.

– Это просто фантастично! – тепло улыбнулась Нина. – Я очень рада. Хочешь войти, выпьем по чашечке чая?

– Нет-нет, – покачала головой Лесли. – Мне нужно делами заниматься. Я только насчет того, что говорила...

– Говорила о чем?

– Да о том, что тебе не понравится летний праздник. Думаю, я ошибалась. Тебе нужно пойти.

Нина снова улыбнулась.

– Нет, сегодня мне необходимо как следует выспаться. Не могу привыкнуть, когда совсем не темнеет.

– Не глупи! – Лесли бросила на нее строгий взгляд. – Это же раз в году! А ты – молодая одинокая девушка! Все одинокие люди должны там быть, это закон!

– Вот как? – удивилась Нина. – Ты серьезно?

Она все еще чувствовала себя слишком оскорбленной после истории с Марексом и определенно не была расположена куда-то выходить и снова общаться с людьми.

– Я не уверена, что готова к такому.

Лесли нахмурилась.

– Знаешь, – сказала она, – я зря потратила молодые годы на того человека. Мы поженились в двадцать один год, были знакомы еще в школе. И все шло нормально, пока мне не исполнилось пятьдесят. Я никогда и не думала о других мужчинах. Ну да, Боб был настоящей свиньей, но я всегда полагала, что все они таковы. Я вообще об этом не задумывалась, уверена была, что по-другому не бывает. И вот представь: он ушел! А для меня было уже слишком поздно...

– Ничего для тебя не поздно! – возразила Нина.

Лесли закатила глаза:

– Да я вся в морщинах, от макушки до старых волосатых пальцев на ногах, и работаю я день и ночь! Ничего более жестокого он и придумать не мог! Нет бы бросить меня раньше, когда у меня еще был шанс встретить кого-то другого, когда во мне еще оставалось немножко женских соков! Я и та женщина, что написала эту книгу, – мы обе знаем, что к чему. Но все равно я не жду, что меня выберут королевой летнего солнцестояния и наденут мне на голову корону. А вот ты...

Лесли извлекла из-за спины пластиковый мешок для одежды.

– Вот, – сообщила она. – Тебе должно подойти. Я тоже когда-то была тощей, как ты.

– Я не тощая! – рассердилась Нина.

– Леннокс говорил, что если бы ты была одной из его овец, он бы бросил тебя в холмах, – усмехнулась Лесли.

– Он говорил... что?

Нина разъярилась, но Лесли, не слушая, продолжала совать ей мешок.

Нина посмотрела на помятый пластик:

– Честно говоря, я не думаю... Вряд ли я смогу.

– Вот что, – вскинула брови Лесли. – Ты переехала в этот город. И все получилось куда лучше, чем можно было ожидать, признаю. Но ты здесь не только для того, чтобы получать деньги за книги. Ты теперь жительница Горной страны. А нам приходится держаться вместе. Что мы и делаем. Поэтому и ты не можешь быть в стороне. Вокруг множество людей, которые много и тяжело работали, чтобы этой ночью всем было хорошо, ты просто в долгу перед ними и должна прийти и поддержать их.

– Об этом я как-то не подумала, – искренне ответила Нина.

– Бери! – Лесли снова сунула ей огромный пакет. – Сегодня будет самая прекрасная ночь! Наслаждайся каждой ее секундой. Покажи всем, что ты теперь местная.

– Поверить не могу, что меня шантажом вынуждают пойти на вечеринку, – проворчала Нина.

Но легкое волнение все же охватило ее.

Когда Лесли ушла, Нина осторожно расстегнула мешок для одежды – и замерла от восхищения.

Платье было белым, но ничуть не походило на свадебное. Оно было шифоновое, очень простого фасона, с высоким воротом, в талию и с пышной юбкой до колен. На платье лежала очаровательная светло-зеленая клетчатая лента. Но что действительно заставило Нину удивиться, так это

корсет из темно-зеленого бархата, отделанный кружевом, — его явно полагалось надевать поверх платья.

Да, это выглядело по-настоящему прекрасно. Нина никак не могла сообразить, что ей напоминает платье, но наконец вспомнила иллюстрации из старой книжки «Белоснежка и Алоцветик» издательства «Ледибёрд букс». Нина улыбнулась и положила платье на кровать.

Сейчас ей хотелось, как никогда, чтобы здесь оказалась Суриндер. Подруга сочла бы все это неописуемо веселым. Нина посмотрела на часы. Семь вечера. Праздник начинался в восемь. Нина прикусила губу. Теперь, после того как Лесли отдала ей свое платье, получалось, что она непременно должна пойти... Нина, а возможно, и весь ее бизнес могли оказаться в сложном положении, если бы она не появилась на празднике... Теперь ей нужно было подумать о том, как подготовиться.

Выяснилось, что Лесли ничуть не ошиблась насчет размера. Нина быстро приняла душ и помыла волосы, после чего распустила их, не связав за спиной, как делала всегда. Они, конечно, были слишком длинными и непослушными, но тут уж ничего не поделаешь. А потом через голову надела белое платье. Оно село на нее так, словно его сшили на заказ, и ощущалось куда более легким и эластичным, чем Нина ожидала. Его явно шили специально для танцев. Затем Нина втиснулась в корсет. Он закрыл ее талию и грудную клетку, а вот грудь осталась над ним.

Нина с некоторым недоверием изучила себя в зеркале. Обычно, из соображений удобства, она предпочитала бесформенную одежду. Но это платье, в сочетании с плоскими туфлями, было невероятно удобным. Но оно также выглядело чрезвычайно провокационным по сравнению с ее повседневными нарядами.

Нина вдруг испугалась, что никто другой не оденется так же, что это просто какой-то грубый розыгрыш, чтобы смутить чужачку. Потом она вспомнила, что говорил о прелестных девушках доктор Макфарлан, и решила, что такое вряд ли возможно. Или все-таки да?

Нина покраснелась, восхищаясь собственным отражением. Корсет превратил ее талию в нечто неземное, а грудь, вообще-то небольшая и не слишком впечатляющая, красовалась над ним... Стоит ли удивляться, что в прежние времена женщины постоянно носили корсеты, подумала Нина. Она ради пробы покружилась на месте, улыбаясь самой себе, — и тут вдруг заметила, что в дверях кто-то стоит.

Она в ужасе, задохнувшись, повернулась — и с запозданием сообразила, что это Леннокс.

В первое мгновение он просто бессовестно таращился на нее. Потом

опомнился.

– Извини! Извини! – воскликнул он, вскидывая руки и пятясь назад. – Дверь была открыта...

Нина оставила ее распахнутой после ухода Лесли, чтобы гостиную немного продуло ветерком.

– Ты меня жутко напугал!

– Прошу прощения, извини... Я не из тех домохозяев... Ты только не подумай...

– Все в порядке, – усмехнулась Нина. – Я просто растерялась, оттого что меня застучали, когда я прихорашивалась.

Леннокс снова посмотрел на нее, но как-то нервно, как будто делал что-то неправильное.

– Значит, ты идешь на праздник?

– Нет! – рявкнула Нина. – Я так одеваюсь, когда мне хочется расслабиться!

Леннокс неожиданно расхохотался.

– Вообще-то, – сказал он, – тебе это очень к лицу.

– Вот только не надо болтать, как полоумный!

– Я и не... Ты прекрасно выглядишь! Как будто наконец-то сбросила свой кардиган.

– Я не ношу кардиганы!

– Твой метафорический кардиган, библиотечный. Как будто... – Для Леннокса речь была слишком длинной, он стал сбиваться. – Ты всегда словно громозишь вокруг себя что-то, стараешься выглядеть меньше и незначительнее. Чем ты есть на самом деле.

Нина моргнула.

– Как будто не хочешь, чтобы тебя замечали, – закончил Леннокс.

– Это на тот случай, если кому-то вдруг захочется бросить меня на склоне холма.

Во взгляде Леннокса отразилась озадаченность.

– Не понял?

– Не важно.

Он тут же развернулся, чтобы уйти. Но, пройдя полпути, остановился около фургона и снова повернулся.

– Ты не можешь ехать туда на этом чучеле. Хочешь, подвезу?

– А ты идешь? – удивилась Нина.

– Придется, если я хочу, чтобы люди в этом городе продолжали покупать у меня шерсть, – фыркнул Леннокс. – Нет выбора, черт побери!

– Ладно, тогда все в порядке, – улыбнулась Нина. – Может, на этот раз

ты начнешь танцевать немного раньше.

Леннокс растерянно наморщил лоб, он, похоже, совершенно забыл о танцах в амбаре.

– Я и не думал об этом, – проворчал он, направляясь к дому. – Зайду через двадцать минут.

– У тебя два килта? – с удивлением спросила Нина, глядя на Леннокса, появившегося через двадцать минут.

Она пыталась умирить свои волосы, но безуспешно, и в конце концов просто скрутила их в два жгута, уложив на голове на манер диадемы.

Но она совершенно не представляла, что делать с зеленой лентой. Однако теперь заметила, что она такого же цвета, как килт Леннокса: светлого, серовато-зеленого.

– А у тебя две пары джинсов? – огрызнулся Леннокс.

Он тоже помыл волосы, и они лежали мягкими завитками, не прячась, как обычно, под фуражкой. И еще Нина снова обратила внимание на ширину его плеч, не скрытых под старой курткой, и на его худощавое, но крепкое тело... Леннокс не был чересчур мускулист или слишком тощ. Нет, пропорции были отличными. А серо-зеленый тартан подчеркивал синеву его глаз.

– Да, но...

Нина решила, что продолжать разговор в этом направлении бессмысленно.

– А где твоя лента?

– Ну... я не знала, что с ней делать.

– А потому даже не попыталась? Неси ее сюда.

Стоя у «лендровера», Леннокс серьезно и аккуратно прикалывал ленту к бедру и плечу Нины. Когда он выпрямился, они вдруг оказались до неловкости близко друг к другу, и Нина заметила, что сдерживает дыхание. Она тут же сделала себе мысленный выговор и открыла дверцу, чтобы забраться на переднее сиденье, – но тут же отступила, потому что там уже развалился Парсли.

– А что, Парсли увлекается танцами?

– Ему нравятся вечеринки, – пожал плечами Леннокс. – Куда больше, чем мне, должен заметить.

– Мне сесть сзади?

– Не болтай глупостей. Эй, парень, туда!

Пес тут же перебрался назад.

Нина обернулась и ласково почесала Парсли за ушами.

– Ты просто чудо, парень!

Парсли лизнул ей руку. Леннокс оглянулся.

– Ты уж слишком сентиментальна с этим псом.

– Он ведь такой симпатичный!

«Симпатичнее, чем ты того заслуживаешь», – подумала Нина, но вслух ничего не сказала.

– Кейт тоже постоянно твердила, что он слишком хорош для меня, – заметил Леннокс, явно прочитав ее мысли.

Они молча ехали по изрезанной колеями дороге. На ней оказалось куда больше машин, чем обычно, – то есть обычно здесь их вообще не было, – и почти все направлялись в сторону Коран-Мор. Машины были битком набиты веселыми возбужденными людьми, включая, слава богу, множество белых платьев и девушек, которые буквально торчали из корсетов. Нина смотрела в окно, поскольку Леннокс, как всегда, разговаривать не желал. Вечер был ясным и мечтательным, по небу лишь кое-где проплывали пухлые облачка.

– А как твой машинист? – совершенно неожиданно сдавленным голосом спросил Леннокс.

Нина изумленно уставилась на него:

– Не поняла...

– Я имел в виду, он приедет?

– Э-э-э... Нет. Разумеется, нет! Это было... это не...

Леннокс бросил на нее быстрый взгляд:

– Не совсем то, что ты воображала?

В машине наступило долгое молчание.

– Он... ну, оказалось, что у него уже есть семья. – Нине противно было признавать это, произносить вслух. – Только это совершенно тебя не касается.

Леннокс опять замолчал, похлопал по голове пса, протиснувшегося между двумя передними сиденьями.

– Извини, – сказал он наконец. – Я не должен был спрашивать. Но у меня было насчет него какое-то неприятное чувство... или предчувствие. Возможно, из-за того, что он не хотел смотреть мне в глаза.

– Может быть, он просто счел тебя раздражительным и неприятным? – предположила Нина.

– Я совсем не такой! – явно удивился Леннокс.

– Ну да, конечно, ладно! – громко фыркнула Нина.

– Мне приходится много работать, вот и все. Людям может казаться,

что нет ничего сложного в том, чтобы управлять большой фермой, но это черт знает какой труд! – Он поймал взгляд Нины. – Что?

– Ничего.

– Что такое?

– Никто не думает, что фермерское дело легкое. Но я видела Фэта Тама в пабе, он отлично там веселился, да и другие фермеры не отстают. Множество людей трудятся до седьмого пота, но это не делает их несчастными.

– Да, – немножко подумав, ответил Леннокс. – Полагаю, это так. Наверное... последние несколько лет... – Он снова замолчал, глядя на яркие зеленые холмы, пробежавшие мимо. – Последние годы... были трудными. И как будто... не знаю, поймешь ли ты, что я имею в виду... но я как-то сжался... и это стало привычкой... – Он посмотрел на собственный килт. – Но теперь-то я выбрался наружу?

Нина весело покосилась на него:

– Не знаю. Может, ты собираешься всю ночь просидеть у бара со злым видом?

– Я так не делаю!

– Делал на танцах в том амбаре! Ты почти весь вечер проболтал с тем мужчиной и ни на кого не обращал внимания.

– Ох да, тот вечер... – вздохнул Леннокс.

– Ох да, тот вечер! – передразнила его Нина. – Честно говоря, учитывая множество общественных событий, которые здесь происходят, я совершенно не понимаю, как кто-то может удержаться в стороне от всего.

Леннокс прищурился и сосредоточился на дороге.

– Ага, я помню.

Нина смотрела на него, ожидая разъяснений. И Леннокс наконец продолжил:

– Это был мой адвокат, Раналд. – Он вздохнул. – Он хотел поговорить со мной с глазу на глаз. – Леннокс крепче сжал рулевое колесо. – О господи... Извини, Нина! Я не хотел тебе говорить... до тех пор, пока не выясню все до конца. Я пытался как-то это решить, но не думаю, что смогу. Мне очень жаль говорить тебе это, особенно сегодня, но я... Я, вообще-то, зашел к тебе, чтобы сказать...

Нина смотрела на него не отрываясь. Леннокс покраснелся.

– Кейт хочет получить ферму. Или чтобы я ее продал.

– Что?! – ужаснулась Нина.

Она подумала о дорогих гардинах, о прекрасных вещах, подобранных столь тщательно, о заботе, которая отражалась во всем. Конечно же, это

сделал человек с очень хорошим вкусом, умеющий видеть красоту предметов, так неужели он готов просто взять и все разрушить?

Нина осознала вдруг, насколько она эгоистична. Дело было в том, что там теперь жила она сама... И все это не имело никакого отношения к происходившему с Ленноксом.

– О нет! – воскликнула Нина. – Она не может отобрать у тебя ферму!

– Она старается, – возразил Леннокс.

– Но разве это не семейная ферма?

– По сути, это не имеет значения. Кейт и я ведь были одной семьей. Какое-то время. – Он опять умолк.

– Но разве у нее нет работы?

– Это не важно, – хмыкнул Леннокс.

– Но ведь она сама от тебя ушла?

– И это не важно.

– Что же ты будешь делать, если останешься без фермы?

Леннокс несколько раз быстро моргнул.

– Не знаю... – протянул он. – Начну сначала, наверное. Наймусь к кому-нибудь.

Нина не могла представить себе Леннокса в роли наемного работника.

– Этого не может быть! – зло бросила она. – Я ведь вижу, как ты много трудишься.

– Ну а юристы, похоже, не берут это в расчет.

Они медленно продвигались по ухабистой дороге, и Нина понимала, что настроение у них обоих совсем не праздничное. Но она должна была спросить.

– Но почему вы расстались? – тихо произнесла она. – Она действительно влюбилась в кого-то или это был только предлог?

Молчание затянулось.

– А разве это не очевидно? – сказал наконец Леннокс.

– Что? Что ты ворчливый старый балбес?

– Э-э-э... нет, я не то хотел сказать, – возразил Леннокс, откровенно задетый.

– А что?

Снова последовала пауза.

– Кейт чувствовала себя здесь похороненной, – заговорил наконец Леннокс. – Ей казалось, что я обещал ей нечто другое, нечто большее. Но это не так. Я ничего не обещал. Я ничего другого ей не предлагал. Она знала, с чем имеет дело. И думала, что все будет в порядке, что она сумеет справиться с уединенной жизнью. Но не сумела. – Он долго смотрел на

позолоченные солнцем холмы. – Здесь очень долгие зимы, знаешь ли... Это трудно, очень трудно быть фермерской женой. Не всем подходит.

– А как вы познакомились? – спросила Нина.

– Я учился в сельскохозяйственном колледже в Эдинбурге, а она – в художественной школе. – Леннокс улыбнулся. – Ты должна была уже это понять.

Нина вскинула голову:

– Так почему она согласилась приехать сюда? Если ей на самом деле хотелось жить в городе и быть крутой художницей?

– Она думала, здесь ей будет хорошо работать. Что уединение необходимо для того, чтобы стать по-настоящему великой художницей.

Нина подумала о созерцательных картинах на стенах ее жилища.

– О! – вздохнула она. – Так это ее работы! Те картины. Мне и в голову не приходило...

Она снова представила себе темные, сумрачные холсты, так контрастировавшие с комнатой.

– Ну да, – подтвердил Леннокс. – Она не хотела их вешать. Это я сделал. Я думал... думал, это ее взбодрит.

– И как?

– Никак. Но мне они казались прекрасными.

– Так и есть! – пылко согласилась Нина. – Они действительно прекрасны. Но почему... зачем ей понадобилось отбирать у тебя ферму? Просто потому, что она ее возненавидела?

– Думаю, на самом деле Кейт приходится тяжело, – предположил Леннокс. – Художнику нелегко продержаться в городе. Там все слишком дорого. Кажется, она немного дает уроки, но... даже представить не могу, чтобы ей это нравилось. Совершенно не для нее занятие. И она твердит, что это только мне на пользу, что я должен выбраться из колеи, в которой застрял, – так ей кажется, – и что мне незачем так много трудиться, а следует найти дело попроще.

– Может, в чем-то она и права, – пробормотала Нина.

Леннокс посмотрел на нее:

– Ты действительно так думаешь?

– Я ведь вижу, как ты мили и мили шагаешь через холмы.

– Но это мое дело, – растерянно нахмурился Леннокс. – Это не служба, а образ жизни. Мой образ жизни. Я знаю, ей он не нравился, но это ведь не моя проблема. Мне это нравится. Я бы не смог... Черт, да не смог бы я целыми днями сидеть в какой-нибудь конторе! Работать на компьютере? Нет, для меня это стало бы настоящей пыткой. Я не художник, как она, и я

не такой умный, как ты, это ты умеешь разбираться в том, кому что нужно. Я на такое не способен.

Нину отчаянно смутил комплимент.

– Я думаю, ты все это смог бы, – проговорила наконец она. – Если я чему-то и научилась в последнее время, так это тому, что сам ты не узнаешь, на что способен, пока не попробуешь.

– Но я люблю свое дело! Я люблю эту землю!

– Должен быть какой-то выход. Должен быть способ остаться здесь.

Леннокс хмыкнул, потом протянул вперед руку. Они уже поднялись на холм, под ними раскинулась долина, по которой бежала железная дорога.

Нина отвела от нее взгляд. Она посмотрела на вершину следующего холма, где уже собралась огромная толпа, там стояли полосатые палатки и ярко раскрашенные киоски. Оттуда доносился шум, напомнивший Нине о стуке дождевых капель по крыше, но по мере того, как они приближались, она начала понимать, что на самом деле это барабаны. Нина всмотрелась. Группа молодых мужчин, в килтах, но без рубашек, с измазанными грязью телами, колотила в огромные боураны и запускала ракеты. Время от времени один из них закидывал голову назад и завывал.

– Черт побери! – воскликнула Нина. – И там все вот так будет?

Леннокс в первый раз улыбнулся по-настоящему. У него была обаятельная улыбка, от которой возле глаз собирались морщинки.

– Ну да, и много другого, – ответил он. Но тут же его лицо снова помрачнело. – Прости, что мне пришлось сообщить тебе о возможном выселении.

Нина моргнула.

– Да все в порядке, – сказала она. – Вообще-то, я... получила еще одно предложение.

Брови Леннокса взлетели вверх.

– В самом деле? – осторожно спросил он.

Нина нервно сглотнула. Ей не хотелось покидать Кирринфиф, действительно не хотелось. Но ей не хотелось, чтобы Леннокс стал чувствовать себя еще хуже.

– Ну, ты сначала разберись с Кейт, как получится, – предложила она. – А обо мне не беспокойся.

«Лендровер» остановился рядом с другими машинами, уже припаркованными в поле. Леннокс посмотрел на Нину и кивнул:

– Ладно.

Но в его глазах все равно светилась тревога.

– Я серьезно, – сказала Нина.

Леннокс вышел из машины, потом машинально обошел ее, чтобы помочь Нине выйти. А она уже почти забыла, какое на ней платье, – выбраться в нем из «лендрове́ра» оказалось не так-то просто. Леннокс протянул свою длинную жесткую руку, и Нина приняла ее.

– И куда ты намерена перебраться? – спросил он, когда Нина соскочила на землю.

– В Оркни! – беспечно бросила она.

Леннокс замер на месте.

– В Артни? – спросил он, произнося название на местный лад. – Ты собираешься в Артни? Здесь для тебя недостаточно уединенно?

– Ну, если здесь не найдется для меня жилья, другого выхода нет, – напомнила Нина.

– Ох! – выдохнул Леннокс. – Ну да...

Они неловко топтались на месте. Барабаны звучали все громче и громче, потом ветер донес пронзительный звук волынок. По небу мчались облака, маленькие, пушистые, они неслись так, словно за ними кто-то гнался. Нина услышала детский смех.

– Ты уверен, что я правильно одета? – спросила она.

Леннокс оглядел ее с головы до ног.

– Ты велико... – Он умолк на полуслове. – Знаешь что? – чуть помолчав, произнес он. – Мне очень хочется выпить. Присоединишься?

– Выпить? А как насчет всех твоих ягнят?

– Мои ягнята резвятся и жуют чертополох. А сегодня летнее солнцестояние, что означает: человеку необходимо выпить, ты разве не знала?

И тут, словно по сигналу, здоровенный толстый мужчина возник перед ними с большим рогом в руках. Нина его узнала – это был местный почтмейстер, но сейчас он был вымазан красной краской и опутан гирляндами из цветов и фруктов, спадавшими с его обширных плеч.

– Бахус! Бахус явился! – закричал мужчина. – Поклонитесь богу летнего солнцестояния!

– Что это такое? – с подозрением спросила Нина.

– Это ночь середины лета! – выкрикнул мужчина. – Мы будем веселиться и творить чудеса! Вода превратится в вино, а цветы укажут дорогу! С вас пять фунтов.

– Это не ответ на вопрос, – подчеркнула Нина.

Но все равно осторожно сделала глоток из рога.

Напиток показался ей немного странным – это было нечто вроде вина, приправленного малиной, но он освежал, пузырился и радовал. Нина

передала рог Ленноксу, который тут же хлебнул как следует и протянул толстяку десять фунтов.

А Бахус продолжал кричать:

– Скорей, скорей, включайтесь в веселье! Но и не забывайте поддержать ваше почтовое отделение!

Потом подошли три молодые девушки, обычно они болтались возле автобусной остановки в деревне с таким видом, словно весь мир им не нравился, и жаловались на все подряд. Но теперь на девушках были белые платья, и они держали грудю цветочных венков. Один они предложили Нине.

– Ну, не знаю... – усомнилась Нина.

– Это в поддержку местного отряда девочек-скаутов, – сообщила одна из девушек.

Нина повела глазами.

– Когда идешь на праздник летнего солнцестояния, нужно как следует набить карманы, – усмехнулся Леннокс. – Вот, надевай.

Нина наклонила голову и позволила ему уложить венок на ее волосы.

Но конечно же, это был наипрекраснейший праздник. Вокруг носились детишки, девушки с венками на головах и в развевающихся на ветру платьях, и везде-везде цветы. На мальчиках были такие же килты, как на их отцах, и свободные белые рубашки, и у каждого за подвязку чулка был заткнут маленький кинжал.

За воротами, у которых они купили входные билеты, красовалась большая стенка с аркой, сплошь увитая летними пионами и розами. Ленноксу пришлось нагнуться, чтобы пройти под ней, а дальше перед ними открылась невероятная картина.

На самой вершине холма взвивалось в воздух пламя большого костра, трещавшего и стрелявшего искрами. Вокруг гудели в дудки музыканты, добавляя шума к грохоту барабанов, а в центре толпы возвышалось нечто, что в Англии Нина назвала бы майским шестом, хотя этот странный предмет совсем не походил на изящные сооружения, которые она помнила с детства.

Он был больше, шире... собственно, это был грубо отесанный ствол большого кривого дерева – здесь его называли «кейбер», – его обвивали гирлянды зеленых листьев и виноградная лоза. К дереву подходили парочки, обматывали гирлянды вокруг запястий, связываясь вместе, а потом бежали вокруг ствола, пока гирлянда не раскручивалась, – все хихикали и целовались, а потом гирлянды снова вешали на дерево и

церемония повторялась. Похоже, эту конструкцию сооружали много дней.

Потом вдруг появилась некая громадная фигура, напугав Нину и кое-кого из детей. Нина не сразу поняла, что это зеленый человек на ходулях. Он был сплошь покрыт листьями и выглядел так, словно был настоящей частью леса, – он командовал барабанами, выстраивал и организовывал пары, – в общем, представлял собой церемониймейстера.

Загудело еще больше труб на фоне плача волюнок. Нина буквально впивала звуки, они словно проникали прямо в ее голову, казалось, что музыка, и стук барабанов, и шум ветра в деревьях наполняли ее кровь, и хотя Нина знала, что для местных она просто некий сборщик денег – некое случайное явление, только и всего, – все это ощущалось ею как нечто роскошное, первобытное, неведомое...

Леннокс куда-то исчез, а Нина оказалась среди других женщин, все они были в белом, некоторые надели маски, большинство украсили волосы цветами и лентами, и трудно было узнать кого-то. Но даже когда Нина узнавала, она едва успевала поздороваться, ее тут же снова уносило людское течение, – все хохотали и пританцовывали, а дети верещали и носились как сумасшедшие. Нина с кем-то знакомилась, приветствовала старых друзей, но совершенно не видела разницы между новыми людьми и прежними приятелями; да и как тут было что-то понять, если шум все нарастал, трещал огонь, заглушая слова, и Нине ничего не оставалось, кроме как подчиниться общему потоку.

По команде зеленого человека, который не стал бы слушать отказов, все взялись за руки и встали в два огромных круга, один пошел по часовой стрелке, второй – наоборот, и под барабанный бой и пронзительные звуки волюнок начался странный танец с притопами вокруг костра, люди двигались все быстрее и быстрее. Нина уже едва дышала, у нее закружилась голова, но она продолжала хохотать и чувствовала, что уже не в силах остановиться.

– Узри ритуалы середины лета! – ревел в мегафон зеленый человек. – Узри юношей и девиц, и дух произрастания и обновления, и кратчайшую ночь, и самый длинный день! Мы будем праздновать, о Мать-Земля, в честь твоих щедрых плодов и цветов!

Все закричали и заплодировали, а потом танцоры с хохотом рухнули на траву, но музыканты продолжали играть. Музыка эта казалась первобытной и сверхъестественной в душистом ночном воздухе, наполненном густыми ароматами лаванды и дикого тимьяна, наперстянки и жимолости, лютиков и речного гравилата, и перекати-поля... Кто-то совершенно серьезно и настойчиво сказал Нине, что она должна отыскать

по одному из этих цветков, семь цветков для семи ночей, и тогда к ней придет настоящая любовь. Девушки, находя цветки, тщательно вплетали их друг другу в волосы в виде диадем и пили из рогов, которые передавались из рук в руки, а потом снова подходили мужчины, со смехом брали девушек за руки и увлекали танцевать.

Нина наслаждалась происходящим. Вечер продолжался в шуме и смехе, пока наконец, в половине двенадцатого, когда начали сгущаться сумерки и заметно похолодало, были расстелены клетчатые одеяла и люди сгруппировались у костра, наблюдая за появлением звезд.

А небо обретало темный синий тон – не черный, только не здесь в такое время года, – и вдруг барабаны перестали стучать, музыка умолкла, и негромко зазвучала флейта, словно сам бог Пан наигрывал где-то вдали западающую в память мелодию.

Но потом и флейта затихла, и на мгновение в прохладном воздухе повисла необъятная тишина, как будто сама земля задержала дыхание. А затем, на самом восточном краю ночи, над морем, в сумеречной синеве возникло едва заметное свечение, бледнейшие оттенки зеленого и розового, такие легкие, нежные...

Толпа разом вздохнула. И тут же все затопали и закричали, люди повскакивали с одеял и пытались фотографировать, что сильно испортило момент, но Нина этого почти не заметила. Она зачарованно смотрела на нежные мерцающие краски северного сияния на ночном небе. Она никогда в жизни не видела ничего столь прекрасного, вызывающего благоговение, она даже не читала ни о чем подобном.

Потом снова закричал зеленый человек, зазвучали барабаны и скрипки, громче прежнего, но Нина их не слышала и не видела, как люди пустились в пляс вокруг костра, она сидела неподвижно, глядя на небо, пока люди вокруг праздновали.

Вдруг она ощутила рядом кого-то и повернулась. Это был Леннокс, его высокий силуэт обрисовывался на фоне темного неба. Он ничего не сказал, просто проследил за взглядом Нины и кивнул. Потом осторожно потянулся к ней и коснулся ее руки.

Нине показалось, что ее обожгло, как пламенем, и она инстинктивно отпрянула. Леннокс еще мгновение смотрел на нее, затем отступил назад, в кружащуюся толпу, и исчез так быстро, что Нина могла бы подумать, будто это ей почудилось.

Несколько часов спустя Нина сидела рядом с новыми друзьями и подругами, наблюдая, как поднимается солнце, едва успевшее скрыться за

горизонтом. При этом она продолжала напряженно думать о том, что случилось, если что-то действительно случилось... Или она просто чего-то не поняла...

Но инстинкты твердили ей: будь осторожна! Нина совсем недавно так сильно обожглась... казалось, она понимает, что происходит. Но она не понимала... Нельзя снова впутаться в такое. Даже несмотря на тот факт, что этим вечером в машине они в первый раз разговаривали по-настоящему, Нина все равно продолжала считать Леннокса грубым и резким и с его же слов знала, что он сейчас пребывает в чрезвычайно сложной, даже ужасной ситуации.

Она снова подумала о Мареке, о его больших, грустных, щенячьих глазах, и вздохнула. Неужели нет нигде на свете какого-то свободного мужчины, который не причинил бы ей боли, который был бы создан именно для нее? Или такое случается только в книгах и фантазиях?

Мимо прошла Эйнсли, девушка здесь работала. Нина подошла к ней, чтобы поздороваться, когда Эйнсли помогала готовить воистину великолепный завтрак, включенный в стоимость входного билета. Огромные кувшины свежего жирного молока вливали в целые чаны овсянки, с солью, сахаром или медом, на столы выставили ломти местного копченого бекона, свернутые трубочками, квадратные сосиски лорне, омлет с копченым лососем из ближайшего озера. А чая и кофе здесь было столько, что даже праздничная толпа могла бы протрезветь, хотя многие до сих пор продолжали поглощать розовый шипучий напиток.

– Это великолепно! – сказала Нина. – Потрясающий праздник!

– Ага, – согласилась Эйнсли.

– А весело работать здесь?

– Вообще-то, нет, – пожала плечами Эйнсли. – Но мне нужны деньги.

– Дома все в порядке?

– Ага, – коротко ответила Эйнсли.

Нина сообразила, что она уж слишком навязчива.

– Извини, – сказала она.

Эйнсли оглянулась через плечо:

– А что это там за сердитый тип?

Нина посмотрела в ту сторону.

Леннокс стоял у бара и пил виски. Когда он заметил, что Нина смотрит в его сторону, он снова повернулся к друзьям.

– А, это мой домохозяин, – ответила она. – Несчастный старый ворчун.

– Это ведь Леннокс? С фермы Леннокса? Он жутко старый, – сообщила Эйнсли.

– Ему лишь немного за тридцать!

– Ну да. Жутко, жутко старый.

– Э-э-э... ну да, – кивнула Нина.

– Но он красавчик. Для старика, конечно. – Эйнсли порозовела.

– Ты так думаешь?

Девушка кивнула:

– Вообще-то, не важно, что я думаю.

– Эйнсли! – наклонилась к ней Нина. – Никогда так не говори! То, что ты думаешь, всегда важно.

Эйнсли мгновение-другое тарасилась на нее. А потом кто-то из следивших за работой официанток окликнул девушку по имени.

– Так ты собираешься им заняться? – спросила Эйнсли, улыбнувшись с видом заговорщицы.

– Э-э-э... нет, – ответила Нина. – Но я ценю твоё мнение.

Эйнсли ушла неторопливо, словно мир вокруг для нее не существовал вовсе.

Целые вереницы такси и машин, которые в эту ночь служили в роли такси, развозили всех по домам. Кое-кто допраздновался до того, что не мог подняться на ноги, таких оставили на месте, чтобы проспались. Для этих целей тут и там были заранее подготовлены палатки. После четырех пинт кофе Нина чувствовала себя весьма бодрой, она села в такси вместе с несколькими местными, с которыми познакомилась здесь. Ее радовало то, что на обратном пути она не наткнулась снова на Леннокса. Волосы у нее растрепались, а о косметике она и думать не хотела.

– Хорошо провели ночьку? – спросил водитель. – Я в молодости здорово веселился. Отличный случай знакомиться с девушками!

– И встретили кого-то? – поинтересовалась весьма пьяная девица, съездившаяся на заднем сиденье.

– Конечно, мою жену, – ответил таксист. – И потом она меня туда больше не пускала, разве что поработать. Но все равно было весело. Заметили северное сияние? Я его никогда раньше летом не видел.

– Оно изумительно! – вспоминая, проговорила Нина.

Если забыть о неловком моменте с Ленноксом, это была во многих отношениях самая восхитительная из ночей. Нина вспомнила вечера в городе. Да тут и сравнивать нечего. Может, здесь она и не выходила из дома так часто, но когда такое случалось, это по-настоящему что-то значило. Нине хотелось, чтобы здесь оказалась Суриндер, ей бы все это понравилось. И Гас о ней спрашивал. Нина не думала, что он уже завел

интрижку с кем-то еще.

Дома Нина сняла чудесное платье, внимательно осмотрев его, – к счастью, оно практически не пострадало, разве что в некоторых местах на него налипли комочки земли. Ложась в постель и думая о том, что нужно отблагодарить Лесли, подобрать для нее новые книги – теперь ведь она знала, что понравится этой женщине, – Нина вспоминала не бешеные танцы и не нежные проблески света на горизонте...

Перед ней само собой возникало лицо Леннокса – в тот момент, когда она отдернула руку. В ней все сильнее нарастало тревожное осознание того, что ощутила она тогда не неприязнь, и не страх, и не что-то в том же роде, а такое, что, как она подозревала, могло отразиться на ее лице...

Нина отдернула руку потому, что в тот миг, когда Леннокс легко прикоснулся к ней, она ощутила жар, глубокий, мгновенный, обжигающий... Он просто спалил ее!

Нина не хотела – не могла! – думать об этом сейчас, не хотела думать о проблемах, которые могла бы создать в тот момент, когда она практически теряла дом, теряла все, что построила с таким трудом.

И она категорически не желала думать о том, что в паре миль к западу остановился на переезде поезд, из окна выглянул машинист и посмотрел на дерево. Он тоже увидел изумительное свечение в небе и подумал, что никто в мире не чувствует себя таким одиноким, как он.

Глава 25

Когда Нина проснулась, уже вовсю светило утреннее солнце. Она встала, чувствуя себя до странности хорошо, если учесть, сколько она пила и танцевала накануне. После долгого отмокания в ванне, с дорожкой пеной и ароматизаторами, лежавшими в корзине, как в отеле класса «люкс», – до сих пор Нина не решалась ими пользоваться, но теперь ей было все равно, раз уж ее намеревались выгнать, – она наконец ощутила себя исцеленной.

Если, конечно, не думать о Ленноксе.

Нина нервно моргнула, начиная расчесывать волосы. Это было ужасно. Воистину чудовищная идея. Он ранимый человек. Хотя и в резиновых сапогах. Он просто слегка ослабил свою защиту на один вечер, выпив лишнего.

Почти наверняка этим утром он был смущен так же, как и Нина. А может, и сильнее. Лучшее и единственное, что можно было сделать, – это не обращать на него внимания, потому что если ему придется однажды – возможно, очень скоро – прийти сюда и сообщить, что Нина должна выехать, так как Кейт получает всю ферму... Ну что ж, Нина с этим справится.

Нина посмотрела на свой компьютер, проверила, не пришло ли от библиотеки Оркни новое дружеское сообщение, – оно пришло. Ее приглашали приехать и осмотреться, а еще там говорилось, что северное сияние – невероятное событие в такое время года. Нина улыбнулась. Возможно, ей и в самом деле нужно исчезнуть на несколько дней.

Но вообще оставить здесь все было бы слишком тяжело. Нина вспомнила буйство прошедшей ночи и засмеялась. Просто не смогла удержаться. Это ведь были шотландцы! Бесконечно добродушные и гостеприимные, в особенности здесь. Но это еще не означало, что она стала для них своей.

И все равно Нина не знала, что теперь делать. Ей не хотелось хандрить, прогуливаясь по ферме. Она совершенно не хотела видеть Леннокса. Нет! Даже если ей не по себе, она должна выйти, заняться зарабатыванием денег, навести порядок в фургоне, убедиться, что все в отличном состоянии... и попытаться представить себя в образе катящегося камня, человека, которому нравится переезжать, нравится путешествовать, идти

дальше...

Хотя было воскресенье и все магазины в деревне были закрыты, Нина все равно решила не сидеть дома. Надо выйти поскорее. И чем дальше она сейчас окажется от Леннокса и его глупой фермы, тем лучше. Мысль о том, что он может внезапно появиться и начать извиняться, вызывала у Нины смущение и неловкость. Она снова вспомнила, как он смотрел на нее, когда увидел в белом платье...

Нет, решительно сказала себе Нина. Это все воображение. Снова – воображение. Как обычно, о чем не раз говорила ей Суриндер. Это ничего не значит. Или, в лучшем случае, одинокий озлобленный мужчина мог подумать, не в долгу ли перед ним Нина... а это уж и вовсе не то, что ей нужно.

А потом ее мысли снова предательски вернулись к ощущению его сильной, мозолистой большой ладони на ее руке...

Нет! Нет, нет и нет! Нужно двигаться дальше. Здесь не ее настоящий дом, они и не заметят ничего... Это просто остановка в пути, только и всего, способ бросить неудавшуюся карьеру и перейти к чему-то интересному. Здесь будет продолжаться прежняя жизнь, а Нина переберется куда-то еще, и никто не станет по ней скучать.

Но поскольку погода держалась прежней – что было почти неслыханным в этой части света, – оказалось, что маленькая деревня переполнена людьми, они во множестве бродили по старинным мощеным улицам. Паб распахнул двери, Эдвин и Хьюго, сидевшие за деревянным столиком снаружи, весело приветствовали Нину, перед каждым стояла обычная пинта пива «80 шиллингов».

Нина остановилась возле них, чтобы поболтать, как делала обычно, и представила им свои недавние находки: триллер «Холодная война: субмарины» для Эдвина – он такие обожал, хотя они были похожи одна на другую как две капли воды, – и современную романтическую комедию для Уилли, который случайно наткнулся на одну и теперь восторгался всем жанром, совершенно не обращая внимания на то, что его поддразнивали, смеясь над тем, сколько книг в розовых обложках он читает.

А когда Нина окинула взглядом деревушку, залитую солнцем, она невольно кое-что заметила.

Все вокруг читали! Люди, сидевшие в своих палисадниках. Старая леди в кресле-коляске рядом с военным мемориалом. Маленькая девочка, с рассеянным видом качавшаяся на качелях, она болтала ногами в воздухе, поглощенная «Что Кейти делала» Сьюзан Кулидж.

В булочной кто-то смеялся над комиксами, бариста за стойкой кофейни пытался одновременно и читать, и готовить кому-то капучино.

Нина изумилась. Так не могло быть – конечно, не могло, – чтобы она превратила всех местных жителей в читателей. Но да, как только она открыла «Книжный магазинчик счастья», еще больше людей радостно высыпали на улицу, восклицая, что это просто здорово, что он открылся в воскресенье! Похоже, такое и в самом деле произошло.

– Мои дети почти перестали играть в «Майнкрафт»! – сообщила Хэтти. – Теперь они хотят читать книжки типа «Майнкрафт». Но все равно это чудо, если говорить о том, что касается меня.

– Я уж и не знаю, когда перестал читать, – признался пожилой мужчина, выбирая одно из самых прекрасных изданий о Шерлоке Холмсе, какое только видела Нина.

Ей даже не хотелось его продавать, и она назначила очень высокую цену в надежде, что ей не придется этого делать, – но вот пришлось. Что ж, с грустью подумала она, это поможет собрать деньги на переезд.

– Наверное, я просто перестал видеть вокруг книги, – продолжал мужчина. – Знаете, раньше в автобусе все читали. А потом стали крутить в руках телефоны или эти здоровенные... как их... не знаю, как они называются.

– Наверное, люди теперь читают в своих планшетах, – предположила Нина.

У нее тоже была электронная книга, и Нина ее обожала.

– Ну да, понимаю, – согласился старик, – но я-то не могу там ничего рассмотреть. Я не вижу, что они там читают, и не могу спросить, интересно ли это, или сделать себе мысленную заметку заглянуть потом в эту книгу. Кажется, что все книги внезапно, в один день исчезли.

Нина посмотрела на него.

– Да, понимаю, о чем вы говорите, – кивнула она, – и знаю, что вы чувствуете.

Оба они восхищались Шерлоком Холмсом – в кожаном переплете, с ручным тиснением и прекрасными серебристыми форзацами.

– Вам не хочется с ней расставаться? – спросил старик.

– В общем, да, – призналась Нина.

– Я буду о ней заботиться, обещаю.

– Хорошо, – улыбнулась Нина, принимая от старика чек и укладывая его в старый жестяной ящик кассы.

– Вы даже можете заходить иногда и навещать эту книгу, если хотите, – предложил старик с оттенком легкого флирта в голосе.

– О! – усмехнулась Нина. – Не знаю, долго ли еще здесь задержусь. – Она произнесла это, стараясь выглядеть беспечной и веселой, – но подозревала, что ей это не слишком удалось.

Нина стремилась как можно незаметнее наблюдать за грязным Беном, который устроился на ступеньках фургона и читал, шевеля губами; его глаза то и дело отрывались от страницы, чтобы проверить, не проходит ли кто-то поблизости, не видят ли его. И тут появилась Эйнсли и принялась его бранить.

– Не убегай из дома! Я думала, ты потерялся.

– Куда я потерялся?

– Ну да, теперь я вижу, что ты здесь, но ты не можешь уходить просто так, ничего не сказав мне.

Нина нахмурилась. А Эйнсли продолжала шипеть:

– Если они тебя увидят... если увидят, что ты болтаешься по улицам, Бенни...

– А мне плевать!

– Ты не должен!..

– А мне плевать!

Бен снова уставился в книгу, а Эйнсли огорченно вздохнула и посмотрела на Нину.

– Я и не знала, что ты сегодня работаешь.

– Да я и не... Я просто так... зашла...

Нина не представляла, как объяснить происходящее, и сменила тему:

– Тебе разве не понравился ночной праздник? Это было чудесно!

– Скучно, – пожала плечами Эйнсли.

– Но там было множество симпатичных парней! – стараясь улыбнуться, напомнила ей Нина.

Не получилось.

Эйнсли мрачно огляделась по сторонам:

– Здесь и делать-то сегодня нечего.

– Знаю, – согласилась Нина, нервно наводя порядок на одной из полок. – Так что на самом деле ты мне сегодня и не нужна.

Эйнсли снова окинула взглядом рыночную площадь; сильно подведенные глаза и плохо покрашенные волосы странно выглядели в ярком солнечном свете.

– Идем, Бен! – рявкнула она на брата.

Мальчик неохотно отложил книгу и, повесив голову, потащился за сестрой. А Нине потом пришлось стирать с книги отпечатки его грязных

пальцев.

И тут Нина приняла решение. Она и так уж слишком долго его откладывала. А если она не собирается здесь задерживаться, то не важно, сочтут ли местные, что она суется в чужие дела.

Нина выждала несколько мгновений, потом тихо закрыла и заперла дверцы фургона и осторожно пошла по улице вслед за братом и сестрой.

За центральной частью деревни, с мощеными улицами, скрывались куда менее привлекательные улочки: здесь стояли серые муниципальные дома, построенные в пятидесятых годах, одни выглядели чудесно, их окружали цветы, а другие были куда более потрепанными, – но все смотрели на прекрасные зеленые поля внизу.

Нина невольно подумала, что даже если у вас нет ни гроша в кармане, более замечательного места для детства в мире не существует.

Эйнсли и Бен повернули к самому неухоженному из всех домов. Вдоль изгороди из кустарника перед ним валялся всякий мусор, старые игрушки, даже сломанное кресло-качалка. Сплошная грязь. Дверь покрывали царапины и вмятины, стекла в окнах потрескались. Этот дом явно не любили и не заботились о нем.

Нина судорожно сглотнула. Она вдруг осознала, что испугана. В самых мрачных своих фантазиях она воображала Эйнсли под гнетом некоего ужасного отчима или семью, в которой просто никому нет дела до детей. И не знала, хватит ли у нее теперь храбрости. Конечно, работая в библиотеке, она постоянно сталкивалась с разными социальными проблемами. Библиотекари нередко потихоньку сообщали в социальные службы, если одни и те же люди приходили в библиотеку каждый день и засыпали там, потому что им явно некуда было пойти, или вдруг кто-то из постоянных посетителей становился все более неухоженным. А еще многие люди использовали библиотеку как некое неформальное бюро советов, но против этого работники не возражали.

Однако здесь было нечто совсем другое. Да, Нина сунулась не в свое дело, отрицать это невозможно. Она попыталась успокоить себя мыслью, что, в конце концов, это ради ребенка – ребенка, о котором не заботятся, который грязен, в восемь лет едва умеет читать и не посещает школу. И ради Эйнсли, которая оживает только тогда, когда остается наедине с книгами, а отсутствие в ней интереса к чему-то еще может говорить о серьезных проблемах, несвойственных девочке-подростку.

Но Нина все равно чувствовала себя назойливой, человеком, собравшимся лезть в чужую жизнь, вызывая тем самым неприязнь к себе, горожанкой, что суется туда, где ее не хотят видеть. Прежде, в библиотеке,

люди сами просили ее о помощи или искренне благодарили за вмешательство. Но ведь сколько раз ни пыталась Нина поговорить с Эйнсли, девушка отчетливо давала понять, что обсуждать ничего не желает.

Но здесь был еще и ребенок...

Нина вздохнула, разрываемая сомнениями. Правильно ли это? Остаться или уйти? Эйнсли ведь сама со всем справлялась. Впрочем, Нина вспомнила и неприятный разговор насчет экзаменов... Это уж точно неправильно, Эйнсли ведь была умной девочкой. Она должна бы стремиться в университет, думать о той радостной жизни, что ждет ее впереди... а не бродить, ссутулившись, по деревне без малейших планов на будущее.

Может быть, Нина сумеет мягко поговорить с родителями, попытается подсказать им, насколько умна их дочь... Да, это нужно сделать. Нужно сделать.

Нина храбро пошла к калитке. Ручка на ней была сломана, калитка едва держалась на петлях. Нина осторожно проскользнула в нее и пошла по камешкам садовой дорожки. Вокруг царила зловещая тишина, нигде не гудели машины, только в воздухе над деревьями лениво кружила одинокая пустельга. Нина мгновение-другое наблюдала за ней, за ее вызывающим благоговение безмолвным величием, и слегка позавидовала птице, свободной от разных социальных обязательств.

А потом она шагнула к двери и быстро постучала, чтобы не дать себе возможности передумать.

Глава 26

Очень долго внутри было тихо. В доме не горел свет, и если бы Нина не видела, как брат и сестра вошли внутрь, она сочла бы дом пустым. Потом наконец кто-то что-то выкрикнул вроде: «Не откликайся!» – Нина узнала голос Эйнсли.

Но было уже поздно, маленькая грязная рука что-то двигала, – похоже, несколько засовов на внутренней стороне двери.

– Нина?!

На запачканном чем-то липким лице Бена отразился восторг, он расцвел улыбкой, став совершенно непохожим на того мрачного малыша, с которым Нина впервые встретилась на ступеньках своего фургона.

– Привет, Бен!

– Ты принесла мне книги?

Нина выругала себя за то, что не подумала об этом.

– Нет, прости, я не... Да, нужно было что-то прихватить. Они есть для тебя, но только в фургоне, – мгновенно извернувшись она. – А твоя мама дома?

Бен тут же изобразил рассеянность и уставился куда-то влево. Посмотрев за его спину, Нина увидела невероятно грязную кухню, заваленную мусором и старыми пакетами из-под молока. В доме пахло пылью, запущенностью и чем-то еще, что Нина не смогла определить.

– Бен! Кто там? – послышался голос Эйнсли.

Она появилась позади брата и прищурилась на Нину, стоявшую против солнца:

– Чего нужно?

Обычная почтительность исчезла из тона Эйнсли. Ее голос звучал строптиво, зло, она словно готова была вытолкнуть незваную гостью за дверь. Нина вдруг заметила, что физически Эйнсли куда крепче ее самой и вполне может такое сделать, если вздумает.

– Э-э-э... я просто думала... ваша мама дома?

Эйнсли и Бен переглянулись.

– А тебе какое дело?! – грубо спросила Эйнсли.

– Я просто... хотела сказать ей, какого я высокого мнения о тебе, вот и все. Ты к тому же ушла, не забрав деньги, а я должна была убедиться, что ты их получила.

– То есть ты явилась не для того, чтобы полюбопытствовать?

Нина не знала, что на это ответить, и опустила взгляд:

– Так она дома?

– Мы в порядке! – заявила Эйнсли. – Нам не нужна твоя благотворительность!

– Это не благотворительность, – возразила Нина. – Это твое жалованье. Ты его заработала.

Эйнсли явно разрывали сомнения.

– Пожалуйста, – заговорила Нина. – Пожалуйста, Эйнсли! Я ничего плохого не задумала, клянусь! Я не хочу причинять вам неприятности. Я только хотела убедиться... что все в порядке.

Ее взгляд уловил внезапное движение на полу позади детей – то была мышь, здоровенная мышь. А может, и крыса, подумала Нина. И она тут же поняла, что не может просто так уйти. Она посмотрела на Эйнсли, и девушка, похоже, пришла к такому же выводу. Она глубоко вздохнула и сгорбилась.

– Ты не станешь рассказывать всем, что была здесь, – заявила она.

– Хорошо, – согласилась Нина, даже не потрудившись скрестить пальцы.

Что-то здесь было не так, и Нина преисполнилась решимости выяснить, что именно.

– Я заглянула на минутку...

– Ты не должна!

– Так ваша мама дома или нет?

Тут послышался тихий звук. Это был колокольчик. Бен подпрыгивал на месте, не в силах удержаться.

– Эйнсли, – заговорил он, дергая сестру за рукав. – Пусть она зайдет! Это же Нинни!

Эйнсли уставилась на Нину так, словно видела ее впервые в жизни.

– Я не задержусь, – спокойно произнесла Нина.

Ей необходимо было войти в этот дом. И она перешагнула через порог.

– Миссис Кларк? – негромко позвала она. – Миссис Кларк?

В ответ снова негромко звякнул колокольчик.

В гостиной пахло, как говорят шотландцы, чем-то заплесневелым: пылью, старостью, усталостью. Везде громоздились кучи газет и книг. Нина посмотрела на них.

– Похоже на учебники, – заметила она.

Эйнсли мрачно отмахнулась.

Нервная, всегда готовая угодить девочка из фургона исчезла. На ее месте появилось существо куда более агрессивное и непримиримое. Нина огляделась и слегка откашлялась.

– Э-э-э... и где ваша мама?

Дверь сильно перекосилась, и Нине пришлось как следует нажать на нее, чтобы открыть. Эта комната находилась в задней части дома, она была оклеена старыми розовыми обоями, плотными, сморщившимися. Здесь пахло тальком, а еще витал тяжелый запах, который Нина ощутила раньше, но узнала лишь теперь: это был запах болезни.

– Привет...

Когда Нина вошла в комнату, лежавшая на постели фигура с болезненной медлительностью повернула голову. Нина едва не задохнулась. Это была старая женщина – морщинистая, по-настоящему древняя... Потом Нина присмотрелась и поняла, что женщина не так уж стара, просто ее лицо избороздили следы постоянной боли, шея женщины изгибалась под странным углом.

– Привет, – произнесла больная очень тихим, шелестящим голосом, однако с обычной шотландской музыкальностью.

Но ей словно не хватало дыхания для слов.

– Простите, что не встаю...

– Вы миссис Кларк?

– А вы из социальной службы?

– Нет, – качнула головой Нина.

– Из школы? Мне оттуда присылали записку.

– Нет-нет, я не из школы... я из книжного фургона.

– О, тот фургон? – Ее дыхание постоянно прерывалось. Она явно чувствовала себя очень плохо. – Я о нем слышала. Похоже, он замечательный.

– Я... принесу вам что-нибудь почитать, – сказала Нина. Она рискнула подойти немного ближе. – Просто я... немного беспокоилась о Бене.

– Ох, он у нас сорвиголова, – медленно произнесла миссис Кларк.

Каждое слово тяжело пробивалось наружу из ее горла. В комнате царил давящая атмосфера, у Нины даже мурашки побежали по коже. Но она заставила себя еще ближе подойти к кровати.

– Извините, – сказала она, – но что с вами такое?

– Рассеянный склероз, – ответила женщина. – Иногда я чувствую себя неплохо, а иногда наоборот, понимаете?

Не похоже было, чтобы у нее случались хорошие дни. Нина сделала

еще шаг.

– Но вы можете... с рассеянным склерозом вы могли бы иногда вставать, передвигаться в инвалидном кресле? – предположила она. – Кто-нибудь приходит, ухаживает за вами?

– Нет! – ответил Нине резкий голос за ее спиной.

Нина обернулась. Это была Эйнсли, ее глаза горели.

– Нет! Мы ни в чем таком не нуждаемся!

Нина моргнула:

– Но есть социальные службы, которые заботятся... помогают ухаживать за такими больными...

Эйнсли резко и упрямо качнула головой:

– Ну да, чтобы какие-нибудь старые клячи начали ходить сюда и указывать мне, как ухаживать за моей родной мамой? Не выйдет!

– Но они не этим занимаются, – растерянno возразила Нина. – Они помогают прибраться в доме, и...

– Мне не шесть лет! – яростно бросила Эйнсли. – Знаете, что они сделают? Они нас отправят в детские дома! Меня и Бена, в разные дома! А вы слышали, что происходит в таких местах?

Нина кивнула.

– Но так не... этого не должно случиться. Я уверена, они сделают все, чтобы вы остались дома с мамой, и не разлучат вас.

– Нечего им тут делать! Я сама могу ухаживать за ней. И очень даже неплохо.

– Она прекрасная девочка, – подтвердила лежавшая в постели женщина.

– Я знаю, – согласилась Нина. – Знаю, что она прекрасная девочка, она ведь у меня работает. Но если честно, ей следовало бы сдать экзамены. А Бен должен каждый день ходить в школу, когда снова начнутся занятия.

– Я не хочу! – послышался из-за двери голос Бена.

– Да-да, – откликнулась миссис Кларк, закашлявшись. – Но они так нужны мне! Когда мы все вместе, мы просто ложимся на кровать рядышком, и нам никто больше не нужен, и нам так уютно... Нам незачем куда-то ходить, понимаете? Да и что хорошего в этой школе?

– Нам и так хорошо, – поддержала мать Эйнсли.

– Здесь определенно нужно кое-что изменить, – решила высказаться Нина. – Вам будет намного лучше, чем сейчас, обещаю!

– Но они нужны мне, – жалобно проскулила женщина.

– Вам необходима помощь, – покачала головой Нина. – Но не помощь ваших детей.

– Они – моя семья!

– Верно. Но у них должна быть и собственная жизнь.

Наступило молчание, и Нина с ужасом увидела слезу, поползшую по бледной щеке миссис Кларк.

– Мне очень жаль, простите, – проговорила Нина. – Я не хотела вас огорчать.

– Ну да, – ответила женщина. – С вами-то все в порядке. Вы не больны. У вас нет детей, которые вас любят. Вы просто не знаете, что это такое.

– Не знаю. Но должен быть способ лучше этого. Вы заслуживаете того, чтобы за вами был настоящий уход.

Нина буквально ощутила, как Эйнсли ошетибилась и напряглась за ее спиной.

Миссис Кларк вздохнула:

– Эйнсли всегда со всем справлялась, правда, Эйнсли? Ты ведь была рада этим заниматься? Убирать, и менять постель, и готовить обед... Не знаю, почему ты перестала... – Она огляделась вокруг, словно впервые заметив чудовищный беспорядок. – Я даже не знаю, когда все пошло так плохо...

Эйнсли протяжно вздохнула.

– Разве ты не заставляешь Бена ходить в школу? – спросила женщина. – Он должен учиться, Эйнсли. Ты ведь всегда так следила за этим...

– Ага, – откликнулась Эйнсли. – Но это... я только это и делала. Только это и должна была делать. Быть твоей рабыней! Навсегда быть привязанной... Мыть, чистить, скоблить... Я не хочу больше этим заниматься! Я хочу и другого тоже. – Она очень сердито посмотрела на Нину. – Я хочу вот у нее работать!

Слезы миссис Кларк теперь текли медленно, но без перерыва.

– Но мне казалось... ты всегда говорила, что ничего не имеешь против...

– Потому что я не хотела, чтобы меня отсюда забрали. Меня или Бенни. Но я думала... когда я была маленькой, я думала, что ты поправишься. Я не понимала, что ты всегда будешь вот такой. Всегда! Я этого не знала. И что мне придется всегда оставаться здесь.

Теперь уже они обе плакали, и миссис Кларк протянула руку. Эйнсли взяла ее и крепко сжала.

– Мы можем с этим справиться, – сказала женщина, глядя на Нину. – Ведь можем?

Нина огляделась:

– Ну, я думаю, что знаю, с чего мы начнем.

Нине не удалось убедить Бена остаться в доме с матерью и сестрой, он потащился следом за ней, испуганным голосом задавая бесконечные вопросы. Нина старалась успокоить его, как могла, но он затих лишь после того, как она позволила ему усестись в кабину фургона, что очень ему нравилось. А дальше – лучше, Бен увидел нескольких школьных приятелей, и Нина разрешила ему нажать клаксон, и все ребята повернулись и энергично замахали руками. Нина улыбнулась, видя, как быстро меняется настроение у восьмилетки.

На ферме Нина вышла из фургона и поспешила в свой амбар, чтобы собрать все средства для уборки, какие она покупала ради фургона, а заодно прихватила большие черные пластиковые мешки для мусора. Когда она укладывала все это в фургон, через двор фермы прошагал Леннокс, следом за которым бежал вприпрыжку Парсли. Леннокс остановился, увидев Нину, слегка порозовел и откашлялся.

– Привет, – заговорил он, подходя ближе. – Это все зачем? Ты что, кого-то переехала, а теперь пытаешься избавиться от следов?

Нина тоже вспыхнула и приказала себе не смотреть на длинные, сильные пальцы Леннокса. И не думать о них, и не пытаться вообразить, что они умеют делать. Нет! Она не должна. А еще нельзя думать о его синих глазах, хотя они и смотрят на нее в упор...

– Нет, – коротко ответила она.

Что-то объяснять ей не хотелось.

– А, это Бен Кларк? – спросил Леннокс, кивнув в сторону кабины. – Привет, Бен, как мама? Все так же?

Он на минуту исчез в большом доме и появился снова с большой миской яиц.

– Хочешь взять это для нее?

– Ты знаешь о его маме? – внезапно разъярившись, спросила Нина.

– Что, о миссис Кларк? Я слышал, она немного нездорова, но вроде там ничего серьезного.

– Это очень даже серьезно! Она прикована к постели! – сообщила Нина. – А Эйнсли и Бен скрывают это уже много месяцев... если не лет. Эйнсли превратилась в сиделку! Ты что, не знал?

Леннокс уставился на нее.

– Я стараюсь не совать нос в чужие дела, – ответил он. – И надеюсь, люди не станут соваться в мои.

– Хмм... – промычала Нина.

– А ты стала благотворителем?

– Ну, поскольку ты, похоже, ничего делать не собираешься, приходится мне.

Леннокс неожиданно громко фыркнул и ушел. Нина проводила его взглядом, ей хотелось швырнуть чем-нибудь ему в спину. Она совершенно не понимала, какого черта она начинает злиться, стоит ей увидеть его.

Эйнсли продолжала уныло жаловаться, даже когда Нина достала вторую сумку и выложила бананы, чай, мороженое и большую бутылку газировки «Ирн-бру».

– Чем тяжелее работаешь, тем больше наград получаешь, – с улыбкой сказала Нина.

– Мне не четыре года!

– Знаю, – кивнула Нина. – Но я прибавлю тебе жалованье за это.

Эйнсли тут же слегка оживилась, они обе закатали рукава и принялись за дело.

Эйнсли подняла мать с постели, а Нина сняла простыни и побросала все, что смогла, в стиральную машину. Немалая часть одежды заплесневела, и Нина выбросила все, что уже нельзя было спасти, оставшееся порвала на тряпки. Найдет она им как-нибудь новые вещи.

Когда часть мусора была вынесена за дверь, дом уже стал выглядеть несравнимо лучше, и теперь они мыли, отскребали, наполняя мешок за мешком, – потом Нина собиралась отвезти все это на свалку. Маленький Бен, выглядевший грязнее обычного, помогал изо всех сил, и даже удалось убедить его сложить сломанные игрушки в коробку – после того, как Нина пообещала привезти ему новые. Нина не была уверена в том, что может позволить себе такое, но решила, что потом что-нибудь придумает. Бену велели пылесосить и мыть окна, и не важно, что на них оставались грязные полосы.

Потом Нина вместе с Эйнсли принялась распечатывать кипу скучных конвертов с бланками и официальными письмами, которые грудami лежали на кухонном столе.

– Ой, Эйнсли! – воскликнула Нина. – Нечего и удивляться тому, что ваши дела так плохи. Смотри! Они просят справки по куче вопросов и собираются лишить вас пособия.

Она показала одно из писем, в нем Дженни Кларк предлагалось пройти тест на профпригодность в центре оценки персонала.

– Они там что, чокнутые?! – изумилась Нина.

– Я не знала, что делать, – объяснила Эйнсли. – Я не могу отвезти ее туда, а еще ведь надо ехать на двух автобусах, в этот центр. Туда не

добраться к десяти утра, даже если ты можешь ходить, а она ведь не может. Я не знала...

– Да какого черта социальные службы сами не заглянули к вам?! – недоумевала Нина. – Вы, ребята, как будто провалились в какую-то дыру. Вам ни до кого нет дела, а им нет дела до вас.

– Похоже на то, – проворчала Эйнсли.

– Но ведь это не так! Это не должно продолжаться!

Эйнсли покачала головой.

– Все изменится к лучшему, – пообещала Нина.

– Не надо... – Эйнсли вдруг отчаянно покраснела. – Я понимаю, ты нам уже помогла, и мы тебе благодарны и всякое такое. Но не говори никому в деревне. Я не хочу подачек. Мне не нужна одежда из благотворительной лавки и старая школьная форма.

– Понимаю, – кивнула Нина. – Ладно.

– Я не хочу милостыни! Пожалуйста!

– Ладно-ладно, – повторила Нина. – Посмотрим, что можно сделать. Но, Эйнсли, ты должна сдать экзамены. Ты такая умная девочка, ты можешь учиться. Если мы все здесь наладим, ты сможешь далеко пойти. И добиться для своей мамы хороших условий.

– Без меня?

Нине пришлось признать, что именно об этом она и подумала.

– Впрочем, – сказала она, – пусть все идет как идет.

– Тебе легко говорить! Ты просто появилась здесь ниоткуда. И наверное, снова исчезнешь.

На это у Нины ответа не нашлось.

Работники срочной социальной службы оказались потрясающими, они мгновенно примчались, тут же оценили ситуацию и с удовольствием поздравили Эйнсли с тем, что она великолепно справлялась с работой сиделки, – они то и дело повторяли это, – а еще они, как по волшебству, преподнесли Бену большую коробку «Лего». Он уселся на кровати рядом с матерью и принялся радостно собирать детали – с такой ловкостью и сосредоточенностью, какой Нина от него не ожидала.

Нина не столкнулась с Ленноксом, когда, совершенно измотанная, грязная с головы до ног, но радостная, вернулась домой. Да, теперь она заслужила горячую ванну. И Нина решила, что вообще не станет думать о Ленноксе. Этот человек настолько погружен в собственные проблемы, что ничего вокруг не замечает.

Глава 27

Лето продолжалось. Случались темные ветреные дни, и тучи почти лежали на крыше фургона, а дождь лил без передышки, заставляя траву на лугах сгибаться под своим весом. Но точно так же приходили и сияющие, безоблачные деньки, солнце заливало все золотым светом, а ветер становился легким и теплым, крошечные облака скользили по небу, везде скакали кролики, над полями поднимался густой аромат сена, и весь мир казался свежим и отмытым до блеска. Но что было куда важнее для Нины, так это то, что ни в один из дней она не могла придумать, как можно жить где-то еще.

Но топор пока еще не упал. И хотя, казалось, так легко повторять: «Конечно, я двигаюсь дальше, конечно, я перееду в Оркни», – на деле, как понимала Нина, все было не так-то просто. Подбирая каждому то, что было ему по душе, справляясь с часами чтения для малышей, на которые являлось все больше народа, и пытаясь проскочить по главной улице, не поздоровавшись с примерно шестьюдесятью встречными, – что заставляло ее думать о некоторой даже собственной популярности, – Нина то и дело с ужасом представляла, как трудно ей будет покинуть это место.

Потому что, несмотря на все, она не могла уже этого отрицать: здесь она была счастлива.

Эйнсли теперь регулярно приходила на работу, изумляясь тому, что социальные службы вдруг оказались такими добрыми, такими понимающими и полезными, к ним домой теперь приходили люди, помогавшие с уборкой... Эйнсли вскоре должно было исполниться шестнадцать, а ее мама теперь очень беспокоилась из-за Бена, она хотела быть уверенной, что мальчик ходит в школу. И Эйнсли поклялась не пускать его болтаться по улицам, для этого она укладывала брата с собой в постель. Хотя Нина как-то мимоходом и заметила, что Бен, скорее всего, уже посмотрелся фильмов восьмидесятых годов, которые определенным образом просвещали подростков. Вскоре должно было состояться рассмотрение их случая, но похоже было на то, что семье позволят остаться дома в полном составе.

Бен теперь каждый день ходил в местный летний детский сад. То есть почти каждый день, время от времени Нина замечала, как он на манер Тома Сойера крадется к реке, и вынуждена была сообщать об этом Эйнсли,

хотя и сожалела слегка о том, что вынуждена лишать мальчика свободы.

Еще Бен вынудил Нину нарушить ее самое главное правило – то, которое она поклялась всегда соблюдать, а именно: никому, ни за что не давать книги напрокат. Иногда она могла предложить выкупить обратно какое-нибудь в особенности замечательное издание, если оно оставалось в хорошем состоянии, – у нее ведь не библиотека! Она должна на что-то жить и платить людям. Эдвин и Хьюго, конечно, имели право на особые цены, и Эйнсли тоже получала скидки, но все другие должны были платить, а иначе Нина просто вылетела бы в трубу.

Все, кроме Бена. Этот ребенок, прежде практически беспризорный, оказался неудержим в чтении. Он проглотил всю серию «Зачарованного леса», всего Гарри Поттера, всю приключенческую серию «Ласточки и амазонки», он захлебывался книгами, как будто в нем прорвало плотину, – и Нина не находила в себе сил отказать ему. Он превратился этим летом в некое постоянное явление. Когда заканчивались занятия для детей, Бен бегал по поручениям матери, а потом устраивался на ступеньках фургона, на солнышке, как котенок.

С помощью перегруженной работой директрисы местной школы, которая с огромным облегчением позволяла себе небольшой отдых, чтобы заняться книгами вроде «Перерыв в учебе» и «Моя жизнь как астронавта», Нина мягко, ненавязчиво разговаривала с Беном о том, как весело учиться в четвертом классе начальной школы, о том, что в деревню переехало много новых людей, так что в школе будет много новых детей, которые ни о ком ничего не знают. Нина рассказывала ему о школьных экскурсиях, о том, что там он будет заниматься необычными делами, вроде наблюдения за тем, как из лягушачьей икры появляются головастики. А когда в книжном фургоне было тихо – что случалось не так уж часто этим летом, потому что в деревне появлялись отдыхающие и любители дальних пеших прогулок, всем им требовались местные карты и книги по местной истории или что-нибудь такое, чтобы почитать на солнышке с пинтой местного эля, или когда дождь всю ночь колотит по их палаткам, и они тут же решают провести следующий отпуск в пустыне Гоби, – Нина заставляла Эйнсли взяться за учебники по географии и истории и хотя бы немножко тихонько позаниматься в углу фургона.

Все эти усилия Нина предпринимала не только для семьи Эйнсли, это было чем-то необходимым для нее самой. И пусть ее романтическое приключение обернулось крахом, а надежды на жизнь в этой деревне готовы были рассыпаться в прах, и теперь ей придется уехать куда-нибудь на необитаемые острова, – при всем этом она не могла ничего не делать.

Глава 28

Нина все меньше и меньше проводила времени на ферме, по мере того как ее «Книжный магазинчик счастья» становился все более востребованным. После первой неудачной попытки, во время которой дети швыряли друг в друга изюм и завывали, как Акела, «читающие детки» стали весьма популярны, к тому же в разных местах теперь возникали группы по интересам. Нина изо всех сил старалась для каждой из этих групп найти самое лучшее вместо того, чтобы предлагать нечто новое и дорогое. Впрочем, младшим нравились абсолютно все книги Мориса Сендака.

Только представь, – как-то вечером написала Нина Гриффину, – ты приходишь к издателю и говоришь: «Я рисую эту книгу комиксов о голом мальчишке, которому кое-что запекли в пирог – с сахаром, к чаю, – в стиле актера Оливера Харди».

Звучит злое, – ответил Гриффин.

Я работаю, не считая часов, – продолжила Нина. – И все мои мысли в книжных образах. А поскольку я так много работаю, это похоже на «Тяжелые времена», но потом я возвращаюсь домой – и это «Неуютная ферма» Стеллы Гиббонс.

Хотелось бы мне мыслить только книжными образами, – печально откликнулся Гриффин. – Нам тут вообще не позволено думать о книгах. Сплошные социальные медиа.

«Рабы Майкрософта»?

Боже мой, да они слишком молоды, чтобы хоть слышать о таком! Им тут по двадцать три, и они постоянно пытаются затащить меня в ночные клубы.

Мне казалось, тебе это нравится.

Я измучился! – тут же написал Гриффин. – И уже рискую схлопотать болезнь печени от алкоголя. Они только и делают, что вопят: «Классно!» – на все подряд. Надеюсь, моя деловая оценка удержится. Конечно, тебе о таком больше не приходится беспокоиться.

Верно, – написала Нина. – И об отпускных тоже. Или об оплате больничного. Или о выходных.

Бугага, Джеймс Хэрриот! Я должен написать десять страниц отчета

о графике движения посетителей! А я даже не знаю, что это значит!

Они закончили переписку, Нина вздохнула и попыталась вернуться к чтению, чтобы улучшить настроение, но, за что ни бралась, романтические герои тут же напоминали ей Леннокса, если были резкими и необщительными, или Марека, если были нежными и обаятельными, – и в итоге Нина решила, что просто сходит с ума. Она тревожилась, не могла заснуть и наконец решила, что вполне может – даже должна – прогуляться по прежней дороге, не впадая в сентиментальность. Его ведь там не может оказаться, он не остановится, а даже если и так, им больше нечего сказать друг другу. Но прогулка должна помочь ей заснуть, даже вселить надежду, что однажды появится кто-то еще, что еще не вся романтика умерла, просто время иногда выпадает неудачное.

Парсли с надеждой тявкнул, когда она уходила, но Нина прошла мимо него, попутно распугав дремлющих кур. Вовсю цвел боярышник, его густой аромат висел в ночном воздухе. Нина поплотнее закуталась в куртку и пошла дальше. Она чувствовала, что куда лучше будет побродить вокруг, чем сидеть в прекрасном доме, размышляя о будущем, – в доме, ей не принадлежавшем, а вскоре он не будет принадлежать и Ленноксу, его отберет женщина, которой он совершенно не нужен. Этой женщине не нужен чудесный Кирринфиф, и ферма, и овсянки, порхающие вокруг городка в середине лета, ей вообще ничего здесь не нужно, она превратит все это в деньги и пустит их на ветер.

Нина сердито засунула руки в карманы. Конечно, она могла поискать для себя что-то тут же, предположила она. Вот только ни у кого ничего не было, если не считать одной комнаты над пабом, – но Нине это совсем не нравилось, а чего-то получше не найти. Зато Оркни сообщал, что у них имеется милый свободный фермерский домик, который она могла бы арендовать, вполне благоустроенный, чрезвычайно дешевый, и, кстати, если бы она сумела привлечь двадцать-тридцать тысяч молодых людей, чтобы снова заселить остров, это было бы просто грандиозно, спасибо.

Шагая дальше, Нина вздохнула над этой дилеммой. И прежде чем сама успела заметить, уже подошла к железнодорожному переезду, мучаясь сожалениями.

Увидев дерево, Нина остановилась и задохнулась.

Оно было сплошь увешано книгами, привязанными к веткам обувными шнурками, – книги свисали вниз, как некие экзотические фрукты.

Выглядело это странно и на удивление прекрасно – книжное дерево в темно-синей летней ночи, в самом дальнем конце абсолютного нигде.

Нина уставилась на дерево. Ох, Марек, какого черта ты это сделал, подумала она. Здесь были книги по истории, романы, сборники стихов, много книг на русском или латышском, но часть – на английском, некоторые книги уже пострадали от воды, а значит, висели здесь уже давно, и часть страниц вывалилась и прилипла к стволу дерева, усиливая впечатление: дерево словно само превратилось в подобие огромной книги, изготовленной из папье-маше.

Пока Нина стояла и зачарованно смотрела, налетел ветерок, книги стали вращаться и танцевать под его порывами, постепенно превращаясь в некую бумажную массу, возвращаясь к древесине, из которой некогда была сделана бумага.

– О боже... – выдохнула Нина и достала телефон.

Но тут же снова убрала его в карман. Нет. Она не должна. Она не может.

Нина посмотрела на часы. Скоро. Скоро должен был пройти поезд. Может, и не будет особого вреда в том, чтобы еще раз увидеть Марека перед тем, как она уедет отсюда. Может быть, просто поблагодарить? Его чувства, как теперь видела Нина, оказались куда глубже, чем ей казалось.

Но было ли это просто желание встретить некое одинокое романтическое сердце? И не должны ли такие сердца быть вместе?

Нет, тут и думать нечего. Речь ведь шла о маленьком мальчике. О семье. Нина никогда бы не поступила так по отношению к чьей-то семье, она просто не могла.

Нина тяжело сглотнула. Именно так. Она должна повернуться и уйти.

Вдали послышался тихий звук низкого гудка, рельсы слабо завибрировали – Нине это было так знакомо! – и ее сердце забилось в таком же ритме.

Глава 29

Она словно примерзла к земле. Локомотив медленно приближался, таща за собой драгоценные вагоны, подавая предупреждающий сигнал, и Нина, наплевав на все, нырнула под шлагбаум и замахала руками, захлопала, сама плохо понимая, что делает, – а поезд все замедлял и замедлял ход.

Нина, с бешено колотившимся сердцем, пыталась сообразить, что она должна сказать: просто «нет», или «такое невозможно», или как следует попрощаться, сожалея об упущенной возможности и неудачном времени...

Она замерла. Миллион самых разных мыслей крутился в ее голове. В кабине сидел Джим, она окликнула его по имени. Но он даже не посмотрел на нее. Он вроде и не хотел останавливать поезд. Но наконец все же остановил, намного дальше, так что Нина очутилась прямо перед самым последним вагоном – тем, у которого сзади имелась маленькая площадка.

И там, свесив ноги, сидел Марек. Не в форме, в простой гражданской одежде.

Нина посмотрела на него снизу вверх.

– Привет, – сказала она, не зная, что делать. – Привет, – повторила она еще раз, делая шаг вперед.

Марек все еще не смотрел ей в глаза.

– Дерево... – заговорила Нина. – Дерево – оно такое прекрасное... Но... я хочу сказать, ведь...

Марек встал.

– Нина, – грустно, негромко произнес он. – Я приехал... Я приехал попрощаться.

– Почему? – спросила Нина. – Куда ты собрался?

– У меня неприятности. Слишком много раз задерживал ночной пассажирский.

– Нет! – воскликнула Нина. – Они же не... ты же не потерял работу?

Марек пожал плечами:

– Никаких пикников у железной дороги. – Он улыбнулся. – Я сам во всем виноват.

– Нет! – повторила Нина. – Не может быть... Тебя не могут уволить! Неужели?..

Она пришла в ужас от этой мысли.

– Джим поэтому даже не поздоровался со мной?

– Он очень сердится на тебя, – кивнул Марек. – Винит тебя во всем этом.

– О господи! – с болью произнесла Нина. – Мне так жаль... Мне действительно очень, очень жаль...

– Ты не виновата, – качнул головой Марек. – Не ты, Нина.

– И я не могу помочь...

Нина с отчаянием подумала о тех огромных услугах, которые она позволила ему совершать для нее, о том, как сама способствовала тому, чтобы он потерял работу.

– Неужели за тебя никто не заступится?

– Да, конечно. Я хороший машинист. Который иногда совершает плохие поступки. Но...

Последовала пауза.

– Ты найдешь другую работу?

– Нет-нет. Никакой работы. Я не могу остаться в Британии, вот как.

Нина окончательно растерялась.

– Боже мой, – пробормотала она, – так тебя депортируют! Но тебя не могут депортировать!

Она подбежала к вагону и забралась на площадку.

– Даже это очень плохо, – сообщил Марек.

– А мне плевать! – с жаром ответила Нина. – Они не могут тебя депортировать!

– Ну, может быть, как раз и пора, – грустно сказал Марек. – Я обманывал себя. Играл с тобой во всю эту романтику. Большой книжный роман, как в стихах.

Нина заглянула в его большие темные глаза – и ее собственные глаза наполнились слезами.

– Но ты была права. Это все не настоящее. У меня есть своя жизнь. У каждого она есть. А моя жизнь – Арас и Брония. А эта жизнь выдуманная. Мне нужна настоящая жизнь.

Лицо Марека исказилось от боли.

– И ты... ты уезжаешь? – тихо спросила Нина.

– Да, – кивнул Марек. – Еду домой. Найду работу там. Я умею чинить моторы, разные моторы. Для людей, которые умеют чинить моторы, работа всегда найдется.

Нина моргнула.

– Но... – начала было она.

Раздался громкий гудок локомотива. Джим тронул поезд с места.

– Прощай, – сказал Марек.

Нина уставилась на него. Огромный поезд уже двигался.

– Прыгай вниз, Нина! – приказал Марек. – Прыгай, пока это не опасно!

– Но...

Поезд начал набирать скорость.

– Прыгай!

Нина в последний раз посмотрела на него. А потом спрыгнула с площадки, благополучно приземлилась сбоку от рельсов и долго смотрела вслед длинному товарному составу, который пополз через долину и наконец скрылся из виду.

Стоя возле железной дороги, Нина с бьющимся сердцем набрала номер Марека, но он не ответил на звонок. Нина отправила ему сообщение, ответа снова не последовало.

Тогда она позвонила Суриндер.

– Я знала, что это глупо, – рыдала она в трубку.

И Суриндер, к ее великой чести, даже не сказала: «А я что тебе говорила?», хотя на этот раз была по-настоящему вправе это сделать.

– Я ведь думала, что это... ну да, это было так романтично... И нежно... Что-то вроде игры...

– Но игра закончилась, – просто ответила Суриндер.

И Нина снова разрыдалась.

Она бежала всю обратную дорогу до фермы, а там Леннокс, услышав ее шаги, распахнул дверь. Его высокая фигура обрисовалась в проеме, из дома лился свет, у ног Леннокса крутился Парсли.

– Что случилось? Какого черта, что произошло?! – спросил Леннокс, и при виде ее слез на его лице отразился страх, а руки инстинктивно протянулись к Нине. – Ты цела? Что с тобой?

Он схватил что-то, стоявшее у двери.

– Это что? – спросила Нина, застыв на месте и вытаращив глаза.

Леннокс мрачно посмотрел на Нину, когда она отступила на шаг назад.

– Это дробовик. Что с тобой произошло? Тебя кто-то обидел?

Нина поспешно вытерла слезы и сдержала порыв, потребовавший, чтобы она бросилась в объятия Леннокса, прижалась лицом к его плечу и позволила бы ему все исправить... позаботиться о ней так же, как он заботился об этих своих проклятых овцах. Вместо этого она постаралась взять себя в руки.

– Нет, – ответила она. – Нет, ничего такого...

Нина смотрела на его руку, когда Леннокс опускал ружье, ее слегка потрясло то, что он держал рядом оружие.

– Это... это Марек, – пробормотала она, снова заливаясь слезами.

Лицо Леннокса мгновенно изменилось, он замкнулся, словно внезапно захлопнулась некая дверь. И медленно опустил руки.

– А... – выдохнул он. – Девчачьи глупости.

Он повернулся, чтобы уйти, а Нине тут же захотелось швырнуть что-нибудь ему в голову.

– Нет! – заявила она. – Ты ничего не понимаешь! У него неприятности!

– Ну да, из-за того, что он останавливал поезд, хотя и не должен был этого делать, – согласился Леннокс. – Вот и хорошо.

– Но он теряет работу! Его депортируют! Его отправляют домой!

Леннокс обернулся и окинул Нину спокойным взглядом.

– Возможно, иногда как раз пора вернуться домой.

Нина только и могла, что таращиться на него, она просто не представляла, что еще можно сделать.

– О-о, – произнесла она наконец.

Леннокс опустил взгляд.

– Нет, я ничего такого не имел в виду, – выдавил он наконец с явным усилием. – И мне жаль твоего кавалера.

– Он... он мне не кавалер! – возразила Нина. – Он просто человек, ясно? В беде. Из-за того, что подружился со мной. Он совершил ошибку, и я тоже, но мы ничего плохого не делали, и вообще это не твое дело, а теперь его высылают из нашей страны! Уж прости, что я так думаю, но тебя же вообще ничто не интересует, кроме твоих чертовых овец!

Она повернулась, чтобы уйти к амбару.

– Подожди! – окликнул ее Леннокс все тем же раздраженным тоном. – А как ты думаешь, что я могу сделать?

– Я подумала, ты можешь знать какого-то адвоката, – мрачно откликнулась Нина. – Но забудь об этом. Это не важно. Тебе же плевать.

Леннокс шагнул вперед.

– Я знаю только одного шотландского юриста по разводам, – ответил он. – Но не уверен, что от него может быть толк.

– Да не думай ты об этом! – с горечью бросила Нина. – Извини, что побеспокоила тебя.

Прошли дни, но наконец пришло сообщение от Джима. Марек уехал, его отправили самолетом вместе бог знает со сколькими еще невезучими беженцами и бродягами. Нина, получив это известие, сидела допоздна,

проклиная название, которое дала своему книжному магазину, и гадая, случается ли в реальной жизни так, чтобы кто-то действительно обрел настоящее счастье...

Глава 30

Облака стремительно неслись, то и дело скрывая солнце; теперь, когда середина лета миновала, в небе снова играли розовые краски, обещая настоящий огненный закат, а не простое угасание. Нина ждала, когда упадет топор: Леннокс, старый олух, терял ферму, а для Нины это означало изгнание. Это было лишь вопросом времени.

Но как ни глупо, даже притом что происходило здесь, в тишине, в краю просторных долин и глубоких озер Шотландии, Нина находила нечто такое, что успокаивало ее душу: мир и покой. Ландшафты, каких она не видывала прежде, и все эти дикие существа, и чувство, что здесь ничто не должно меняться, не могут ради доходов иностранных дельцов вдруг возникнуть небоскребы. А времена года будут течь как всегда и сменяться вместе с облаками в небе, но все заново возродится весной, как и много веков назад, и оживут фермы и реки, высокие утесы и уютные долины, где жизнь течет не слишком быстро и где всегда найдется минутка для чашечки чая, песочного печенья и книги.

Нина размышляла о том, как это чертовски трудно: найти наконец место, которое сочтешь своим домом, — и лишь для того, чтобы осознать: тебе снова придется переезжать. Ведь могло случиться так, что и в Оркни она будет точно так же счастлива? Она слышала, что там на диво прекрасные места, и рыба выпрыгивает из моря прямо тебе на тарелку, а небеса огромны, как целый мир, и люди жаждут книг...

Но каждый день, когда Нина знакомой извилистой дорогой ехала через долину в Кирринфиф и обратно, она понимала, что ее сердце тоскует еще до того, как она уехала.

Солнце бросало жаркие лучи на маленькую долину, булыжники мостовой казались теплыми, рыночную площадь наполнили туристы и гуляющие, Эдвин и Хьюго, как обычно, сидели перед пабом, наверняка комментируя все вокруг.

Лесли выставила перед своей лавкой лотки с фруктами, она весело помахала рукой, снова увидев книжный фургон, и другие местные тоже приветственно махали Нине, когда она проезжала мимо.

Кармен, директриса школы, погудела в рожок своего «мини». Нина едва не расплакалась от всего этого. Несколько мальчишек играли на ближайшем лугу в шинти, она удивилась сверх всякой меры, заметив среди

них Бена.

Нина проехала мимо пурпурных колокольчиков наперстянки, что в это время года цвела вдоль дороги на ферму. Овец перегнали на нижний луг, коров – на верхний, там же паслись ягнята, которые уже достаточно подросли, чтобы их можно было отделить от матерей. С легкой улыбкой Нина узнала малышку Флаффи, отставшую от других в росте, на ней по-прежнему виднелся неровный шрам, и она обычно тащилась вслед за другими рядом с Парсли, если он оказывался рядом. Было так приятно видеть их...

Но Нина отметила, что сегодня не видно ни Леннокса, ни Парсли. Она так привыкла видеть их шагающими по склонам холмов – две фигуры вдали, одна высокая и напряженная, другая весело прыгающая, – что заметила бы даже за много миль. Но сегодня их не было видно. Нина занервничала. Она собиралась повидать Леннокса и старалась не злиться на него заранее. Она, конечно, ждала скорого выселения. И переезда.

В профессиональном смысле она достигла куда большего, чем могла даже вообразить. А вот в личном... тут царила полная неразбериха. Нина снова вспомнила добрый совет, который дала ей Суриндер перед своим отъездом. Да, все пошло не так. Это вечно случается. Но она, по крайней мере, выпуталась. По крайней мере, сделала попытку... Но, как постоянно твердила Суриндер, любая любовная история в итоге кончается плохо. Вот и с Ниной такое произошло.

Теперь она кое-чему научилась, она знала, как ей следует поступить, если она встретит очередного мужчину с печальными щенячьими глазами. Или хотя бы выяснит его семейное положение до того, как начнет флиртовать и посылать ему стишки. А если подвернется очередной грубый фермер... что ж, она будет знать, что нужно бежать от него за милую и не позволять себе думать о прикосновении его руки, о сильном, мускулистом теле, прижавшемся к ее телу...

Посреди этих фантазий Нина внезапно осознала, что Леннокс и Парсли стоят прямо перед ней.

– Размечталась о книжках? – спросил Леннокс.

Нина окинула взглядом двор фермы. Он вдруг наполнился фермерами, вооруженными лопатами и разными инструментами.

– Что это? – удивилась она.

– Думаю, тебе понравится, если пойдешь с нами, – проворчал Леннокс. – Мы собираемся к миссис Кларк.

– Куда?!

Леннокс со вздохом повернулся к мужчинам:

– Виноват! Я же говорил вам, что она слегка туповата.
– Да ничего подобного! – с вызовом возразила Нина.
– Те дети. Эйнсли и Бен, – пояснил Леннокс. – Мне казалось, ты говорила, что им нужна помощь.

Миссис Кларк была более чем рада видеть всех, она буквально сияла. Нина и Эйнсли сняли грязные занавески и сунули их в стиральную машину, пока Леннокс руководил своей командой, – мужчины принялись чинить сломанные двери, заменять стекла в окнах... Двое начали красить стены в гостиной, а кто-то еще забрался на крышу, чтобы сменить расшатавшуюся черепицу. Казалось удивительным, как много способна по доброй воле сделать группа людей, когда им подсказали, что именно нужно.

Нина попыталась поблагодарить Леннокса, но тот изумленно посмотрел на нее, удивляясь тому, что она вообще нашла повод для благодарности. Это нужно было сделать, вот и все.

Бен восторженно носился вокруг, пытаясь помогать по очереди то тем, кто работал в садике, то штукатурам, пока они приводили в порядок полуразрушенный дом, – а попутно закусывал бисквитами и включал радио намного громче, чем обычно выносила его мать. Солнце сияло, было невероятно жарко, но люди работали весь день почти без перерыва.

Нина время от времени оглядывалась. Из-за жары Леннокс снял рубашку, когда принялся колоть на дрова какое-то старое бревно.

– Ты почему остановилась? – спросила Эйнсли, когда они с Ниной снимали паутину в углу.

– Э-э-э... да просто так, – ответила Нина.

– Опять этот старый тип? – сказала Эйнсли. – Ну да, я же вижу.

– Ладно, да, – согласилась Нина.

Они обе наблюдали за ним несколько секунд.

– Хватит, давай продолжать! – заявила Нина.

Ближе к полудню она с удивлением заметила какого-то пожилого джентльмена, которого никогда прежде не видела. Он был в костюме и при галстукe, и Нина сообразила, что это адвокат Леннокса. Он заговорил с Ленноксом тихо и настойчиво, и Леннокс тут же опустил топор. Его лицо стало очень злым, он, похоже, ругался себе под нос. Адвокат, виновато посмотрев на него, повернулся, чтобы уйти.

При этом он посмотрел немного вверх и заметил в окне Нину. Взмахнув рукой, он заглянул в новенькую кухонную дверь.

– Привет!

– Привет, – откликнулась Нина, опасаясь наихудшего.

– Я просто хотел сказать... сказать, что мне очень жаль... я узнал о вашем друге. Я поговорил о нем в Министерстве внутренних дел, но он, похоже, уехал по собственной воле, так что они ничего не могли сделать.

– Вы... вы ходили в министерство, чтобы поговорить о Мареке?

– Ну да. Леннокс спрашивал, не буду ли я против...

Дальше Нина его не слушала. Она уставилась в окно кухни. Адвокат попрощался и ушел, но она этого даже не заметила.

Леннокс заранее нанял в деревне миссис Гастерс, так что к тому времени, когда его отряд, измученный вконец, вернулся на его ферму, все было готово. Миссис Гастерс обожала книги о пчелах и была практически экспертом, Нине то и дело приходилось извиняться перед ней за то, что она не смогла отыскать для нее самый последний выпуск «Британского энтомологического журнала». Миссис Гастерс надувалась и спрашивала, что же это за книжная служба такая, а Нина была вынуждена объяснять, что у нее не социальное обслуживание, это просто бизнес, но это ничуть не удовлетворяло миссис Гастерс.

На длинных столах во дворе фермы красовались ломти окороков, а рядом стояли горчица и соус «пикалилли» из острых приправ и маринованных овощей, а еще свежий домашний хлеб, нарезанный толстыми кусками, с местным соленым сливочным маслом, запотевшие круги белого и голубого сыра, картофельный салат со сливками, прохладные огурцы, зеленый капустный салат с фенхелем, апельсинами и овсянкой – выглядел он чрезвычайно аппетитно и вдобавок ко всему был приготовлен огромный яблочный пирог и теплые пенистые сливки с маслобойни.

Нина и вспомнить не могла, когда она в последний раз чувствовала себя такой голодной, но руки у нее болели и потрескались от всех тех моющих средств, которыми она пользовалась в течение дня. Так что, прежде чем сесть за стол, она заглянула в сарай, она была уверена, что видела, как Леннокс оставлял там ланолиновую мазь – ею он смазывал вымя овец, а иногда и собственные руки, – а это, чувствовала Нина, было как раз то, что ей нужно в этот момент.

Нина втерла ланолин в руки и как раз наполняла свою бутылку водой из-под крана, куда она поступала напрямую из источника, когда увидела Леннокса.

То есть на самом деле она его видеть не могла, Леннокс представлял

собой силуэт на фоне солнечных лучей, что лились в сарай снаружи, – просто некая высокая фигура, и все. Это мог быть кто угодно.

Но это не был кто угодно. И в какую-то долю секунды все переменялось.

Нина все еще могла бросить все это. Могла. Она уже делала так прежде. Она могла делать все, что ей вздумается, как какой-нибудь путешественник, как любой, кто просто бродит по миру. Но Нина хотела испытать все, что только возможно. Она не собиралась и дальше прятаться.

Ведь смогла же она начать свое дело с фургоном. И оно каким-то непонятным образом открыло ей дорогу к большему. И теперь Нине хотелось реальной жизни, которой, как она чувствовала, ей всегда не хватало. Почему другие люди живут, а она тихонько, как паинька, сидит в уголке?

Нина отступила к стене сарая и прижалась спиной к теплу древних камней. Сладкий аромат недавно скошенного сена наполнял воздух, золотые солнечные нити прорывались с чердака. Рубашка на Ленноксе из-за жары была наполовину расстегнута, волос на его груди не было.

Нина моргнула, осознавая, о чем думала уже много недель. Вот об этом. Мечтала об этом. Но не в силах была признаться самой себе, не могла признаться кому бы то ни было, боялась, что ее снова увлечет неведомо куда воображение, глупая фантазия о мужчине, которого она едва знала.

Но теперь ей было ясно только одно, одна-единственная мысль полностью захлестнула ее ум – то есть не мысль, а желание, необходимость прикоснуться к нему, и немедленно. И рядом не нашлось никого, кто мог бы дать совет или наставление тихой книжной Нине.

– Хочешь пить? – услышала она собственный голос, который звучал ниже обычного.

Леннокс вошел в сарай, Нина протянула ему запотевшую бутылку с водой и посмотрела ему прямо в глаза. Она пыталась улыбнуться, но не смогла. И пошевелиться тоже не могла.

Глаза Леннокса не отрывались от Нины, когда он подходил к ней, – и подошел так близко, что она ощутила тепло его тела, запах свежего пота...

У нее закружилась голова. Нина тяжело сглотнула. Леннокс, не поблагодарив, взял у нее бутылку и напился, все так же не отводя взгляда.

Нина понимала, что у нее лишь доля секунды на решение. Крошечная доля секунды – та самая, когда она должна была забрать бутылку и отвернуться. Но вместо того она сделала то, чего сама от себя не ожидала, не подозревала даже, что способна на такое: она с вызывающим видом еще крепче прижалась к стене и дерзко уставилась в глаза Леннокса. Ее сердце

бешено колотилось, Нина не решалась заговорить, не доверяя собственному голосу. А стена была ей необходима для поддержки, на случай если ноги подведут. Стоя в прохладном, тихом убежище каменного сарая, Нина смотрела на очертания фигуры Леннокса на фоне яркого дневного света и понимала, что никогда и ничего не желала так за всю свою жизнь, и к черту Марека, Кейт, последствия и все остальное!

Она смотрела на него бесконечно долгое мгновение, и время словно остановилось, как будто мир вокруг них взял передышку, а Нина была застенчивой балериной, боящейся выйти на сцену...

А потом Леннокс сделал быстрый шаг назад и с громким стуком захлопнул дверь сарая.

Дальше все произошло так быстро, что Нина оказалась захваченной врасплох, несмотря на всю свою решимость, на то, что сама, намеренно вела себя вызывающе и не думала ни о чем, кроме того, чего ей хотелось.

Но даже при всем этом ярость поцелуев Леннокса ошеломила Нину. Он целовал ее искусно, но крепко, настойчиво, словно где-то внутри у него пылал огонь, с которым ему было трудно справиться.

Лучшего поцелуя Нина и вообразить не могла. И она отвечала Ленноксу, отвечала со страстью, понимая, что это переломный момент в ее жизни, что поцелуй, возможно, лишь прелюдия, испытание или поддразнивание, предвестник того, что может или не может произойти потом.

Но тут был другой случай. Здесь все было серьезно и целеустремленно, это было реальностью, и Нину пробрало дрожью с головы до ног.

А потом они внезапно остановились, что вызвало у Нины огромное разочарование, она была уверена, что Леннокс, как истинный джентльмен, должен теперь извиниться и отступить назад. Все, что она знала о Ленноксе и его молчаливости, заставляло ее думать, что далее последует обсуждение, а возможно, и смущение. Ну а потом, может быть, ужин... и у нее упало сердце.

Тогда она просто шепнула ему на ухо:

– Еще!

– О-ох... – простонал Леннокс, отодвигаясь, тяжело дыша и глядя на Нину.

Снаружи доносился шум.

– Я должен... мне надо поговорить с рабочими...

Нина кивнула, не сводя с него глаз.

– Позже? – коротко спросил он.

А Нина удивилась тому, что все это время ее беспокоила его

молчаливость, и она гадала, почему он не разговаривал с ней. Теперь она подумала, что слова им и не нужны.

Глава 31

Этот ужин с чаем был настоящей агонией. Хотя при других обстоятельствах он показался бы Нине просто волшебным.

Первые краски заката медленно розовели и наливались золотом, когда явилось множество фермерских жен с дополнительным угощением – с огромными блестящими пирогами и окороками, – и со всей округи собрались гости. Гигантские кувшины сидра, наполненные до краев, освобождались очень быстро, ломти домашнего хлеба с фермерским маслом и местным сыром поглощались на раз. Бен и толпа местных детей носились вокруг дома, гоняясь за кошкой, которая не слишком-то их боялась, бросали кусочки Парсли, приводя того в восторг, и тайком глотали немножко сидра.

Кто-то принес скрипку, и парочки тут же пустились в пляс по двору, люди пели и шутили. Нина и Леннокс просто смотрели друг на друга, не обращая внимания ни на что вокруг, неловкие и рассеянные. Нина была почти уверена, что любой и каждый без труда угадывал, что у нее на уме, она то и дело краснела, не могла сосредоточиться, постоянно остро осознавала, где именно находится Леннокс и в какую сторону смотрит, и сколько еще ей ждать момента, когда они смогут ускользнуть.

Наконец блюда начали пустеть, и по обоюдному согласию, едва проявив необходимую вежливость, Нина и Леннокс покинули гуляк и направились к ее амбару, окна которого смотрели в другую сторону от фермы и любопытных глаз.

Нина мельком подумала о том, не заставит ли Леннокса помрачнеть вид изысканных гардин, дорогой кухни и роскошной кровати, но он пока помалкивал. И в ту самую секунду, когда они очутились внутри, он сжал Нину и стал целовать так, что она задохнулась.

А потом повел ее наверх и раздел – быстро, ловко – и, когда оба оказались обнажены, уложил на кровать.

– Ты... – удивленно пробормотала Нина. – Это ты...

Он смотрел на нее, а его ладони ласкали тело Нины.

– Думаю, да, – с легким недоумением ответил Леннокс, почти так же изумленный, как и Нина. – Я не... не предполагал, что это произойдет. Просто... постоянно думал о тебе. О том, чем ты занимаешься...

Он сжал ладонями ее лицо:

– Я смотрел, как ты читаешь в фургоне, и сидишь так тихо, лицо у тебя светится, а я не представлял, где ты в такой момент... Ты могла быть где угодно, далеко-далеко, а мне было не проникнуть в твои мысли... Это сводило меня с ума. И то, как ты приехала сюда, просто появилась, изменив всю свою жизнь... Моя семья жила здесь из поколения в поколение... Мне бы никогда и в голову не пришло поступить так, как ты: начать все сначала, заняться чем-то совершенно другим... изумительно! Ты такая маленькая... никогда и не подумаешь, что в тебе такая сила. И тот машинист... он тоже сводил меня с ума. Прости, я просто ревновал.

Нине казалось, что ее сердце вот-вот разорвется.

– Я не мог... позволить себе... Я бы не справился с очередным глупым крушением, снова пойти дорогой в никуда, чувствовать себя глупо, а ты обращалась со мной как с идиотом...

– Потому что это я сама – идиотка. – Нина закрыла глаза. – Поцелуй меня, пожалуйста. Скорее! Крепче! Так, как ты умеешь...

Лицо Леннокса потемнело.

– Кейт... – пробормотал он. Нина поморщилась. – Кейт... не нравилось, каков я в постели. Говорила, я слишком груб... – В его глазах вспыхнула боль.

Нина смотрела на Леннокса, и ее глаза слегка затуманились, когда она почувствовала внутренний надлом.

– Все люди разные, – произнесла она тихо, но отчетливо. – Все разные, и всем нравится разное. И это хорошо. А то, что нравится мне... ну, думаю, это ты. И даже очень нравишься.

– Вроде ты выглядишь не такой, – пробормотал откровенно смущенный Леннокс.

– Ты не можешь судить о человеке, просто глядя на него, – нахально заметила Нина и показала ему язык.

Это наконец вызвало у Леннокса улыбку.

– Да, – согласился он. – Пожалуй, не могу. Может, перестанем наконец болтать?

И они перестали.

А потом не смеялись, не шутили и не болтали... Они просто прижались друг к другу, едва дыша, и голова Леннокса упала сбоку на шею Нины, покалывая щетиной нежную кожу. Оба они были переполнены чувством, почти напуганы произошедшим. Сердце Нины продолжало отчаянно биться, напряжение, ненадолго отпустившее ее, теперь снова нарастало.

Но было тут еще и нечто иное: удивление, что-то странное, внутреннее, чего Нина в себе не подозревала.

– Я могу остаться? – прошептал наконец Леннокс.

– Да, – коротко ответила Нина.

Она не добавила «спасибо» или «пожалуйста», потому что все стало другим, Нина оказалась в другом пространстве, но не знала, надолго ли.

Нина увидела, что лицо Леннокса, когда он ненадолго задремал, не расслабилось, как у большинства людей. Нина не могла, глядя на него, восхититься его внешностью, или увидеть мальчишку, каким он когда-то был, или рассмотреть глубоко скрытую под резкостью нежность...

Нет, он оставался тем, кем был: стальной подбородок, предельная сосредоточенность хоть на ферме, хоть на Нине. Нина зачарованно смотрела на него, пока Леннокс не проснулся, а проснувшись, не смутился ни на мгновение и тут же обхватил ее за талию.

– Нина... – произнес он так, словно изголодался по ней.

Да так оно и было, он бесконечно изголодался, а поскольку веселье снаружи продолжалось допоздна и скрипки не переставали играть, они тоже занялись своим делом.

Глава 32

К четвертому дню после гулянки это уже стало выглядеть глупо. Дальше это не могло продолжаться в том же роде. Для начала Нине грозило банкротство. А еще они совершенно не говорили о том, что́ на самом деле творят, и это не могло тянуться бесконечно.

Но Нина не могла справиться с собой. Она не могла ни о чем и ни о ком другом думать. Она не могла сосчитать деньги, не могла сосредоточиться на работе.

А Леннокс в любой час дня находил время для того, чтобы найти Нину, куда бы она ни отправилась. Как-то раз он даже заявился в Женский институт, где проходило заседание книжного клуба, и с абсолютно серьезным видом заявил Нине, что его «лендровер» нужно срочно взять на буксир и не потрудится ли она немедленно подогнать свой фургон? Нина по виду рассудительных милых леди, обсуждавших романы о Второй мировой войне, поняла, что они сочли это абсолютно нормальным и не обратили никакого внимания на вздернутые брови Нины и на то, как она хихикнула, уходя. А Леннокс отвез ее совсем недалеко от городка, просто чтобы их не было видно, а там без всяких прелюдий прижал к дереву... Нина так вопила, что ей казалось: она вот-вот умрет.

Нина находила все это весьма необычным. Потому что Леннокс, такой замкнутый и необщительный, оказался фантастически изобретательным и разнообразным как любовник и невероятно страстным. Как будто все то, чего он не мог сказать словами, он выражал другим способом. И Нина таким образом узнавала его, проникала в его сердце. Не благодаря долгой болтовне, поэзии и общим интересам, но через познание Леннокса физически – то есть так же, как он работал с животными или на полях, не чувствуя нужды задавать вопрос, почему он это делает. Он был просто частью этой земли, и она – тоже.

Нина с беспокойством осознавала, что день ото дня любит Леннокса все сильнее. Она училась говорить на его языке, просто не могла удержаться, сходила с ума от этого, у нее кружилась голова, она так отчаянно его желала, что начинала ощущать себя крайне ранимой, и знала: если он не чувствует всего того же, ей этого не перенести.

– Мы такие разные, – говорила Нина в телефон. – Честно... Я не знаю...

Может, это просто секс...

– Ох, боже мой, да это все сразу! – выдохнула Суриндер. – Давай, рассказывай дальше!

– Я не хочу рассказывать дальше, – возразила Нина. – Во-первых, ты отвратительна, а во-вторых, от этого мне становится еще тоскливее, а если я не выплюсь как следует, то разобью фургон.

– Когда я его в первый раз увидела, то сразу подумала, что он должен быть именно таким, – заявила Суриндер.

– Врешь!

– В самом деле! Он принадлежит к этому типу. Уж я-то знаю. Весь такой замкнутый, застегнутый на все пуговицы – и бесконечно сексуальный при этом. Подавленные эмоции!

– Прекрати! – потребовала Нина. – Слышать не могу! Я понятия не имею, что он чувствует, и это сводит меня с ума.

– Ой, милая! – сокрушенно произнесла Суриндер. – Мне так жаль! Я просто не поняла... Я не поняла, что ты всерьез в него влюбилась.

– Ничего подобного! – впала в панику Нина. – Нет! Я не могу! Не хочу!

– Точно! Ты как раз поэтому так спокойно и беспечно говоришь о нем. Продолжай! Ты чувствовала что-то такое к Мареку?

– Нет... – слегка растерялась Нина. – Но я и не спала с Мареком.

– Как ты думаешь, он мог оказаться таким же?

Нина немного подумала, прежде чем ответить:

– Пожалуй... нет, ничего похожего и быть не могло.

– Ну вот!

– Но мы даже не говорим о его бывшей! А вдруг он все еще ее любит? Мы вообще ни о чем не говорим.

– Ты на все сто процентов уверена, что снова ничего не придумала?

– А еще я могу вскоре стать бездомной, – сообщила Нина, оглядывая уютное пространство амбара, и на дорогие простыни закапали ее слезы. – Кейт, наверное, просто ошеломительна... А я так... местная замена... Временная замена. Подвернулась под руку, и все.

– Это не твоя вина. Если он козел, тебе нужно с этим разобраться. А если он отличный парень, у которого трудный период в жизни, – что ж, это другое дело. Может, он стоит того, чтобы за него держаться.

– Мне кажется, он меня просто уничтожит, – пропищала Нина.

Она ждала, что Суриндер прикажет ей не впадать в мелодраму.

Но этого не случилось.

Глава 33

– Хочешь прогуляться?

Леннокс как-то непонятно уставился на нее:

– Что?..

Часы показывали половину шестого ясного воскресного утра. Леннокс уже одевался. Нина лежала в постели, утомленная, счастливая.

– Погулять. Ну, ты знаешь... полюбоваться природой, окрестностями.

Леннокс моргнул:

– То есть просто ходить туда-сюда?

– Э-э-э... да!

– Но я только это и делаю целый день.

– Вот и возьми меня с собой. – Нина села. – Получится что-то вроде прогулки.

Леннокс нахмурился. Нина остро осознавала, что они нигде еще не бывали вместе. Не ходили ни в паб, ни в булочную за аппетитными сосисками в тесте, не сидели где-нибудь во дворе, болтая ногами, как подростки, бросая Парсли кусочки слоеного печенья... Они не садились в «лендровер» и не отправлялись на романтический пикник, не бродили вдоль берега рука об руку...

Нина смотрела на Леннокса, натягивавшего на себя свежую саржевую рубашку. У двери он наклонился, чтобы надеть и зашнуровать тяжелые рабочие ботинки. Налил себе кофе, что стоял на плите, – в свою личную кружку, завтракал он намного позже. Нина наблюдала за тем, как он молча собирается уходить.

– Так ты идешь или нет? – в конце концов ворчливо спросил он.

– Да! – подскочила Нина.

Она с энтузиазмом натянула на себя одежду. Схватила куртку с вешалки у двери и выбежала наружу вслед за Ленноксом.

Рассвет едва занимался, на улице было жутко холодно. Парсли бодро выскочил из своей будки, и Нина приласкала его. Леннокс снова исчез в доме и тут же вышел со второй кружкой горячего сладкого кофе – и без слов протянул ее Нине.

В живой изгороди только начинали щебетать просыпавшиеся птицы, когда Леннокс и Нина проходили мимо. Над полями висел утренний туман. Закутавшись в куртку, держа горячий кофе, согревавший ей руки, Нина

едва поспевала за Ленноксом, длинными шагами мчавшимся вперед. Попутно он заглянул в коровник, проверяя, доят ли уже коров, – Рорих быстро кивнул, увидев его, – потом помчался на верхние луга, навестить пасшихся там овец. Сквозь туман над дальними холмами зарозовело солнце, и Нина задохнулась от восторга, увидев его. Но Леннокс просто шел все дальше и дальше, проверил, не обрушились ли где-то слишком сильно каменные стенки, не пора ли их укрепить. Пока он занимался всем этим, Нина вдруг увидела в нескольких метрах от себя пятнистого оленя: он поднял голову и шевелил носом. Секунду-другую олень смотрел на Нину огромными карими глазами, потом повернулся и умчался.

– Ух ты! – воскликнула Нина. – Ты это видел?

– Оленя? – скептическим тоном отозвался Леннокс. – Никак не могу избавиться от этих шельмецов.

– Но ты ведь видел? Какой он красивый!

– Черт бы их побрал, они под охраной!

– Нет в тебе никакой романтики, – безнадежно заявила Нина.

Она видела, что Леннокс тщательно заделывает небольшую дыру в изгороди с помощью запасного куска проволоки и чего-то вроде клещей, входивших в комплект его швейцарского армейского ножа, что всегда лежал у него в кармане.

Леннокс посмотрел на Нину, и та поняла, что совершила ошибку, что она, наверное, не первая, кто сказал ему такое.

– Мм... – промычал он.

– Я не то хотела сказать, – поспешила исправиться Нина. – Просто олень очень красив...

Леннокс сердито взмахнул рукой:

– Знаешь, вон те леса тянутся отсюда до Сатерлендшира... им уже много веков. Со времен королевы Марии Шотландской, и даже больше. Там всегда жили шотландские тетерева, ежи, беркуты и миллионы всяких мошек и жуков. Но да, олени были самыми красивыми. И все, кто смотрел всякое кино, думал, что олени очень умные и что они должны жить здесь и дальше. Так что теперь их развелось несчитано. Они подгрызают корни деревьев, съедают семена, вообще все подряд, скоро от этих древних лесов ничего не останется. А еще олени уничтожают их прежних обитателей. Здесь уже нет малиновок и кукушек, нет гадюк, нет лесных мокриц. Выходит, они совсем не такие симпатичные, как Бэмби?

Нина уставилась на него во все глаза:

– Я не знала...

– Разве ты не читала об этом в одной из своих книг?

Они в молчании повернули назад к ферме. Нина не на шутку встревожилась.

– Мне очень жаль, – сказала она уже у ворот фермы.

– Жаль чего?

– Что я сказала, будто в тебе нет романтики.

– А... Ну да, нет. Пошли в дом.

– Да, – кивнула Нина. – Я хочу... Мы можем поговорить?

Леннокс вздохнул, когда Нина вошла за ним в прелестную гостиную.

– Может, тебе лучше...

– О чем именно тебе не хочется говорить? – спросила Нина. – Это... это твоя бывшая?

Леннокс как будто сразу устал.

– Нина, нужен ли нам этот разговор?

Она долго смотрела на него. Потом качнула головой:

– Безусловно нет. Извини. Я подумала, это может что-то означать. Но, видимо, нет. Ты ведь до сих пор даже не сказал, придется ли мне убираться отсюда. – Она встала, собираясь уйти.

– О боже... Нина! Это же не от меня зависит! Я пока что даже не свободен. Ты должна понимать, это не в моих руках.

– Выходит, для тебя это ничего не значит? Прекрасно.

Леннокс посмотрел на нее, изумляясь тому, что она вообще может говорить такое.

– И для меня тоже, – заявила Нина, но пожалела о своих словах в тот же миг, как они сорвались с ее губ.

Последовала очень долгая пауза. Леннокс медленно поднялся, подошел к двери и снова надел ботинки.

– Не... не уходи! – в ужасе попросила Нина, глядя на его широкую спину.

Если она что-то и поняла в Ленноксе, так это то, насколько он был раним после ухода Кейт. А ее слова ударили прямо вглубь нанесенной ему раны. Нина приняла то, что он ей предложил, и отвергла, потому что ей этого было мало, – точно так же, как Кейт.

– Я... я ничего такого не имела в виду. Я не...

– Знаю, – ворчливо ответил Леннокс. – Дело как бы в том доме. Но на самом деле тебе хочется нежностей и цветов и всякого такого. Потому что тебе это кажется важным.

– Нет! Я ничего такого не думала! – Нина смотрела на него, не отводя взгляда. – Ты... ты позже заглянешь, чтобы поесть?

– Мы с Рорихом, скорее всего, пообедаем у Аласдера.

Леннокс не смотрел ей в глаза.

Нина глядела ему вслед, и в ней вскипало что-то, грозившее захлестнуть целиком, это был огромный поток эмоций и боли. Когда Леннокс наклонился в дверях, Нина окликнула его по имени. Она этого имени даже и не знала, пока он сам не сказал.

– Джон... – тихо произнесла она.

Но хотя он застыл на мгновение, но все же не обернулся.

– Ты просто идиотка!

– Заткнись, сама знаю! Но и он тоже!

– Ты хуже. Какого черта ты начала давить?!

– Может, это и к лучшему, зато я теперь знаю: он просто надутый козел!

– Ох, бога ради, ты как будто раньше этого не знала! Нина, ты не увидишь настоящего, даже если оно появится прямо у тебя перед носом!

– Ну и наплевать!

– Нина, очнись! – заорала Суриндер, которую Нина разбудила. – Это тебе не романтические пикники, прогулки под луной и всякие книжные сказки. Это настоящая жизнь! Да, он трудный человек и ворчливый. Он разводится. А еще он сексуальный, кредитоспособный и милый и еще полчаса назад был явно в тебя влюблен!

– О боже...

– Я приеду.

– Но ты не можешь взять еще один отпуск!

– Мм... – ответила Суриндер.

– Что?

– Ничего. Они мне должны, вот и все.

– Не вздумай! Чем ты здесь можешь заняться?

– Ну... например, бездельничать... Покупать мороженое, чтобы взбодрить тебя. Или дать тебе как следует по башке и приказать не быть такой идиоткой!

– Может, он приедет...

– Не похож он на тех, кто просит прощения, – возразила Суриндер.

И Суриндер оказалась права.

Глава 34

Нина вдруг поняла, что стоит на цыпочках, выглядывая в кухонное окно, чтобы увидеть – просто увидеть, – загорится ли свет в большом доме. Они почти не виделись. Казалось безумием то, что они могли провести последние три недели голышом в постели, открывшись друг другу, оба ранимые и такие близкие, какими только могут быть люди, – а теперь, видимо, они могли встретиться на улице и даже не упомянуть о чем-то подобном. Это было ненормально. Теперь, когда у Нины появилась возможность подумать обо всем, она отчаянно ругала себя за то, что так поспешила, так надела на него.

И еще она отчаянно его желала. Скучала невероятно. Не только по сексу, осознала Нина, хотя и этого ей жутко не хватало, – как будто она никогда в жизни не ела шоколада, а потом попробовала его и теперь хотела есть без передышки.

Все, что случалось у Нины прежде, было просто милой, нервной, приятной возней. Но теперь... Теперь заиграли все краски. Секс с Ленноксом был настолько ярким, что у Нины болела голова, иногда она взрывалась слезами, а Леннокс, ничего не говоря, просто крепче прижимал ее к груди и вытирал ее слезы, он утешал ее так, как не умел никто, хотя она и сама не знала, почему плачет.

Как же она тосковала по нему!

Нина скучала и по корзинке с яйцами, которая время от времени появлялась на ее крыльце, и по домашнему сидру, который они вместе пили в кухне. Она скучала по Парсли, виляя хвостом обнюхивавшему ее, стоило ей появиться во дворе. Теперь Парсли куда чаще бегал по полям за своим хозяином, а когда изредка появлялся на ферме, то был измучен так, что лишь приоткрывал глаза, когда фургон возвращался домой. Нине не хватало того странного чувства, что возникало у нее рядом с Ленноксом: этот человек может все наладить, случись что ненароком с овцой, с собакой или даже с самой Ниной, он может во всем разобраться. Леннокс вызывал у Нины чувство безопасности, такое, какого она прежде и вообразить не могла.

Нина еще раз выглянула в маленькое окошко и уже собралась опустить занавеску и отвернуться, когда вдруг на долю мгновения что-то мелькнуло в окне напротив... и Нина поняла, что Леннокс тоже смотрит в ее сторону.

У Нины перехватило дыхание, она, замерев на цыпочках, устоялась туда, смотрела, переполненная тоской, отчаянным желанием, грозившим захлестнуть весь ее рассудок, заставлявшим ее помчаться через двор...

Внезапно что-то брякнуло, и Нина, испуганно глянув вниз, поняла, что она уронила в мойку тарелку. А когда снова посмотрела в окно, Леннокс исчез. И она по-прежнему не знала, сколько еще ей осталось.

Нина думала, какое же это трудное дело, вся эта самореализация и самосознание. Она едва прочитала первое слово – и тут же упала последняя соломинка. Леннокс мог лишить ее сексуальной жизни, он мог отобрать у нее спокойствие ума, ее надежды на счастье, ее дом, средства к существованию. Но никто не мог отобрать у нее книги!

Она должна уехать, храбро подумала Нина. Должна перебраться в Оркни. Начать сначала. Она сделала это однажды и сможет сделать еще раз. Именно начать сначала, подальше от всего этого городишки, от сплетен и шпионящих глаз, от сложностей, возникших из-за близости с человеком, который вызвал в ней такие сильные чувства.

Нина еще раз повторила себе, что она абсолютно готова ко всему. Что это вовсе не значит, будто она выкладывает последний козырь – отъезд навсегда – в надежде, что это заставит его осознать последствия, заставит умолять ее остаться, исправить все... Она намеревалась сделать это ради себя самой. Сделать снова.

Нина надела платье, недостаточно теплое для такой погоды, дрожащей рукой накрасила губы и, стараясь наполниться уверенностью, которой вовсе не чувствовала, распахнула дверь.

Леннокс стоял там, положив огромные ладони на дверной косяк. Нина подпрыгнула:

– Ой!..

– Нина, – заговорил он с опрокинутым лицом. – Я не могу. Я не могу без тебя. Прости. Пожалуйста. Я знаю, что... что со мной трудно. Знаю, каков я. Дай мне еще шанс. Просто дай еще один шанс. Пожалуйста...

Ему не нужно было говорить что-то еще. Нина схватила Леннокса за руки и притянула к себе, зная, что при любых обстоятельствах она не может его отпустить, не может дать ему выскочить из схемы ее мира, он был вписан в нее, хотела того Нина или нет, и у нее уже не оставалось никакого выбора.

Нина прижалась к Ленноксу всем телом, а он так ее сжал, что едва не задушил. Ее сердце бешено колотилось, и тут внезапно что-то обрушилось на нее – нечто, появления чего она не ожидала, что она не могла сравнить

со всем тем, о чем читала в книгах, мечтала или фантазировала...

Леннокс мучительно медленно склонился к ней, и Нина потянулась к нему со страстным, жгучим желанием, растягивая восхитительную секунду перед тем, как вновь ощутить вкус его губ, а он улыбался ей, прекрасно зная, что́ она чувствует и что все это означает.

Но внезапно Леннокс отпрянул, Нина тоже услышала это: на дороге к ферме закрипели шины. Нина рассеянно улыбнулась, полагая, что это приехал поставщик корма или ветеринар, но Леннокс покачал головой, он узнал звук мотора этой машины. И в смятении отступил назад.

– О, Нина, мне жаль...

Нина не сразу поняла, что он имеет в виду.

– Мне так жаль...

Во двор, распугивая кур, въехал белый «рейнджровер» и неуклюже остановился.

Глава 35

Нина из своего амбара наблюдала за тем, как появилась эта женщина.

Да, она была изумительно хороша, именно такая, как и предполагала Нина: блондинка с волнистыми волосами, слегка богемного стиля. Иначе говоря, она была просто великолепна. Казалось, она совершенно не подходила Ленноксу, хотя, когда они оказались рядом, Нина внезапно увидела это: его рост и стройное широкоплечее тело прекрасно подчеркивали нежные линии фигуры Кейт. Они представляли собой весьма привлекательный контраст.

Нина окаменела, когда Кейт расцеловала Леннокса в обе щеки. Нина не знала, что ей делать. Прятаться казалось глупым. Может, нужно нахально подойти, чтобы ее представили как подругу Леннокса? Пожалуй, такое еще хуже, она совсем не его подруга, да и само слово выглядело глупее некуда, если говорить об описании того, что между ними происходило. Это всего лишь нелепый детский термин, неспособный описать то, что Нина чувствовала, когда Леннокс находился рядом с ней: как будто одновременно светило солнце и бушевала гроза, разрывая ее изнутри...

Нина нервно сглотнула, ее сердце забилося как сумасшедшее.

А потом Кейт сама с улыбкой направилась к ней, демонстрируя при этом безупречные зубы. Нина ощутила себя чудовищно неуклюжей. В другой жизни, в другом мире ей бы понравилась эта женщина, хотя сама Нина ничуть на нее не походила. Но теперь Нина видела то, чего не хватало ей самой, и это был не только безупречный стиль или косметика, стоившая немалых денег и усилий... Нет, это было ощущение общей истории: Кейт и Леннокс гуляют по улицам Эдинбурга, рука об руку, создавая собственный мир, полюбив друг друга настолько, чтобы пожениться... Мысль о том, что Леннокс стоял перед толпой людей и произносил слова клятвы...

– Привет, – с обезоруживающей теплой улыбкой сказала Кейт.

Но тут виднелся расчет.

Нина увидела, как ее оценивают – от стоимости ее туфель до кончиков слегка обкусанных ногтей – ужасная привычка, ведь Нина часами держала в одной руке книгу...

– Можно мне войти?

Нина старалась не забывать о том, что эта женщина собирается

отобрать у нее все то, что Нина уже безусловно считала своим домом, то единственное место, где ей хотелось жить, ту единственную работу, которую ей хотелось делать, и того единственного мужчину, которого она желала всей душой.

Кейт окинула пренебрежительным взглядом массу книг, расставленных Ниной на идеальных книжных полках, разбросанные по минималистской кушетке подушки...

– Похоже, вы тут устроились по-своему, – произнесла Кейт тоном, который вроде бы должен был подразумевать шутливость, но на самом деле ничего подобного не означал.

– Э-э-э... да, я понимаю, что это не долгосрочная аренда или что-то в этом роде, – забормотала Нина, не понимая, почему она раболепствует перед этой особой, пусть даже в ее власти уничтожить всё.

– О да! – отмахнулась Кейт. – Мой муж никогда не умел заключать выгодные сделки. Удивляюсь, как эта чертова ферма до сих пор держится.

Она снова оглядела Нину с головы до ног, и та покраснела. И почему, кстати, Кейт продолжает называть его своим мужем?

– Как вы находите Кирринфиф?

– Э-э-э... здесь интересно, – ответила Нина.

Вряд ли она нашла бы слова, чтобы описать, насколько все изменилось для нее самой за то время, что она провела здесь.

– Настоящая дыра, правда ведь? – сказала Кейт. – Я никогда не была счастливее, чем в тот миг, когда сбежала отсюда. А я слышала, вы тоже уезжаете?

– Вот как?..

Кейт нахмурилась:

– Там, в деревне, Лесли упомянула о том, что вы вроде как подумываете об Оркни. Боже, да там ведь еще хуже, чем здесь!

– А вы где живете? – спросила Нина.

– О, я... – Кейт не договорила. – Скажем так: у меня есть кое-какие планы, – продолжила она после паузы. – А пока надо выяснить, что задумал этот чертов Леннокс.

Она снова повернулась к двери амбара, задержавшись лишь для того, чтобы критически оглядеть потертый, но восхитительный коврик, который Нина нашла на одной из распродаж.

– Леннокс! Когда ты, черт побери, отзовешь своего бешеного пса?!

Леннокс все с тем же неловким видом стоял во дворе.

– Парсли?

– При чем тут долбанный Парсли?! – фыркнула Кейт. – Я говорю о

Раналде!

– Он просто делает свою работу, – ответил Леннокс.

– Вынуждая меня умирать от голода! – возразила Кейт.

Леннокс на мгновение прикрыл глаза:

– Можем мы обсудить это в доме?

Нина повела фургон в Паттерсмит, где уныло продала несколько книжек. Настроение Нины явно отражалось на ее лице, она ни на чем не могла сосредоточиться, даже с трудом улыбалась детям. Ей хотелось украсть Парсли, – по крайней мере, рядом с ней очутился бы хоть кто-то в хорошем расположении духа.

Воображение Нины взбунтовалось. О чем они там говорят? Не соглашается ли Леннокс сдаться? Может, и так, возможно, он подумает, что так будет проще. Или правильнее. Но Нина даже представить не могла, чтобы Кейт как-то управлялась с фермой. Или, может быть... Еще более мрачная и темная мысль вторглась в голову Нины. В конце концов, Кейт была потрясающей... И Леннокс тоже. И возможно...

Ведь когда-то они были привязаны друг к другу.

Нина вздохнула и рассеянно отдала новенькую книгу в твердой обложке по цене мягкого переплета. Рыбак Иннес постарался скрыть свой восторг и умчался со всех ног.

Нина рано поужинала в пабе с Эдвином и Хьюго. Они оба всегда были рады ее видеть, но тут же упомянули о том, что видели миссис Леннокс. Правда ли, что она заезжала на ферму? Такая милая леди, такая симпатичная... Нина просто не могла этого вынести, а потому с тяжелым сердцем направилась домой, погнав фургон по подъездной дороге.

Эти двое снова были во дворе. И явно кричали друг на друга. Парсли куда-то скрылся. Леннокс умоляюще протягивал руки к жене. Кейт покраснела, ее прекрасные светлые волосы растрепались. Нина почувствовала, что вполне способна наехать на них, поэтому резко остановила фургон и вышла.

– Что это такое?! – закричала Кейт, показывая на фургон. – Ты что, купил это для своей милашки? Которую поселил в моем чертовом амбаре!

Ага, подумала Нина. То, что предполагалось как спокойное и рассудительное решение проблемы, превратилось в нечто противоположное.

– Какого черта?! – кричала Кейт, пока Нина шла к ним. – Кто ты вообще такая?! Я-то сочла тебя мышкой! Тихой маленькой мышкой, от

которой нельзя ждать неприятностей, а ты? Ворует чужих мужей?!

Нина застыла на месте:

– Мне казалось, вы разводитесь.

– Ну он же невыносим! – фыркнула Кейт. – Ты должна была и сама это понять! Он абсолютно бездушен! Никакой поэзии! Да как ты можешь его выносить?

Она медленно обошла фургон, снова презрительно фыркнув, и наконец увидела надпись на его боку.

– «Книжный магазинчик счастья»! Ха-ха-ха! Умереть со смеху! Что-то я особого счастья не вижу!

Нина прикусила губу. Ей не хотелось признавать, что Кейт, возможно, права.

Кейт пошла дальше по двору фермы с таким видом, словно он ей принадлежал. Нина не желала спрашивать, так ли это на самом деле. Леннокс стоял на месте, испуганно наблюдая за Кейт.

– Так вот, значит, чем ты занимаешься? Катаешься туда-сюда в поисках неудачных браков?

– Прекрати, Кейт! – резко бросил Леннокс.

– И почему же? Я вправе задавать любые вопросы, разве нет? Хотя, знаю, ты предпочел бы, чтобы я исчезла навсегда, и жила в какой-нибудь норе, и никогда больше тебя не беспокоила!

– Кейт, мы уже говорили об этом. – На этот раз в тоне Леннокса звучала усталость. – Это ферма моей семьи. Мое наследство.

– Ты вечно только это и делаешь – болтаешь о наследстве! Да! Поэтому-то ты такой скучный старый болван, который не может даже взять выходные, чтобы поразвлечься, провести веселую ночь в ресторане или сделать еще что-нибудь, хоть отчасти забавное!

– Я не из таких людей.

– Да откуда ты сам это можешь знать, если торчишь тут постоянно? А, я забыла, у тебя же есть компания! Seriously, Леннокс, ты что, неспособен даже на полмили отойти от собственной двери? Я и не догадывалась, что ты так обленился.

– Не смей говорить о ней так!

Кейт округлила глаза:

– Думаю, эта расчетливая мадам может и сама о себе позаботиться.

– Хватит!

Разъяренный Леннокс шагнул вперед. Кейт нагло улыбнулась. Нина подумала, что Кейт точно знала его больные точки. Она была прекрасна, мила, талантлива и так уверена в себе... Всем этим хотелось бы обладать и

Нине, именно этому она завидовала подобным людям. Но вот эта женщина стояла здесь, визжа и крича от ярости.

Это выглядело по-настоящему странно.

Кейт подошла к Нине:

– А ну-ка, посмотрим на твое маленькое увлечение! Для нее, как я понимаю, в самый раз иметь маленькие увлечения. Тебе только моя мазня не нравилась?

– Не то, – ответил Леннокс. – Дело в том, что ты ни на чем не могла остановиться. Сегодня это была роспись керамики, потом живопись, потом гончарное дело, потом дизайн интерьеров. Ты никогда ничего не доводила до конца.

– Это потому, что дома меня не поддерживали! Ты черт знает где болтался целыми днями, а я тут сидела одна!

Леннокс погрузился.

– Ты прежде сама мечтала о том, чтобы жить здесь, – тихо сказал он.

– Это лишь показывает, какой идиоткой я была!

Кейт открыла дверцу фургона. Нина отступила в сторону. Она не хотела мешать человеку, находившемуся в подобном настроении.

Кейт вошла внутрь и увидела светлые серые стенки, аккуратную обстановку, люстру... Она вдруг замерла, потом обернулась и вопросительно посмотрела на Нину.

– О! – выдохнула она. – Это... – Она провела рукой по полкам. – Это прелестно!

По тому, как Кейт прикасалась к книгам, Нина поняла: эта женщина любит читать. Нина всегда узнавала читателей, даже разозленных.

– О! – повторила Кейт. – И ты сама всем этим занимаешься?

– Мне немного помогают, – негромко ответила Нина.

Но Кейт уже остановилась рядом с маленькой кассой. И приоткрыла рот.

Нина заглянула в фургон, чтобы понять, на что смотрит Кейт.

– Я не... – начала было Кейт, потом снова ненадолго умолкла. – Я не видела ее уже лет сто!

Это был последний, замусоленный экземпляр «По крышам». Лицо Кейт смягчилось, и Нина вдруг увидела, каким та могла быть ребенком: прелестным, избалованным, испорченным...

Кейт протянула руку к книге:

– Можно мне?..

Нина кивнула.

– Это точно такое издание, какое было у меня! – выдохнула Кейт,

осторожно перелистывая страницы.

– Да, мне повезло, что я его нашла, – согласилась Нина. – Прекрасно, правда?

– О! Вот здесь голубь теряет лапку, и они мастерят ему новую из палочки от эскимо!

Нина улыбнулась.

– А здесь они в говорящем туннеле...

– Это всегда немножко меня пугает.

– Боже, да... – кивнула Кейт. – А здесь – Берег Галеона...

– Можно... – Кейт сжала в руках книгу. – Можно мне...

– Это мой последний экземпляр, – сказала Нина. – Я не могу с ним расстаться, мне очень жаль.

– О! – в очередной раз вздохнула Кейт.

– Я вроде как... ну, я делюсь этой книгой с моими друзьями.

– Но я ее хочу! – очаровательно надув губки, заявила Кейт.

Нина посмотрела на нее. Кейт явно привыкла получать все, что ей хочется. Всегда.

– Нет, вы не можете ее забрать, – мягко произнесла Нина. – Она принадлежит другому человеку.

Они долго смотрели друг на друга.

– О боже! – Кейт опустилась на одно из кресел. – Я так устала от всего этого! Так устала!

– Я понимаю, – согласилась Нина. – Я тоже устала. А в чем загвоздка?

– Мой адвокат говорит, нужно требовать всю ферму. Тогда со временем мы договоримся.

– Вы действительно хотите получить ферму?

– Черт побери, нет! Что мне с ней делать? Но он постоянно твердит: «Нет, ты ее не получишь!» Никаких обсуждений. Чертов упрямец!

Нина едва заметно усмехнулась:

– Ну да, это я вижу. Он не делает никаких встречных предложений?

– Нет, говорит, что ждет предложений от нас. Но мой адвокат тверд как алмаз. А деньги тем временем тают.

– Но, бога ради, почему вам просто не... не попросить у него...

Нина умолкла, внезапно осознав, что именно собралась сказать. Но надо ведь как-то со всем этим покончить.

– Почему бы вам не попросить у него этот амбар? Могу поспорить, вы легко его продадите или сдадите в аренду, а потом сможете жить, где захотите.

– Ну а если он и в этом откажет? – нахмурилась Кейт. – Я же тогда

пропаду!

– Не откажет, – возразила Нина.

Она постепенно начала понимать, что Леннокс, конечно, был неразговорчив, упрям, своеволен... но под его затвердевшей внешностью скрывалась доброта. Коренная, глубокая. Нина в это верила. И это нравилось ей в Ленноксе больше всего.

Кейт с сомнением посмотрела на нее:

– Ты так думаешь?

«Я думаю, что вас двоих нужно как следует стукнуть лбами друг о друга», – мысленно заявила Нина, но, к счастью, вслух этого не произнесла.

Она снова вышла из фургона во двор, где яростно расхаживал по двору Леннокс. Появившийся уже Парсли попытался привлечь его внимание, но безуспешно.

Леннокс мрачно уставился на Нину.

– Ты что, думаешь, я должен взять и отдать ей ферму? – спросил он. – Но можно же как-то по-другому... наверное.

– Не глупи! Не нужна ей твоя ферма. Это просто начальная точка для торгов.

– Раналд говорит, что нужно играть бескомпромиссно.

– Пока что ты играешь глупо. Почему бы просто-напросто не предложить ей амбар?

Леннокс нахмурился:

– Не хочу, чтобы она жила напротив меня.

– Она и не собирается здесь жить, олух! Она его продаст или сдаст в аренду отпускникам, за кучу денег.

Леннокс уставился на Нину:

– А ты куда денешься?

– Давай решать проблемы по очереди.

– Ты серьезно? – вздохнул он. – Думаешь, это может сработать?

– Пойди в фургон и разберись сам, – предложила Нина. – Прямо сейчас. И побыстрее, пока эти зловредные адвокаты все не порушили.

Нина сидела на невысокой каменной стенке внутреннего двора, прогретой солнцем. Парсли подошел к ней и положил голову ей на колени.

– Я знаю, – сказала Нина, поглаживая его. – Я тоже, Парсли. Я тоже.

В фургоне было тихо, и очень долго никто из него не показывался. Нина испустила протяжный вздох. Какого черта они там делают? Снова налаживают отношения? Рассуждают о своем будущем? Или Леннокс, едва

увидев Кейт, тут же подписал все в ее пользу? О боже...

К тому же начало холодать.

Но наконец появился бледный Леннокс. Он посмотрел на Нину и кивнул.

– Ну? – спросила Нина.

– Я сказал... Надеюсь, ты не станешь возражать, но я сказал ей, что она может забрать этот амбар. Мне очень жаль, Нина...

Нина вздохнула. Она немножко помолчала, давая Ленноксу возможность предложить: «Может, ты теперь переедешь в большой дом?»

Но конечно, он этого не сказал, да и с какой бы стати? Они были вместе всего несколько недель, они даже ни разу не поговорили о том, чем занимаются. Так что... конечно, нет. Нина снова подумала об Оркни и почувствовала, как у нее пересохло в горле.

– Еще была одна книга, – небрежно добавил Леннокс, – которую ей хочется получить.

Нина в ужасе уставилась на него:

– Ты что, отдал ее?!

Леннокс долго молчал.

– Разумеется, нет, – наконец коротко ответил он. – Я сказал, что ей придется меня убить, чтобы забрать одну из твоих книг.

Нина разинула рот, а потом улыбнулась, напряжение спало.

– Э-э-э... чаю?

В это самое мгновение обожаемый Ниной последний экземпляр «По крышам» вылетел из фургона – его швырнули с такой силой, что книга ударилась о стену и упала прямо в свежую горку конского навоза.

Леннокс и Нина потрясенно повернулись, из фургона выскочила разъяренная Кейт с перекосившимся от злобы лицом.

– Ты не получишь все, чего тебе хочется! Нет, черт побери!

Она запрыгнула в свою машину и укатила.

Они попытались спасти книгу, но та погибла безвозвратно.

– Мне так жаль... – сказал Леннокс. – Я достану тебе другую.

– Ага, скорее найдешь куриные зубы, – возразила Нина. – Да ладно... Может, это и к лучшему.

Они посмотрели друг на друга.

– Зайдешь? – спросила Нина.

– Я еще дела не закончил, – покачал головой Леннокс. – Нужно кое-что сделать обязательно сегодня, я обещал Найджу. У него бензопила сломалась.

- А что ты должен сделать?
- Тебе не понравится, – усмехнулся Леннокс.
- Можно мне пойти с тобой?
- Если хочешь...

Всю дорогу они сидели в машине молча. Парсли опустил голову на колени Нины и посматривал на нее своими большими глазами. Нина не знала, куда они едут, но наконец машина повернула на знакомую ей дорогу, обрамленную дикими цветами.

– Что?! – выдохнула Нина.

Ее сердце забилося с опасной скоростью.

– Это... ну да, то самое дерево, – ответил Леннокс, осторожно покосившись на нее. – Оно совсем больное. И собирается упасть. А это опасно. Я ведь тебя предупреждал.

– Да, понимаю. – Нина прикусила губу.

Она заглянула в свое сердце, проверяя, что именно оно чувствует. Грусть, поняла Нина, но не горе.

Пока Леннокс доставал из багажника «лендровера» топор и свою пилу, Нина пошла по тропинке к дереву. Книги Марека были уже сложены грудой у ствола, но, подойдя ближе, Нина заметила и кое-что еще. Это были маленькие пластиковые книжки, книжки на кольцах для ключей, а еще листки с изображениями книг и надписями вроде: «Элспет и Джим – навсегда», «Калли любит Донала», «Кайли + Пит 4EVA»^[2].

– Откуда все это взялось? – изумленно спросила Нина.

Леннокс с усмешкой посмотрел на всю эту ерунду:

– Люди просто с ума посходили! И кто это натворил?

Но Нина пошла вокруг дерева, восторженно разглядывая его.

– Сюда приходят парочки! – сказала она. – Это вроде того моста в Париже, где цепляют висячие замки. И стихи! Смотри! Но как они вообще об этом прослышали?

Дерево тихо позвякивало своими украшениями на ветру.

– Должно быть, кто-то разболтал.

– Думаю, Мареку это понравилось бы! – засмеялась Нина.

– Ты все еще о нем думаешь? – проворчал Леннокс.

– Нет, – честно ответила Нина. – И говорить о нем больше не хочу.

Леннокс уже подошел к дереву со своей пилой.

– Нет, ты не можешь! – ужаснулась Нина. – Ты не можешь спилить его прямо сейчас! Ты только посмотри на него!

– Я должен. Оно больное.

– Но оно прекрасно!

– Нина, – серьезно заговорил Леннокс, – это дерево умирает. Его необходимо убрать. Оно насквозь прогнило изнутри. И может упасть на рельсы. Его надо спилить.

– Но...

– Далеко не все в сельской местности прекрасно. Красивое может быть и опасным.

Нина кивнула:

– Но все эти книжки...

– Могу поклясться, ты считаешь их живыми, – сказал Леннокс.

– Но так оно и есть! – ответила Нина.

Леннокс шагнул к ней и обнял за талию. Прижав Нину к дереву, он поцеловал ее – крепко и страстно.

– Они вот такие же реальные? – спросил он.

Нина заглянула ему в глаза и хитро усмехнулась:

– В другом роде.

Леннокс снова поцеловал ее:

– А как теперь?

– Ну, знаешь, мне кажется, людям может нравиться не только это...

Леннокс отодвинулся:

– Что ты сказала?

До Нины вдруг дошло, как можно было истолковать ее слова. Она прижала ладонь к губам и порозовела:

– О, я не...

Леннокс серьезно, почти торжественно посмотрел на Нину, стоявшую под книжным деревом.

– Ты это серьезно?

Нина так смутилась, что едва могла говорить.

– Я не то имела в виду...

Леннокс помолчал.

– Но ты...

Нина посмотрела в его синие глаза.

– Я... мне бы хотелось... – прошептала она наконец едва слышно.

Леннокс снова наклонился к ней и поцеловал от всей души.

Наконец Нина отошла от дерева.

– Но ты ведь не спишишь его прямо сейчас?

– Да, именно сейчас! – усмехнулся Леннокс. – Ты что, никогда не слушаешь?

– Я никогда не слушаю.

– Ладно, пусть так, но тогда и болтать незачем.

Нина повернулась, чтобы еще раз посмотреть на дерево.

– Я посижу в машине. Не могу смотреть.

– Зимой оно прекрасно сгорит для нас обоих, – сказал Леннокс.

Нина бросила на него вопросительный взгляд, но Леннокс не стал продолжать.

Когда пила взревела, Нина, сидя в машине, обняла Парсли и стала раскачиваться, время от времени бормоча ему на ухо:

– Ох, боже мой, ох, боже мой...

Она смотрела на широкую спину Леннокса, пока тот работал, довольствуясь этой картиной, но, когда прекрасное дерево рухнуло, сердце ее наполнилось печалью.

День уже угасал, когда Леннокс загрузил бревна в «лендровер».

– Здесь теперь так голо... – заметила Нина.

– Да, но через пару дней будет другое.

– Другое что?

– Новое дерево... Ты ведь не думаешь, что мы оставили дыру в земле?

– Не знаю, – проворчала Нина.

В голове у нее гудело, как в посудомоечной машине.

– Значит, ты мало что знаешь о фермерской жизни. Посадят новое дерево, скорее всего саженец. Или, может, найдут какое-то постарше. В любом случае это произойдет. Что-то симпатичное, не изгрызенное болезнью.

– Вау!

– Возможно, твои идиоты и к нему тоже явятся и начнут цеплять на него книжки.

– Возможно, – улыбнулась Нина.

– У тебя счастливый вид, – заметил Леннокс.

– Так и есть, – глядя на него, согласилась Нина. – А ты как?

– Я тоже счастлив, – кивнул Леннокс. И тут же добавил нечто неожиданное: – Я тут подумал, не устроить ли себе небольшой отдых.

– Ты хочешь отдохнуть? – Нина была крайне удивлена.

– Ага. Я никогда не отдыхаю нормально. На мне это не слишком хорошо сказывается, – смутился Леннокс. – Ну, в любом случае... Рорих справится со всем ничуть не хуже меня, пора ему подняться повыше. А я подумал... Мне всегда хотелось взглянуть на Оркни.

Нина внимательно посмотрела на него.

– Или... Не обязательно Оркни. Просто небольшая поездка. Но если ты собираешься в Оркни, ну, тогда... и я могу съездить. Потому что... Боже

мой, Нина... я же просто не представляю, как обойдусь без тебя!

– Но мне ведь не обязательно уезжать, – улыбнулась Нина.

Леннокс повернулся к ней:

– Мне казалось, ты получила от них предложение о работе...

Нина качнула головой:

– Я надеялась... что в последнюю минуту смогу отказаться.

– Но я отдал Кейт амбар... твой дом...

– Как будто я только там могу жить!

Леннокс сосредоточился:

– Ты имеешь в виду большой дом?

– Наверное, это рановато... Я хочу сказать, мы ведь почти не знаем друг друга.

Леннокс нахмурился:

– Эй, мы знаем!

Нина расхохоталась.

Когда они повернули на подъездную дорогу, куры разбежались во все стороны. Леннокс аккуратно припарковал машину, они с Ниной вышли наружу.

– Так что ты думаешь? – с опаской спросил он.

Парсли тоже выскочил, подбежал к Нине, потом к Ленноксу. Нина посмотрела на фургон:

– Его нужно перегнать. Поставить перед домом.

Глава 36

Зимы здесь оказались холоднее и темнее, чем Нина могла вообразить. В октябре снаружи не горели уличные фонари, ничто не вставало между ней и плотным темным покрывалом неба, нависшим над землей и явно не собиравшимся куда-то деваться до самой весны. В иные дни вообще не было света, деревья покрылись острыми сосульками. Дороги засыпало снегом, проехать по ним можно было только на «лендровере», домашний скот выдыхал густые клубы пара, бури колотили в окна градом и снегом. И заняться было почти нечем, кроме как затаиться, сберегая энергию, выжидая, пока пройдут самые темные месяцы.

Нина сразу влюбилась в это время года.

Она валялась перед дровяной плитой, на которой согревался суп, радостно думая об Эйнсли, по утрам прибегавшей к ним на час для помощи в домашних делах, а потом снова убегавшей, объяснив, что зарабатывает дополнительные деньги. В свободное время она занималась с малышами, и платили за это гораздо лучше, чем платила Нина, что было правдой. А Нина ждала, когда в прихожей раздадутся тяжелые шаги Леннокса и он начнет аккуратно снимать ботинки.

Они действительно поехали в Оркни и замечательно провели там время, обедаясь гребешками, черными пудингами, устрицами, ночуя в скрипучей рыбацкой хижине, плавая на лодке в огромных бухтах и ночь напролет занимаясь любовью. Не было дня, когда Нине не хотелось бы больше и больше узнавать этого молчаливого, задумчивого человека. А когда Нина с Ленноксом решили наконец вернуться домой, они уже так сильно любили друг друга, что казалось легче всего в мире перебраться в милый и аскетичный фермерский дом и начать делать его уютнее и мягче, пока Кейт занималась продажей амбара. Нина каждый день посылала Суриндер сообщения. Просто на всякий случай. Та вроде бы собиралась приехать к ним как-нибудь на выходные...

Но этим вечером шаги Леннокса звучали как-то по-другому, Нина и Парсли замерли в ожидании. Леннокс вошел со слегка смущенным видом.

– Что такое? – спросила Нина, с улыбкой наблюдая за ним, когда он подошел к ней, наклонился и поцеловал в губы.

– Ничего, – виноватым тоном ответил Леннокс.

– Что?!

– Я вот все думал... ну, может, и есть что-то во всем этом твоём книжном деле...

И он развернул бумагу на абсолютно новеньком экземпляре «По крышам».

– Черт побери, где ты ее раздобыл?! – восторженно воскликнула Нина.

– У меня свои способы, – усмехнулся Леннокс.

Они съели ужин, а потом Леннокс налил им обоим пахнувшего торфом виски, и Нина уселась перед огнем, а Леннокс растянулся на полу, положив голову ей на колени и улыбаясь, а Парсли устроился рядышком с хозяином, и Нину охватило огромное чувство тепла, довольства и счастья.

– Что ж, – начала она. – «Давным-давно жили на свете трое ребятишек. Их звали Уоллес, Фрэнсис и Дельфина...»

Благодарности

Мне в моей писательской карьере то везло, то не везло с издателями. Я встречалась с изумительными женщинами, но они тут же продвигались по службе и уезжали. Не знаю, радоваться ли мне этому или сходить с ума. Но в любом случае Мэдди Уэст, мой новый редактор, блестящий профессионал, поэтому сейчас я счастлива.

Я благодарна «Литл Браун»: Чарли Кингу, Джо Уикхему, Эмме Уильямс, Талии Проктор, Дэвиду Шелли, Урсуле Маккензи, Аманде Китс, Фелис, Джен и всей команде по продажам, а также остальным, и такому обязательному, безотказному и вообще невероятному Джо Анвину; спасибо также тем, кто поддерживал связь между всеми. Я терпеть не могу слово «связь», так что не знаю, зачем его написала. Но я знаю, что имела в виду.

Спасибо Бену Моррису – я позаимствовала имя его прекрасного пса, и Элисон Джек за кучу сведений.

Особая благодарность всем тем в Шотландии, кто с такой добротой принимал нас в этом году. Это было так замечательно! Я переполнена благодарностью. Спасибо!

И еще – мистеру Би: здесь очень многое взято у Вас. Порадуюсь, если Вы не станете это читать.

Примечания

1

Хаггис — национальное шотландское блюдо из бараньих потрохов, порубленных с луком, толокном, салом, приправами и солью и сваренных в бараньем желудке.

2

«Кайли + Пит НАВСЕГДА».